

108

ЖУРНАЛЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

Изданіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1889

1-2

КНИГА ПЕРВАЯ

ЯНВАРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

1889

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ НА СООРУЖЕНІЕ ВЪ МОСКВѢ ПАМЯТНИКА НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, дѣйствительнымъ членомъ общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало все-народной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому геніальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генераль-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова, въ установленномъ порядкѣ, о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ первому декабря 1888 года къ казначею общества поступило пожертвованій 30.432 руб. 24³/₄ коп.

Пожертвованія принимаются въ редакціи Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права.

Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ. О поступившихъ пожертвованіяхъ ежемѣсячно печатаются отчеты.

Рес. Мая 13, 1905 См. на слѣд. стр.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 15-го ноября по 15-е декабря).

ОТДѢЛЪ I.

В) Распоряженія правительства.

Министра юстиціи.

29) *Объ учрежденіи по одной нотаріальной конторѣ въ с. Рудни, Камышинскаго уѣзда, и въ с. Елани Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи (№ 116, ст. 1028).*

ОТДѢЛЪ II.

Личный составъ.

Высочайшіе приказы

По министерству юстиціи.

НАЗНАЧАЕТСЯ: (30 ноября № 79) юрисконсультъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Люде**—товарищемъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената.

УВОЛНЯЮТСЯ отъ должности: (16 ноября № 76) членъ одесскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Двушильный**—по случаю назначенія помощникомъ управляющаго московскою казенною палатою, съ производствомъ, за выслугу лѣтъ, въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 4 января 1888 года; (23 ноября № 77) судебный слѣдователь 9 участка округа варшавскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Выдига**—по случаю назначенія нотаріусомъ при ипотечномъ отдѣленіи варшавскаго окружнаго суда; *согласно прошенію:* (7 декабря № 81) судебный слѣдователь Трубчевскаго уѣзда, округа орловскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Раевскій**—по случаю назначенія товарищемъ прокурора таганрогскаго окружнаго суда; (14 декабря № 83) судебный слѣдователь Венгровскаго уѣзда, округа съдлецкаго окружнаго суда, **Гроховскій**—по случаю назначенія нотаріусомъ при ипотечномъ отдѣленіи съдлецкаго окружнаго суда.

УМЕРШІЕ исключаются изъ списковъ: членъ пермскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Смоловикъ**; товарищъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената, статскій совѣтникъ **Валадинъ**; членъ харьковской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Вурнашевъ**; старшій предсѣдатель саратовской судебной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Яблонскій**.

Отъ Высочайше учрежденной комисіи по устройству IV международнаго тюремнаго конгресса въ С.-Петербургѣ.

Съ Высочайшаго соизволенія имѣть быть созванъ въ С.-Петербургѣ въ 1890 году IV международный тюремный конгрессъ. По установленіи международною тюремною комисіею программы конгресса, таковая была сообщена офиціальнымъ делегатамъ правительствъ, участвующихъ въ комисіи, съ просьбою предложить специалистамъ по уголовному праву и тюремовѣдѣнію принять на себя составленіе письменныхъ докладовъ (rapports) по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію на конгрессѣ. Означенные доклады, печатаемые въ бюллетенѣ международной тюремной комисіи (Bulletin de la Commission Pénitentiaire Internationale, St.-Petersbourg et Neuchâtel), послужать матеріаломъ для лицъ, которыя будутъ избраны докладчиками на конгрессѣ (corapporteurs). Число докладовъ не ограничено и чѣмъ больше лицъ выскажутся по вопросамъ программы конгресса, чѣмъ болѣе будутъ освѣщены эти вопросы, тѣмъ болѣе интересъ и значеніе будетъ, конечно, имѣть собранный для конгресса матеріалъ. Разославъ программу конгресса всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, участіе коихъ въ трудахъ конгресса признавалось желательнымъ, Высочайше учрежденная, подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго тюремнаго управленія, комисія по устройству конгресса ¹⁾ считаетъ нужнымъ опубликовать эту программу во

---

¹⁾ Комисія по устройству конгресса состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель М. Н. Галкинъ-Враскій; члены: сенаторы: Г. К. Рѣвинскій и Н. С. Таганцевъ; оберъ-прокуроръ общаго собранія кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената Н. А. Неклюдовъ; оберъ-прокуроръ уголовного кассацион-

всеобщее свѣдѣніе, присовокупляя, что лица, которыя пожелали бы взять на себя составленіе докладовъ, могутъ доставлять таковыя или непосредственно секретарю международной тюремной комисіи (Dr. Guillaume à Neuchâtel), если доклады изложены на французскомъ языкѣ, или же предсѣдателю Высочайше учрежденной комисіи по устройству конгресса (главное тюремное управленіе, С.-Петербургъ). Комисіи принимаетъ на себя переводъ докладовъ на французскій языкъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что если по размѣрамъ рукописи или инымъ причинамъ комисіи признаетъ переводъ затруднительнымъ, она немедленно увѣдомитъ объ этомъ автора, съ возвращеніемъ рукописи.

Четвертый международный тюремный конгрессъ въ С.-Петербурѣ 1890 г. Программа вопросовъ: *Первое отдѣленіе:*

1) какими способами и въ какой мѣрѣ можно было бы достигнуть установленія для различныхъ странъ одинаковаго наименованія исходнаго опредѣленія преступныхъ дѣяній, подлежащихъ включенію въ акты и договоры о выдачѣ преступниковъ; 2) какое значеніе пьянство можетъ имѣть въ уголовномъ законодательствѣ: а) какъ самостоятельное преступное дѣяніе, б) какъ обстоятельство уничтожающее, ослабляющее или усиливающее наказуемость преступнаго дѣянія; 3) слѣдовало ли бы установить преподаваніе тюремовѣдѣнія; какимъ образомъ можно было бы соединить съ этимъ преподаваніемъ практическое изученіе примѣненія наказаній, не нарушая порядка тюремной службы и не вреда администраціи тюремъ; 4) за какого рода преступныя дѣянія, при ка-

---

наго департамента сената А. Ф. Конн; членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи І. Н. Карницкій; непремѣнный членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ Ф. Ф. Мартенсъ; товарищи оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената: П. Я. Фойницкій и В. К. Случевскій; помощникъ начальника главнаго тюремнаго управленія В. П. Коковцевъ; с.-петербургскій городской голова В. И. Лихачевъ; московскій городской голова Н. А. Алексѣевъ; попечитель московскаго городского Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ К. В. Рукавишниковъ; секретарь совѣта по тюремнымъ дѣламъ А. П. Саломонъ (онъ же секретарь комисіи) и помощникъ секретаря комисіи В. В. Вестманъ.

кихъ условіяхъ и въ какой мѣрѣ слѣдовало бы допустить въ законодательствѣ: а) систему судейскихъ внушеній и выговоровъ, обращенныхъ къ виновнику преступнаго дѣянія и замѣняющихъ присужденіе къ какому либо наказанію, б) пріостановку исполненія наказанія, опредѣленнаго судьей, будь то штрафъ, тюремное заключеніе или иное наказаніе, если судьей будетъ постановлено, что виновный не долженъ быть подвергаемъ этому наказанію, доколѣ онъ не подпадетъ подъ новое осужденіе; в) какою властью должны быть опредѣляемы мѣры по отношенію къ порочнымъ и преступнымъ дѣтямъ; на какихъ данныхъ и принципахъ слѣдуетъ основывать рѣшеніе участи порочныхъ и преступныхъ дѣтей; должно ли это рѣшеніе заключаться: а) въ судебномъ приговорѣ и заключеніи въ карательное учрежденіе въ собственномъ смыслѣ слова, б) или въ помѣщеніи въ специальное исправительное заведеніе для порочныхъ дѣтей, в) или же въ отдачѣ въ воспитательное заведеніе, назначенное для воспитанниковъ, состоящихъ подъ опекою общественной власти; долженъ ли притомъ и при какихъ именно условіяхъ возрастъ дѣтей приниматься какъ единственное основаніе указаннаго распредѣленія; г) какія средства могли бы быти, употребляемы для дѣйствительной борьбы съ укrywательствомъ и укrywателями по ремеслу; д) какимъ образомъ можно было бы устранить пагубное вліяніе родителей и воспитателей на ихъ дѣтей и воспитанниковъ въ теченіи условнаго освобожденія послѣднихъ и вообще по истеченіи срока наказанія до времени ихъ совершеннолѣтія; е) какими основаніями слѣдуетъ руководствоваться для разграниченія подсудности арестантовъ судебнымъ мѣстамъ съ ихъ дисциплинарной подсудностью за проступки общеуголовнаго характера, совершенные ими во время содержанія подъ стражею; за какіе проступки этого рода они подлежатъ преданію суду и за какіе могутъ быть подвергнуты отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарномъ?—*Второе отдѣленіе:* 1) хозяйственный способъ производства работъ въ тюремныхъ учрежденіяхъ долженъ ли быть предпочитаемъ подрядному; 2) въ

какой мѣръ тюремный трудъ наноситъ ущербъ свободной промышленности; какъ слѣдовало бы организовать трудъ заключенныхъ съ тѣмъ, чтобы избѣжать, насколько возможно, невыгодъ конкуренціи; 3) какія поощренія могутъ быть дѣлаемы заключеннымъ въ интересахъ хорошей тюремной дисциплины; въ частности—въ какой мѣръ заключенный можетъ свободно распоряжаться своимъ заработкомъ; 4) независимо отъ ссылки въ колоніи, какой можетъ быть способъ примѣненія наказаній лишеніемъ свободы, безъ срока или же на продолжительный срокъ, т. е. на срокъ, превышающій пять лѣтъ, или, смотря по законодательствамъ, на срокъ свыше десяти лѣтъ. Каковы должны бы быть: организація и внутренній порядокъ учреждений, предназначенныхъ для содержанія заключенныхъ каждой изъ названныхъ категорій; 5) на какихъ основаніяхъ и какими способами можно было бы всего выгоднѣе обезпечить пополненіе состава служащихъ въ тюремныхъ учрежденіяхъ (директоровъ, инспекторовъ, экономовъ и т. д.); 6) можно ли допустить, чтобы нѣкоторые лица, виновныя въ преступленіяхъ или проступкахъ, были признаваемы несправимыми и, въ утвердительномъ случаѣ, какія средства могли бы быть употребляемы, чтобы оградить общество отъ этой категоріи осужденныхъ; 7) въ чемъ должно состоять отличіе порядка содержанія заключеннаго до постановленія окончательнаго судебного приговора, отъ порядка содержанія заключеннаго по его осужденіи; 8) желая доставить освобожденнымъ изъ заключенія, по отбытіи наказанія, средства къ существованію, было бы необходимо ввести въ тюрьмахъ возможно большее разнообразіе работъ, чтобы такимъ образомъ можно было обучить заключеннаго работѣ, которая всего болѣе соотвѣтствовала бы его способностямъ; но при этомъ, независимо отъ сложности организаціи и дороговизны содержанія подобныхъ своеобразныхъ тюремно-промышленныхъ заведеній, возникаетъ вопросъ, не будутъ ли нѣкоторые изъ заведенныхъ работъ, своей излишней легкостью и простотой, препятствовать успѣху уголовной репрессіи; тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ ли, не ограничивая числа ви-

довъ работы, доставлять каждому заключенному трудъ, соответствующій его способностямъ (вопросъ предложенъ японскимъ правительствомъ); 9) подраздѣляя продолжительность тюремнаго заключенія на извѣстное число періодовъ или классовъ, слѣдуетъ ли соответственно переходу отъ одного періода къ слѣдующему соразмѣрно уменьшать строгость содержанія; въ утвердительномъ случаѣ—порядокъ содержанія въ первомъ классѣ долженъ бы быть наиболѣе строгій, въ видѣ одиночнаго заключенія, но при этомъ какого же рода работы должны бы быть предпочтительнѣе выбраны. Сверхъ того, прибѣгая къ такой системѣ переходовъ, не нужно ли установить за исходную точку время послѣ отбѣгтія нѣкоторой части наказанія (періода испытанія) (вопросъ, предложенъ японскимъ правительствомъ); 10) если бы съ цѣлью разработки непочатой земли или съ цѣлью колонизаціи, на воздѣлываемомъ участкѣ была устроена тюрьма, то надлежало ли бы установить въ ней спеціальныи порядокъ содержанія, отличный отъ общаго и менѣе строгій, чѣмъ въ прочихъ тюрьмахъ; въ утвердительномъ случаѣ и во вниманіе къ тому, что въ такихъ тюрьмахъ будутъ содержаться заключенные на продолжительные сроки не надлежало ли бы признать умѣстнымъ установленіе для нихъ своеобразнаго порядка содержанія, и ранѣе назначенія въ упомянутыя тюрьмы подвергать ихъ строгому содержанію, въ теченіи опредѣленнаго времени, въ тюрьмахъ общаго устройства; (вопросъ предложенъ японскимъ правительствомъ)?—*Третье отдѣленіе:* 1) какимъ образомъ могли бы учрежденія и общества патроната различныхъ странъ, съ пользою для осуществленія ихъ задачи, войти въ сношенія другъ съ другомъ, съ тѣмъ, чтобы пользоваться общимъ опытомъ и средствами къ дѣйствию, обоюдно признанными наилучшими, чтобы слѣдить за освобожденными изъ подъ стражи лицами разныхъ національностей до ихъ возвращенія къ домашнимъ очагамъ и вступленія въ честную и трудовую жизнь, чтобы облегчить возвращеніе ихъ въ отечество и обмѣниваться особыми справками о лицахъ, принятыхъ подъ ихъ попеченіе и т. д.;

какимъ образомъ эти сношенія между учрежденіями и обществами патроната различныхъ странъ могли бы быть установлены и какимъ образомъ могли бы они достигать наилучшихъ результатовъ; 2) не существуютъ ли такіе общіе интересы и вопросы, которые побуждали бы, въ мѣрѣ возможности, установить обмѣнъ свѣдѣній и взглядовъ и согласованіе образа дѣйствій административныхъ органовъ, вѣдающихъ тюремную часть со связанными съ нею учрежденіями, общественную благотворительность, гигиену и больничное дѣло, полицію и общественную безопасность, пресѣченіе пищенства и бродяжества, организацію контроля за рабочими домами, помѣщеніями, пріютами, убѣжищами и т. д.; какимъ образомъ могли бы быть установлены подобный обмѣнъ свѣдѣній и взглядовъ и согласованіе образа дѣйствій безъ ущерба независимости, порядка и правильнаго отправленія отдѣльныхъ отраслей службъ; 3) помѣщеніе въ частныя семейства несовершеннолѣтнихъ дѣтей, находящихся, по какой либо причинѣ, подъ опекою или надзоромъ общественной власти, представляетъ ли должныя условія для обезпеченія воспитанія, труда и будущности сихъ дѣтей; въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ эта система могла бы замѣнить отдачу мало-лѣтнихъ въ заведенія общаго содержанія или же могла бы быть взаимно согласована и дополняема этимъ послѣднимъ способомъ; 4) для исполненія своей задачи во всемъ ея объемѣ, не слѣдуетъ ли учрежденіямъ и обществамъ патроната принимать на себя заботы объ устройствѣ положенія и о нуждахъ семействъ арестантовъ до полученія послѣдними свободы, съ цѣлью или поддержать семейныя привязанности, или придти на помощь семействамъ и оградить ихъ отъ послѣдствій осужденія того или другаго изъ ихъ членовъ; какимъ образомъ эта спеціальная задача патроната по отношенію къ семействамъ могла бы быть исполнена, не затрогивая ни чьего самолюбія и служа, притомъ, средствомъ для возбужденія раскаянія въ заключенномъ и для возвращенія его къ честной и трудовой жизни; 5) Какимъ образомъ дѣятельность учреждений и обществъ патроната могла

бы всего лучше быть согласована съ дѣятельностію полиціи, съ цѣлью предотвращенія освобожденныхъ изъ заключенія отъ совершенія новыхъ преступныхъ дѣяній, само же общество—отъ новыхъ убытковъ и безпокойства, вызываемаго этими дѣяніями, избѣгая притомъ огласки положенія лицъ освобожденныхъ изъ подѣ стражи и не вторгаясь въ ихъ жизнь на свободѣ; рассмотреть спеціально этотъ вопросъ, насколько онъ касается освобожденныхъ условно и находящихся въ за-вѣдываніи административныхъ властей до наступленія срока окончательнаго освобожденія, принимая въ соображеніе важныя интересы и потребности общественной безопасности, а также предосторожности и заботливость, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду по отношенію къ положенію освобожденнаго;

6) какими средствами и какимъ образомъ общество могло бы быть всего полнѣе и успѣшнѣе ознакомляемо съ истиннымъ смысломъ и важностью, даже для него самого, вопросовъ уголовного права и тюремнѣдѣнія, а также съ преобразованіями и усовершенствованіями, подготовляемыми или осуществляемыми, съ ихъ значеніемъ для безопасности общества и для огражденія частныхъ интересовъ, для исправленія виновныхъ и огражденія общества отъ зла?

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ГРАЖДАНСКИХЪ ЗАКОНОВЪ И ПОЛОЖЕ- НІЕ О НОТАРІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Со времени изданія гражданскихъ законовъ 1857 года произошли весьма крупныя измѣненія въ нашемъ правѣ, вызванныя знаменательными реформами прошлаго царствованія. Освобожденіе крестьянъ, крестьянское, земское и городское самоуправленіе, обновленіе правосудія и введеніе новаго порядка совершенія, утвержденія и засвидѣтельствованія актовъ, должны были неминуемо воздѣйствовать и на содержаніе нашихъ гражданскихъ законовъ. Явились новыя гражданско-правовыя отношенія, новые субъекты и объекты правъ, измѣнились во многомъ порядки установленія и укрѣпленія правъ. Все это вызвало отъ времени до времени соответствующія поправки и многочисленныя дополненія въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ, вошедшія въ продолженія свода, начиная съ 1863 года по 1886 годъ. Накопилось множество новыхъ законодательныхъ опредѣленій въ области гражданскаго права, которыя были разбросаны по разнымъ продолженіямъ къ своду и въ собраніи узаконеній и приурочивались къ той или другой статьѣ I части десятаго тома. Знакомство съ этимъ несистематизированнымъ матеріаломъ представляло большія трудности и отнимало много времени. Частныя изданія гражданскихъ законовъ съ продолженіями не внушали къ себѣ довѣрія; ими нельзя было пользоваться безъ риска, такъ какъ въ этихъ изданіяхъ встрѣчаются ошибки, пропуски и опечатки. Новое официальное изданіе граждан-

ж. гр. и уг. пр. кн. I 1889 г. 1

сихъ законовъ составляетъ, поэтому, важное явленіе въ нашей правовой жизни. Съ внѣшней стороны новое изданіе 1887 г. отличается отъ предыдущаго изданія 1857 года тѣмъ, что хотя нумерація статей въ томъ и другомъ изданіи одинаковая, но въ новомъ изданіи число статей уменьшено почти на $\frac{1}{4}$ часть. Многія статьи содержатъ въ себѣ совершенно другой или значительно измѣненный текстъ, сравнительно съ текстомъ соотвѣствующихъ статей предыдущаго изданія. Уменьшеніе числа статей вызвано было слѣдующими обстоятельствами: а) Въ 1866 году издано было положеніе о нотаріальной части, существенно измѣнившее порядокъ совершенія, утвержденія и засвидѣлствованія актовъ. Но рядомъ съ этимъ положеніемъ въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены судебные уставы, сохранился до настоящаго времени прежній порядокъ укрѣпленія правъ на имущества. Въ виду такой двойственности и въ виду того, что прежній порядокъ корроборации имѣетъ временный характеръ и будетъ въ болѣе или менѣ непродолжительномъ времени замѣненъ новымъ порядкомъ, кодификаторы признали болѣе цѣлесообразнымъ всѣ правила о порядкѣ совершенія и засвидѣлствованія актовъ изъ текста исключить и помѣстить ихъ въ видѣ приложенія къ ст. 708. По ст. 708 (новая) изд. 1887 года „порядокъ совершенія и засвидѣлствованія актовъ опредѣляется положеніемъ о нотаріальной части (изд. 1883 г) и правилами, при семъ приложенными о совершеніи и засвидѣлствованіи актовъ у крѣпостныхъ дѣлъ, у маклеровъ и нотаріусовъ“ (т. е. прежнихъ нотаріусовъ). На этомъ основаніи все содержаніе ст. 712—910 изд. 1857 г. (глава четвертая: о совершеніи и явкѣ актовъ у крѣпостныхъ дѣлъ; глава пятая: о явкѣ къ засвидѣлствованію) исключено изъ текста новаго изданія и большая часть этихъ правилъ помѣщена въ приложеніи I къ ст. 708. Замѣчу, что положеніе о нотаріальной части составляло по прод. 1876 года приложеніе къ ст. 708 т. X ч. 1. Оно исключено изъ новаго изданія и составляетъ самостоятельный законодательный актъ, вошедшій въ составъ судебныхъ уставовъ Императора Алек-

сандра II изд. 1883 года б) Прежній порядокъ ввода во владеніе сохранился только тамъ, гдѣ еще не введены въ дѣйствіе судебныя уставы и, потому, относящіяся сюда постановленія (ст. 925 до 930) исключены изъ текста новаго изданія и помѣщены въ приложеніи къ ст. 709. По этой статьѣ (новой) изд. 1887 г. „вводъ во владѣніе на имущество производится: въ мѣстностяхъ, въ коихъ введены въ дѣйствіе судебныя уставы—на основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставѣ гражд. судопр., въ остальныхъ же мѣстностяхъ—по правиламъ, при семъ приложенными“. Они помѣщены въ приложеніи вслѣдствіе ихъ преходящаго, временнаго значенія. в) Правила о порядкѣ составленія, явки и храненія вѣрностныхъ завѣщаній (ст. 1036—1044 изд. 1857 г.) исключены изъ текста и помѣщены въ приложеніи къ ст. 1013 изд. 1887 года. Исключены они потому, что въ мѣстностяхъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе положеніе о нотаріальной части, взаимнѣ вѣрностныхъ завѣщаній совершаются нотаріальныя завѣщанія (ст. 1012 изд. 1887 г.), порядокъ совершенія которыхъ опредѣленъ временными правилами 5 апрѣля 1869 г. (прилож. къ ст. 1012 по прод. 1876 г.), изложенными въ новомъ изданіи въ статьяхъ 1036—1044. г) Правила о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ (ст. 1746—2011 изд. 1857 г.) замѣнены особымъ положеніемъ о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ (прим. къ ст. 1737 изд. 1887 г.). д) Многія, хотя и не всѣ, судопроизводственныя правила исключены, съ указаніемъ на соотвѣтствующія статьи устава гражд. судопр. Сюда относятся напр. статьи 122—124, 126—130 изд. 1857 г. (о доказательствахъ законности рожденія); равнымъ образомъ изъ новаго изданія исключены постановленія, носящія уголовный характеръ, съ ссылкой на соотвѣтствующія статьи уложенія о наказ., уст. угол. супр. и уст. о наказ. (напр. 8, 70, 71, 704—706, 2018, 2117, 2121 и мн. др.), вообще исключены всѣ почти правила, которыя помѣщены въ другихъ частяхъ нашего законодательства. Такимъ образомъ гражданскіе законы въ новомъ изданіи значительно дифференцировались, упростились и сократились въ своемъ объ-

емъ, и это обстоятельство, по всей справедливости, должно быть отнесено къ главнымъ достоинствамъ новаго изданія. Однако, при обзорѣ новаго изданія встрѣчаются не бывшія въ текстѣ предыдущаго изданія постановленія, которыя имѣютъ чисто процессуальное значеніе. Сюда относятся статьи 1060, 1066¹—1066¹⁴, 1079, 1090, которыя образовались изъ *временныхъ* правилъ о духовныхъ завѣщаніяхъ 5 апрѣля 1869 г. Правила эти составляли прежде приложение къ ст. 1012 X т. 1 ч. (по прод. 1876 г.); они могли бы быть, за исключеніемъ изъ нихъ немногихъ постановленій, относящихся съ матеріальному праву, оставлены временно на прежнемъ мѣстѣ и при новомъ изданіи устава гражд. суд. могли бы образовать особую главу охранительнаго судопроизводства. Въ текстъ новаго изданія вошло также много новыхъ статей, содержащихъ въ себѣ постановленія, отчасти помѣщенные въ продолженіяхъ къ 1 части X т. въ видѣ приложения къ той или другой статьѣ, отчасти изданныя въ послѣднее время. Сюда относятся, какъ мы видѣли, правила о духовныхъ завѣщаніяхъ (изъ временныхъ правилъ они теперь обращены въ постоянныя); правила 19 апрѣля 1874 г. о метрической записи браковъ раскольниковъ (прилож. къ ст. 78 примѣч. 2 по прод. 1876 г.), введенныя нынѣ въ текстъ ст. 78 и прим.; правила передачи родоваго имѣнія однимъ изъ супруговъ въ пожизненное владѣніе другаго (27 февраля 1862 г.), составлявшія приложение къ ст. 116 по прод. 1876 г., а теперь—ст. 116 (прим.), 533¹—533¹³, 1070 и 1148 (прим.); законъ 25 января 1878 г. объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ (ст. 683 прод. 1879 г.) вошелъ въ текстъ ст. 683; законъ 6 марта 1879 г. объ отмѣнѣ узаконеній объ указныхъ процентахъ вошелъ въ текстъ 2020—2023 ст.; законъ 19 мая 1887 г. о вознагражденіи общественномъ изложенъ въ статьяхъ 575—608. Послѣ этого бѣлаго обзора новаго изданія гражданскихъ законовъ, мы остановимся на нѣкоторыхъ вопросахъ, возбуждавшихъ до сихъ поръ разногласіе, а нынѣ, благодаря новой кодификаціи, получившихъ, по нашему мнѣнію, разрѣшеніе.

I.

Въ судебной практикѣ часто возникалъ вопросъ о порядкѣ уничтоженія несостоявшихся почему либо нотаріальныхъ или крѣпостныхъ актовъ. Положеніе о нотар. части (изд. 1883 г.) не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній по этому предмету, въ гражданскихъ же законахъ (изд. 1857 г.) мы встрѣчаемъ нѣкоторые, относящіяся сюда постановленія (ст. 825, 909, 1424, 1648, 2057). Но очевидно, что эти постановленія, по своему происхожденію и по времени ихъ кодификаціи, имѣютъ въ виду прежнюю систему корробораціи и явки актовъ. Въ такомъ смыслѣ и высказалась с.-петербургская судебная палата по дѣлу Кокорева съ Кирсановою (касс. рѣш. № 100 -- 1887 г.). Тѣмъ не менѣе однако правительствующій сенатъ разъяснилъ, что ст. 825 и 1424 т. X ч. 1 сохранили полную свою силу и послѣ введенія положенія о нотар. части, мотивируя такое положеніе тѣмъ, что въ продолженіяхъ къ своду законовъ никакого измѣненія въ этихъ статьяхъ не сдѣлано. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ нашолъ, что по смыслу ст. 825 для признанія акта (купчей крѣпости) несостоявшимся, недостаточно одного заявленія покупателя или продавца о нежеланіи его продать или купить имѣніе, такъ какъ законъ требуетъ, чтобы присутственное мѣсто, совершившее актъ, предварительно удостовѣрилось, что актъ дѣйствительно не состоялся. Удостовѣриться же въ этомъ оно можетъ только въ томъ случаѣ, если ему представлено безспорное доказательство, что утвержденный актъ не можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе. Такимъ доказательствомъ въ нотаріальномъ порядкѣ, говоритъ сенатъ, не можетъ служить одностороннее заявленіе покупателя или продавца, ибо при несогласіи другой стороны не можетъ быть въ этомъ порядкѣ производима повѣрка доказательствъ для удостовѣренія въ основательности требованія одной изъ сторонъ. Посему, для признанія акта несостоявшимся по 825 ст. необходимо, чтобы заявленіе о томъ одной изъ сторонъ было подтверждено другою стороною; если же заявленіе одной стороны отвергается другою, изъявляющею согласіе на приведеніе утвержденного

акта въ дѣйствіе, то таковой актъ не можетъ быть признанъ несостоявшимся (касс. рѣш. № 100—1887 г.).

Съ появленіемъ новаго изданія гражданскихъ законовъ, всякое сомнѣніе въ примѣнимости ст. 825 и другихъ къ нотаріальнымъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ на основаніи положенія о нотар. части, устраняется. Ст. 708 т. X ч. 1 изд. 1887 года указываетъ на двоякій порядокъ совершенія и засвидѣтельствованія актовъ: одинъ порядокъ опредѣляется положеніемъ о нотаріальной части (изд. 1883 г.), другой—правилами о совершеніи и засвидѣтельствованіи актовъ у крѣпостныхъ дѣлъ, у маклеровъ и нотаріусовъ. Правила эти, какъ выше сказано, составляютъ приложение къ ст. 708 изд. 1887 г., въ изданіи же 1857 г. они помѣщены въ самомъ текстѣ. Они исключены изъ текста новаго изданія какъ мы видѣли потому, что имѣютъ примѣненіе только тамъ, гдѣ не введены еще судебные уставы; въ большей же части Россіи дѣйствуетъ положеніе о нотар. части. Смыслъ упомянутой статьи 708 прямо указываетъ на то, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ введены судебные уставы, примѣняется положеніе о нотар. части, а не правила о совершеніи и засвидѣтельствованіи актовъ у крѣпостныхъ дѣлъ, у маклеровъ и нотаріусовъ (прил. къ ст. 708). Между этими правилами находятся и постановленія о несостоявшихся актахъ. Такъ, прежняя ст. 825 („если продажа или иное укрѣпленіе зачѣмъ либо не состоится, то подлежитъ предъявить о семъ не далѣе семи дней со дня окончательнаго совершенія акта, т. е. со дня выдачи онаго отъ крѣпостныхъ дѣлъ...“) составляетъ теперь ст. 82 прилож. къ ст. 708; ст. 1424 („если продавецъ не получить отъ покупателя цѣны недвижимаго имущества, на продажу коего совершонъ крѣпостной актъ, то онъ долженъ просить объ уничтоженіи дѣйствительности то же присутственное мѣсто, которое сей актъ совершило и притомъ въ семидневный срокъ....“) составляетъ ст. 84 прилож.; ст. 1648 („если бы по совершеніи закладной крѣпости она зачѣмъ либо не состоялась....“) — ст. 85 прилож.; ст. 909 и 2057 (о несостоявшихся явочныхъ актахъ) — ст. 143 прилож. Какой же

порядокъ уничтоженія несостоявшихся актовъ долженъ быть соблюдаемъ тамъ, гдѣ дѣйствуетъ нотаріальное положеніе?

Относительно актовъ о переходѣ права собственности на недвижимое имущество не подлежитъ сомнѣнію, что старшій нотаріусъ, утвердивъ актъ и отмѣтивъ его въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ, не можетъ уже отмѣнить или уничтожить актъ, хотя бы обѣ стороны заявили ему, что актъ не состоялся. Переходъ права совершается съ момента утвержденія акта старшимъ нотаріусомъ, а не съ момента передачи акта новому пріобрѣтателю (кассац. рѣш. №№ 203—1876 г., 127—1878 г., 100—1887 г.). Реестръ крѣпостныхъ дѣлъ введенъ былъ впервые положеніемъ о нотаріальной части, съ цѣлью правильной регистраціи вотчинныхъ правъ. Онъ долженъ былъ внести большую опредѣленность и прочность въ правахъ на недвижимыя имущества и подготовить почву для будущей ипотечной системы. Поэтому, при каждомъ переходѣ права собственности на недвижимое имущество, въ реестръ крѣпостныхъ дѣлъ вписываются имя, отчество и фамилія пріобрѣтателя и родъ акта, по которому перешло къ нему право собственности (ст. 177 нотар. полож.). Внесеніе выписи акта въ крѣпостную книгу и отмѣтка о томъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ устанавливаютъ вотчинное право пріобрѣтателя; это равносильно интабуляціи или транскрипціи при дѣйствіи ипотечной системы. Сколько намъ извѣстно, въ будущемъ нашемъ вотчинномъ уставѣ предполагено постановить, что вотчинное право, внесенное въ вотчинную книгу, можетъ быть оспорено и уничтожено лишь по судебному рѣшенію и что вообще установленныя по вотчинной книгѣ права безповоротны. Это вытекаетъ изъ понятія укрѣпленія правъ на недвижимое имущество. Укрѣпленное право можетъ быть поколеблено и уничтожено не иначе какъ судомъ.

По нашему мнѣнію, не можетъ быть рѣчи о несостоявшемся актѣ, коль скоро онъ внесенъ старшимъ нотаріусомъ въ крѣпостную книгу и отмѣченъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ, такъ какъ переходъ права уже совершился. Можетъ быть вопросъ только объ уничтоженіи акта или о признаніи

его недѣйствительнымъ, каковой вопросъ долженъ быть разрѣшенъ судомъ. Только судъ обладаетъ всѣми средствами удостовѣриться въ каждомъ данномъ случаѣ, есть ли законное основаніе къ измѣненію или прекращенію установленныхъ крѣпостнымъ актомъ отношеній сторонъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если по этому предмету происходитъ споръ между участвовавшими въ юридической сдѣлкѣ сторонами или при отсутствіи соглашенія между ними объ уничтоженіи акта,—разрѣшеніе этого спора относится всецѣло къ вѣдѣнію суда, хотя бы споръ этотъ возникъ тотчасъ же послѣ утвержденія акта старшимъ нотаріусомъ (ст. 1 уст. гражд. суд.). Сюда относится напр. предусмотрѣнный въ ст. 84 прилож. къ ст. 708 т. X ч. 1 изд. 1887 г. (ст. 1424 изд. 1857 г.) случай, когда продавецъ не получить отъ покупателя цѣны недвижимаго имущества, на продажу коего совершенъ крѣпостный актъ; „онъ долженъ просить, говорить законъ, объ уничтоженіи дѣйствительности онаго“ (акта). Но разсмотрѣнію суда подлежатъ, по нашему мнѣнію, просьбы объ уничтоженіи крѣпостнаго акта и въ томъ случаѣ, когда между сторонами нѣтъ спора и когда онѣ согласны на возстановленіе прежняго юридическаго положенія имущества. Различіе въ томъ и другомъ случаѣ будетъ только въ порядкѣ производства: въ первомъ случаѣ примѣняется исковой порядокъ судопроизводства, во второмъ—охранительный или частный. Извѣстно, что дѣла о недвижимомъ имуществѣ сопрягаются съ общимъ государственнымъ интересомъ. Государство вездѣ и всегда съ особенною заботливостью охраняетъ права на недвижимое имущество, обставляетъ пріобрѣтеніе и переходъ этихъ правъ строгими формами и условіями, соблюденіе которыхъ безусловно необходимо. Оно исходитъ изъ того положенія, что отъ правильно организованной системы пріобрѣтенія вотчинныхъ правъ, отъ дѣйствительности и обезпеченности отношеній лицъ къ недвижимому имуществу зависитъ внутреннее спокойствіе страны, личное и общественное благосостояніе (см. нашу статью „Третейскій судъ“ въ Журналѣ гражд. и угол. права 1888 г. февраль,

стр. 56 и 57). Нельзя, поэтому, предоставить свободному произволу частных лиц заявлять объ уничтоженіи окончательно совершеннаго крѣпостнаго акта, *безъ законнаго основанія*. Заявляя объ этомъ суду, стороны обязаны представить такія уважительныя обстоятельства (напр. ошибка въ предметѣ сдѣлки, отчужденіе его третьему лицу, скрытые недостатки въ проданномъ имуществѣ, убыточность продажи и т. п.), которыя убѣдили бы *судъ* въ необходимости уничтожить актъ и возстановить прежнее положеніе имущества. Если въ до-реформенное время несостоявшіеся акты представлялись къ уничтоженію въ то установленіе, гдѣ актъ совершенъ, то это потому, что тогда нотаріально-крѣпостныя и судебныя функціи не были строго разграничены и сосредоточены онѣ были въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ. Только судебныя уставы внесли строгое разграниченіе между тѣми и другими функціями и для нотаріально - крѣпостной дѣятельности созданы были особые учрежденія. Кромѣ того, при прежней системѣ укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества трудно было съ точностью опредѣлить моментъ окончательнаго перехода имущества къ новому пріобрѣтателю. Поэтому, не только послѣ внесенія акта въ записную книгу, но и послѣ передачи его пріобрѣтателю, въ теченіи 7 дней можно было заявить о томъ, что актъ не состоялся. По нотаріальному же положенію моментъ перехода права опредѣленъ, какъ упомянуто выше и какъ разъяснено кассационною практикою, съ точностью и притомъ переходъ совершается безъ всякаго участія судебной власти. Коль скоро право на недвижимое имущество окончательно установлено и оглашено притомъ припечатаніемъ объявленія въ сенатскихъ объявленіяхъ (ст. 179 полож. о нотар. части), оно можетъ быть поколеблено и уничтожено не иначе, какъ по судебному рѣшенію или опредѣленію. Трудно поэтому согласиться съ вышеприведеннымъ положеніемъ сената о томъ, что при изъявленіи согласія обѣими сторонами, крѣпостной актъ можетъ быть уничтоженъ непосредственно старшимъ нотаріусомъ. Впрочемъ, высказывая такое положеніе, сенатъ не имѣлъ еще въ виду новаго изданія гражданскихъ законовъ.

И такъ, акты о переходѣ права собственности на недвижимое имущество, утвержденное старшимъ нотаріусомъ, могутъ быть уничтожены не иначе, какъ по постановленію суда. На основаніи такого судебного постановленія старшій нотаріусъ обязанъ уничтожить въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ отмѣтку о переходѣ права собственности съ указаніемъ, рядомъ съ отмѣткою объ уничтоженномъ правѣ, года, мѣсяца и числа уничтоженія и того судебного опредѣленія, силою котораго отмѣтка уничтожена; самое же опредѣленіе старшій нотаріусъ вноситъ въ крѣпостную книгу. Такогой порядокъ аналогиченъ съ порядкомъ уничтоженія отмѣтокъ о залогахъ и другихъ ограниченіяхъ, установленнымъ ст. 187 и 188 полож. о нотар. части. Замѣчу, что въ силу этихъ статей старшему нотаріусу предоставлено лишь уничтоженіе крѣпостныхъ актовъ о залогахъ и другихъ ограниченіяхъ права собственности; для этого достаточно согласіе лица, въ пользу котораго залогъ или ограниченіе установлено. Но это согласіе должно быть выражено въ актѣ, который вносится старшимъ нотаріусомъ въ крѣпостную книгу.

II.

Системою новаго изданія гражданскихъ законовъ разъясняется также вопросъ о порядкѣ выдачи утраченныхъ актовыхъ выписей (дубликатовъ) или копій актовъ. Относящіяся сюда постановленія (ст. 827 — 830 изд. 1857 г.) исключены изъ текста новаго изданія и перенесены цѣликомъ въ приложение къ ст. 708; они составляютъ теперь ст. 86—89 прилож. Такое перенесеніе указываетъ, по смыслу ст. 708 X т. 1 ч. изд. 1887 г., на то, что правила эти имѣютъ дѣйствіе только тамъ, гдѣ еще не введены судебные уставы, въ остальныхъ же мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ судебные уставы, должны имѣть примѣненіе постановленія по этому предмету, содержащіяся въ полож. о нотар. части. Прямыхъ, точныхъ указаній по занимающему насъ вопросу въ полож. о нотар. части не содержится. Въ немъ излагаются вообще правила о порядкѣ выдачи выписей и дубликатовъ

изъ актовыхъ книгъ и копій нотаріальныхъ актовъ, безъ указанія, по какому случаю такая выдача производится. Но правила эти, по общему ихъ смыслу, могутъ быть распространены и на получение дубликата или копіи выписи *по случаю утери подлиннаго акта или главной выписи*. На основаніи ст. 171 полож. о нотар. части, старшій нотаріусъ выдаетъ сторонамъ выписи по тѣмъ же правиламъ, по какимъ выдаются выписи изъ актовыхъ книгъ (ст. 115 — 121). Для выдачи же изъ актовыхъ книгъ вторичныхъ и послѣдующихъ выписей (дубликатовъ) установлены слѣдующія правила. Вторичныя и послѣдующія выписи (дубликаты) тѣхъ актовъ, коихъ выписи были выданы участвовавшимъ въ совершеніи ихъ сторонамъ, дозволяется нотаріусу выдавать не иначе, какъ по требованію лицъ, въ актѣ опредѣленныхъ (ст. 118 полож. о нотар. части). По актамъ, выписъ которыхъ была выдана одной только сторонѣ, вторичныя и послѣдующія выписи могутъ быть выдаваемы не иначе, какъ съ согласія другой стороны, въ совершеніи акта участвовавшей, или по опредѣленію суда, послѣдовавшему по вызовѣ этой стороны и по выслушаніи ея, если она явилась къ назначенному для того сроку (ст. 119 того же полож.). Смыслъ приведенныхъ законоположеній показываетъ, что законъ различаетъ два случая выдачи дубликатовъ. Если выписи актовъ выданы обѣимъ сторонамъ, то и дубликаты могутъ быть выдаваемы имъ же или вообще лицамъ, въ актѣ опредѣленнымъ согласно 116 ст. полож. Если же выпись выдана одной только сторонѣ, то и дубликаты выдаются не иначе, какъ съ согласія другой стороны или по опредѣленію суда. Такое различіе въ порядкѣ выдачи документовъ имѣетъ свое разумное основаніе. По мысли составителей нотаріальнаго положенія, согласіе противной стороны на выдачу дубликата, равно какъ и опредѣленіе о томъ суда, важны не только по долговымъ обязательствамъ, но и по другимъ актамъ. Согласно этой мысли, ст. 119 составлена по примѣненію къ ст. 932 уст. гражд. суд. о порядкѣ выдачи копій съ исполнительныхъ листовъ (см. мотивы къ ст. 119 изд. государ. канц.). Законодатель

имѣлъ въ виду предупредить возможные споры и нарушенія одною стороною правъ другой стороны. Дѣйствительно, на практикѣ возможны такіе случаи. Кредиторъ по закладной получаетъ выписъ отъ старшаго нотаріуса, долгъ затѣмъ уплаченъ, закладная уничтожена, но до уничтоженія въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ отмѣтки о залогѣ, кредиторъ получаетъ дубликатъ и требуетъ по немъ платежа вторично. Продавецъ получаетъ выписъ купчей съ цѣлью передать ее покупщику не прежде, какъ по полученіи покупной цѣны; покупщикъ, не уплатившій денегъ, получаетъ дубликатъ выписи купчей и доказываетъ свои права на купленное имѣніе. Разумѣется, такіе и имъ подобные случаи будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ судебные споры и иски. Поэтому законъ обуславливаетъ полученіе дубликата изъясненіемъ на то согласія стороны, интересовъ которой касается. При наличности этого согласія предполагается, что выписъ, напр. закладной, еще не оплаченная, утеряна, что купчая перешла уже въ руки покупщика по уплатѣ денегъ, но имъ утеряна. почему и требуется дубликатъ, который равносильнъ подлинной выписи (ст. 121). Но сторона можетъ отказать въ своемъ согласіи на выдачу дубликата по тому или другому основанію, или вслѣдствіе желанія воспользоваться потерю противною стороною первой выписи, — тогда разногласіе или споръ между сторонами разрѣшается судомъ, который по представленнымъ доказательствамъ постановляетъ опредѣленіе о выдачѣ или невыдачѣ дубликата. Отсюда слѣдуетъ, что по разуму ст. 119 полож. согласіе стороны или опредѣленіе суда о выдачѣ дубликата требуется только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ актѣ участвовали двѣ стороны, а выписъ выдана только одной изъ нихъ, и когда притомъ выдача дубликата по требованію одной только стороны, безъ согласія другой, можетъ вызвать въ послѣдствіи какіе-либо споры и посягательства на права другой, участвовавшей въ актѣ стороны. Въ проектѣ нотаріальнаго положенія 1863 года предполагалось постановить, что „вторичныя и послѣдующія выписи (дубликаты) дозволяется выдавать по требованію лицъ, означенныхъ въ актѣ, съ про-

писаніемъ, которая эта выпись по счету, но по актамъ о долговыхъ обязательствахъ подобныя выписи могутъ быть выдаваемы не иначе, какъ съ согласія должника или по особому судебному о томъ опредѣленію.“ Это правило было замѣнено приведенными статьями 118 и 119 и распространено на акты вообще. Тѣмъ не менѣе причина, по которой для выдачи дубликата требуется, въ извѣстныхъ случаяхъ, согласіе стороны или опредѣленіе суда о выдачѣ дубликата,—та же, какая имѣлась въ виду составителей проекта 1863 года, а именно—предупрежденіе правонарушеній (мотивы къ ст. 119 изд. государ. канц.). Поэтому, если по свойству самаго акта и по обстоятельствамъ даннаго случая, отъ выдачи дубликата непредвидится никакихъ замѣшательствъ въ правовыхъ отношеніяхъ или какихъ либо правонарушеній,—напр. главная выпись купчей или дарственной была выдана покупщику или одаренному (а не продавцу или дарителю), затѣмъ, по случаю потери этой записи, они ходатайствуютъ о выдачѣ дубликата—то нѣтъ достаточнаго логическаго основанія требовать согласія на то продавца или дарителя, не имѣющихъ никакого отношенія къ ходатайству о выдачѣ дубликата. Онъ выдается, если, разумѣется, въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ нѣтъ отмѣтки о переходѣ права собственности отъ просителя къ другому лицу или объ уничтоженіи акта. Если же актъ имѣетъ предметомъ своимъ ограниченіе правъ собственности въ пользу другаго лица (напр. закладная), то послѣднему дубликатъ выдается старшимъ нотаріусомъ не иначе, какъ по изъясненіи на то согласія собственника имѣнія. При отсутствіи же положительно выраженнаго согласія или въ случаѣ возраженія собственника (должника), что долгъ, напр. по закладной, весь или частью уплаченъ, старшій нотаріусъ отказываетъ въ выдачѣ дубликата и тогда вопросъ о выдачѣ разрѣшается судомъ. Просьбы о выдачѣ дубликата или вошіи акта разрѣшаются судомъ по примѣненію къ 932 ст. уст. гражд. суд. въ частномъ порядкѣ, по вызовѣ и выслушаніи противной стороны (см. статью нашу „О порядкѣ выдачи дубликатовъ“ Юрид. Вѣстн. 1881 г. № 6). Такой же по-

рядокъ выдачи дубликатовъ или копій примѣняется и къ нотаріальнымъ актамъ (т. е. актамъ, не подлежащимъ утвержденію старшаго нотаріуса или имъ почему либо не утвержденнымъ). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что выдача дубликата или копіи нотаріальнаго завѣщанія представляетъ нѣкоторыя особенности. Завѣщаніе—актъ односторонній; дѣйствіе этого акта наступаетъ не ранѣе смерти завѣщателя; при жизни же своей завѣщатель можетъ измѣнить или отмѣнить совершенное имъ завѣщаніе. Въ виду этихъ особенностей, выписъ внесеннаго въ актовую книгу завѣщанія выдается завѣщателю немедленно по подписаніи завѣщанія въ книгѣ; вторичныя и послѣдующія выписи завѣщанія, *при жизни завѣщателя*, могутъ быть выдаваемы только ему самому или его повѣренному (ст. 1039 и 1042 т. X ч. 1 изд. 1887 г.). Можетъ ли быть выданъ дубликатъ выписи или копія завѣщанія *послѣ смерти завѣщателя*? Возможенъ случай, когда выписъ, выданная самому завѣщателю, утеряна или не найдена послѣ его смерти. Въ подобномъ случаѣ было бы несправедливо не выдавать наслѣдникамъ, поименованнымъ въ завѣщаніи, дубликата послѣдняго: они лишены были бы возможности осуществитъ свои наслѣдственные права. Ст. 1041 т. X ч. 1 изд. 1887 г. постановляетъ, что въ отношеніи выдачи выписей и копій нотаріальныхъ завѣщаній, нотаріусъ руководствуется ст. 115—120, 122—127 полож. о нотар. части (ст. 8 прил. къ ст. 1012 т. X ч. 1 изд. 1857 г. по прод. 1876 г.). Изъ цитируемыхъ статей нотар. полож., ст. 118 и 122 даютъ, по нашему мнѣнію, отвѣтъ на поставленный вопросъ. По ст. 118 вторичныя и послѣдующія выписи (дубликаты) тѣхъ актовъ, коихъ выписи были выданы участвовавшимъ въ совершеніи ихъ сторонамъ, дозволяется нотаріусу выдавать не иначе, какъ по требованію лицъ, *въ акты опредѣленныхъ*. По ст. 122 копіи внесенныхъ въ нотаріальныя книги актовъ нотаріусъ не можетъ выдавать никому иному, кромѣ самихъ лицъ, коими акты составлены, или ихъ повѣреннымъ, *наслѣдникамъ и вообще тѣмъ, къ которымъ перешли ихъ права*. Совокупный смыслъ этихъ двухъ постановленій даетъ основа-

ніе къ заключенію, что дубликатъ выпиши или копія нотаріальнаго завѣщанія можетъ быть выданъ нотаріусомъ наследникамъ по завѣщанію, такъ какъ они поименованы въ завѣщаніи и являются они правопреемниками лица, отъ имени котораго актъ совершенъ. Постороннимъ же лицамъ или наследникамъ по закону, не поименованнымъ въ завѣщаніи, дубликатъ или копія завѣщанія выдается не иначе, какъ по опредѣленію суда. На это указываетъ смыслъ ст. 117 и 124 п. 2 нотар. полож. (см. статьи Змирлова „Объ утвержденіи духовныхъ завѣщаній“ въ Юрид. Вѣстн. 1886 г. № 5 стр. 115—117 и Журн. гражд. и угол. права 1887 г. № 8 стр. 23 и 24). Конечно, отсутствіе главной выпиши завѣщанія, выданной самому завѣщателю при его жизни (ст. 1039 изд. 1887 г.), можетъ возбуждать сомнѣніе въ томъ, не уничтожено ли оно самимъ завѣщателемъ, не отмѣнено ли оно другимъ нотаріальнымъ завѣщаніемъ (ст. 1030 изд. 1887 г.), тѣмъ болѣе, что законъ не требуетъ, чтобы позднѣйшее завѣщаніе было совершаемо у того же нотаріуса, у котораго совершено предыдущее, такъ что нотаріусъ, выдавая дубликатъ или копію, можетъ не знать, что завѣщаніе отмѣнено или уничтожено самимъ завѣщателемъ. Но это уже относится къ вопросу о силѣ и значеніи дубликата или копій завѣщанія, какъ судебного доказательства. Сила и значеніе всѣхъ вообще дубликатовъ или копій актовъ опредѣляются, въ случаѣ спора, судомъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 457, 459, 460 и въ особенности ст. 463 уст. гражд. суд. Все изложенное показываетъ, что при выдачѣ дубликатовъ или копій актовъ изъ нотаріальныхъ учрежденій примѣняются правила нотар. полож., а не ст. 86—89 и 144 прилож. къ ст. 708 т. X ч. 1 изд. 1887 г.; слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія къ отобранію, согласно ст. 88, означеннаго приложенія, отъ просителя подписки въ томъ, „что крѣпость, съ которой требуется выпись, есть дѣйствительная, ничѣмъ не уничтоженная и подлинно сторѣла или утратилась другимъ какимъ либо способомъ . . . . .“, а также нѣтъ надобности объявлять „по самой истинѣ и чистой совѣсти о

томъ, не была ли произведена, напримѣръ по заемному письму, какая либо уплата“.

Въ виду того, что сила дубликата и копій опредѣляется судомъ по правиламъ устава гражд. суд., не слѣдовало, по нашему мнѣнію, вносить въ текстъ новаго изданія, въ видѣ примѣчанія къ ст. 2012, постановленія, содержащагося въ ст. 831 изд. 1857 г. Эта послѣдняя статья помѣщена подъ рубрикою, „о выдачѣ, вмѣсто утраченныхъ актовъ, выписей изъ записныхъ крѣпостныхъ книгъ“. По копіи заемнаго обязательства, сказано въ ст. 831 изд. 1857 г., взятой изъ записныхъ книгъ присутственнаго мѣста, производится взъясненіе токмо въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ представитъ доказательство объ уничтоженіи отвѣтчикомъ подлиннаго обязательства. По продолж. 1876 г. къ этой статьѣ сдѣлано примѣчаніе о томъ, что въ мѣстностяхъ, въ коихъ введены судебные уставы, значеніе копій съ акта опредѣляется по правиламъ устава гражданскаго судопроизводства. Въ новомъ же изданіи упомянутая ст. 831 составляетъ примѣчаніе къ ст. 2012 (оно начинается такъ: „въ 1825 году постановлено: по копіи . . . .“), причемъ означенное примѣч. по прод. 1876 г. исключено, а вмѣсто него въ цитатѣ указана ст. 463 уст. гражд. суд. Въ этой послѣдней статьѣ содержится общее правило о томъ, что засвидѣтельствованная еѣмъ слѣдуетъ копія акта, служить удостовѣреніемъ его содержанія, если не заявлено сомнѣнія въ ея точности, и принимается вмѣсто самаго акта. . . . Уже не говоря о томъ, что примѣч. къ ст. 2012 новаго изданія, по существу своему, относится къ гражданскому процессу, оно, по нашему мнѣнію, не можетъ имѣть примѣненія тамъ, гдѣ дѣйствуютъ судебные уставы. Это подтверждается также вышеприведеннымъ прим. къ ст. 831 по прод. 1876 г. Повидимому и сами редакторы новаго изданія, цитируя 463 ст. уст. гражд. суд., были того же мнѣнія. Но въ такомъ случаѣ лучше было бы прежнюю 831 ст. исключить изъ текста новаго изданія и помѣстить ее въ прилож. къ ст. 708, рядомъ съ правилами о выдачѣ вмѣсто утраченныхъ актовъ выписей.....

III.

Между статьями, перенесенными при новомъ изданіи гражданскихъ законовъ изъ текста въ приложение къ ст. 708, мы встрѣчаемъ ст. 887 изд. 1857 г., постановляющую о взысканіи сбора съ актовъ въ пользу города. Статья эта составляетъ въ новомъ изданіи ст. 123 прилож. къ ст. 708. Но при переносѣ пропущенъ п. в. ст. 887, по которому съ закладныхъ на недвижимыя имущества взимается въ пользу города $\frac{1}{4}\%$ сборъ при предъявленіи ихъ во взысканію. Правило это составляетъ теперь примѣчаніе къ ст. 1643. Извѣстно, что положеніе о нотаріальной части, подтверждающее уже прежде установленное взысканіе сбора въ пользу городовъ, измѣнило размѣръ и способъ исчисленія этого сбора, постановляя, что размѣръ сбора опредѣляется вдвое противъ цѣны гербовой бумаги по цѣнѣ предмета акта (ст. 203). По ст. 202 полож., не подлежатъ этому сбору довѣренности не торговныя и акты, утвержденныя старшимъ нотаріусомъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ сихъ актовъ, съ коихъ сборъ этотъ именно опредѣленъ въ законѣ. Эта послѣдняя оговорка возбуждала на практикѣ недоразумѣнія относительно закладныхъ на недвижимыя имущества. По мнѣнію однихъ, съ представленныхъ во взысканію закладныхъ слѣдуетъ взимать сборъ $\frac{1}{4}\%$ съ суммы акта, такъ какъ это правило ст. 887 осталось въ силѣ и ни въ чемъ не измѣнено нотаріальнымъ положеніемъ, размѣръ же сбора, установленный ст. 203 полож., къ закладнымъ не относится. По мнѣнію же другихъ, правило ст. 887 сохранилось въ томъ лишь отношеніи, что закладныя на недвижимыя имущества не изъяты отъ взиманія сбора въ пользу города, но размѣръ этого сбора долженъ быть тотъ, который опредѣленъ въ полож. о нотар. части, такъ какъ этотъ размѣръ относится ко *всѣмъ* актамъ, подлежащимъ сбору. Такъ практиковали многіе суды. Теперь не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній по этому предмету. Всѣ статьи, постановляющія о взиманіи городского сбора, исключены изъ текста новаго изданія и перенесены въ приложение, потому что они дѣйствуютъ только въ тѣхъ мѣст-

ностяхъ, въ которыхъ судебныя уставы еще не введены. Тамъ же, гдѣ послѣдніе введены, примѣняются правила нотаріальнаго положенія. Оставлено въ текстѣ одно только правило о закладныхъ (примѣч. къ ст. 1643). Это несомнѣнно указываетъ на то, что оно должно имѣть примѣненіе и тамъ, гдѣ дѣйствуетъ нотаріальное положеніе; слѣдовательно, съ предъявленныхъ ко взысканію закладныхъ на недвижимыя имущества слѣдуетъ взимать въ пользу города не двойную цѣну гербовой бумаги, а $\frac{1}{4}\%$ съ суммы акта.

Г. Вербловскій.

НОРВЕЖСКИЙ УСТАВЪ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1 ЮЛЯ 1887 ГОДА.

Пока въ тѣхъ странахъ, гдѣ судъ присяжныхъ функционируетъ, идетъ горячій споръ объ участіи народнаго элемента въ отправленіи уголовного правосудія, эта форма суда захватываетъ новую область, вводится и тамъ, гдѣ такое участіе народа въ судѣ до сихъ поръ было неизвѣстнымъ.

1 іюля 1887 года въ Норвегіи вступилъ въ дѣйствіе новый законъ о производствѣ уголовныхъ дѣлъ; въ его основу положено широкое участіе народа не только въ рѣшеніи дѣлъ большей важности, подлежащихъ вѣдѣнію суда присяжныхъ, но и въ рѣшеніи дѣлъ незначительныхъ — при участіи шеффеновъ. Это первый законъ послѣ австрійскаго устава 1873 г. и германскаго — 1877 года, который охватываетъ всю область уголовного процесса; опытъ другихъ странъ, ушедшая впередъ доктрина — все это оказало свое вліяніе на норвежскаго законодателя. Вотъ почему и казалось бы небезъинтереснымъ въ краткихъ чертахъ указать на особенности этого закона, посмотреть, на чемъ остановилось развитіе процессуальнаго законодательства въ Европѣ.

Исторія занимающаго насъ устава довольно сложная и включаетъ въ себѣ главный признакъ исторіи новѣйшаго процессуальнаго законодательства въ западной Европѣ, — это вліяніе на его возникновеніе и содержаніе событій политическаго свойства. И въ Норвегіи введеніе суда присяжныхъ

оказалось результатом побѣды одной политической партіи надъ другою.

Свѣдѣніями объ исторіи уголовного процесса въ Норвегіи и исторіи закона 1 іюля 1887 года мы обязаны прекрасной статьѣ профессора въ Христіаніи—D-г. Francis Hagerup, помѣщенной въ только что вышедшей первой книгѣ IX тома *Zeitschrift für die Gesamte Strafrechtswissenschaft* (1889 г.): „Ueberblick über die geschichtliche Entwicklung des Norwegischen Strafprocesses und seine Reform durch das Gesetz vom 1 juli 1887“.

Съ содержаніемъ же самаго закона оказалось для насъ возможнымъ познакомиться, благодаря помѣщенному, въ видѣ приложенія, въ той же книгѣ названнаго журнала переводу этого закона, сдѣланному проф. D-г Teichmann'омъ при содѣйствіи норвежскаго профессора (и одного изъ составителей проекта этого закона) D-г. B. Getz'a.

I.

Древній норвежскій процессъ имѣетъ тѣ же основныя черты, какія представляетъ собою процессъ древне-германскій. Уголовная юстиція отправляется всецѣло и непосредственно народомъ въ его собраніяхъ—thing'ахъ, большихъ и малыхъ. Только въ послѣдствіи участіе народнаго собранія или—вѣрнѣе—представителей собраній незначительныхъ округовъ (hereds и fylkesthing), образующихъ lagthing, выражается иногда въ простомъ утвержденіи приговора, постановлявшагося особою комиссіей—lagrette. Въ отличіе отъ древне-германскаго принципа, въ Норвегіи отправленіе юстиціи всегда было функцией исключительно народа, а не короля или его представителей. Но съ XII столѣтія положеніе вещей начинаетъ измѣняться, во главѣ большаго народнаго собранія lagthing становится назначаемый королемъ предсѣдатель—lagmann; на его обязанности лежитъ руководство упомянутой комиссіи—lagrette—въ вопросахъ права, но мало по малу въ нему переходятъ и функціи постановленія приговора. Въ городахъ его мѣсто занимаетъ королевскій намѣстникъ gjaldter. Въ 1591 г. меньшимъ собраніямъ данъ въ помощь присяжный писецъ—Sorenskriver, который постепенно становится единствен-

нымъ судьёю. Это могло тѣмъ легче случиться, что при незначительности густоты населенія, при значительныхъ, наоборотъ, разстояніяхъ и трудностяхъ передвиженія, участіе въ народныхъ судьбахъ, ихъ привилегіи, становилось не-пріятною обязанностью, отъ которой охотно отклонялись. Въ кодексѣ, изданномъ въ 1687 г. королемъ Христіаномъ V, представителя изъ народа—*lagrette*—принимають участіе только въ рѣшеніи дѣлъ по обвиненію въ дѣяніяхъ противъ жизни и чести; во всѣхъ прочихъ дѣлахъ они играютъ вполнѣ пассивную роль судебныхъ свидѣтелей. Этотъ порядокъ вещей существовалъ вплоть до вступленія въ дѣйствіе закона 1 іюля 1887 года.

Что касается самаго процесса, то онъ, какъ и вездѣ въ первоначальныхъ стадіяхъ, былъ всегда устнымъ и гласнымъ. Но въ Норвегіи устность и непосредственность удержались дольше, чѣмъ гдѣ либо на континентѣ. Только съ XVII столѣтія веденіе протокола судебного производства становится общимъ явленіемъ, но еще упомянутый кодексъ 1687 года предполагаетъ устное производство и непосредственное постановленіе приговора на основаніи устныхъ показаній свидѣтелей и сторонъ. Отъ принципа непосредственности оказалось нужнымъ отступить при введеніи апелляціи, которая встрѣчается, начиная съ XVI вѣка. Публичность же производства никогда не имѣла ограниченій. Характернымъ для норвежскаго процесса остается то, что онъ всегда былъ преимущественно обвинительнымъ или состязательнымъ. Подсудимый всегда признавался стороною въ дѣлѣ и уже въ 1751 г. состоялось постановленіе, что каждый подсудимый долженъ имѣть публичнаго защитника; правда, въ 1837 году признано возможнымъ интересы защиты подсудимаго ввѣрить докладчику-судѣ и публичный защитникъ, поэтому, устраненъ, но въ 1866 году защита опять введена въ свои права. Принципъ—*ne procedat iudex ex officio*, никогда не былъ устраняемъ.

Большее сходство съ англійскимъ процессомъ имѣетъ норвежскій въ отношеніи непризнанія за государствомъ обязанности уголовного преслѣдованія преступниковъ (*offizial-*

maxime): это почти всецѣло лежитъ на потерпѣвшемъ отъ преступленія. Официальное преслѣдованіе имѣло мѣсто только въ интересахъ фискальныхъ и именно болѣе или менѣе широкое примѣненіе, благодаря участію казны въ полученіи штрафовъ, къ которымъ осуждался приговоренный. Какъ общій принципъ, официальное преслѣдованіе признается, по свидѣтельству Hagerup'a, только съ середины XVII столѣтія. Но норвежскому процессу до послѣдняго времени остался чуждымъ институтъ публичныхъ обвинителей—прокуроровъ. Обязанности обвиненія лежали на органахъ административной власти, главнымъ образомъ, полицейскихъ чинахъ.

Почти непримѣнимымъ оставалось до середины прошлаго столѣтія судебное предварительное слѣдствіе; возбужденіе уголовного преслѣдованія основывалось на дознаніи производимомъ административными органами. Инвизиціонное предварительное слѣдствіе введено было практикой и только законами 1795 и 1796 года регулировано. Согласно съ состязательнымъ характеромъ уголовного процесса, пытка примѣнялась значительно рѣже, чѣмъ гдѣ либо. Только въ 1687 г. она санкціонирована закономъ, допускавшимъ ея примѣненіе только въ двухъ случаяхъ—при дѣяніяхъ, наказуемыхъ смертною казнью и при преступленіяхъ противъ величества. На практикѣ пытка примѣнялась также и въ „процессахъ вѣдмъ“ (Hexenprocessen). Въ исключительныхъ случаяхъ право примѣненія пытки давалось королемъ спеціально для производства слѣдствія назначаемымъ комиссіямъ.

Въ отношеніи доказательствъ норвежскій древній процессъ вполнѣ согласовался съ германскимъ процессомъ вообще; такъ же какъ и послѣднему, норвежскому процессу чуждо доказательство рѣшеніемъ присяжныхъ. Главными формальными доказательствами, въ случаѣ отсутствія общезвѣстности факта или признанія, были присяга (очистительная), чаще всего возлагавшаяся какъ на подсудимаго, такъ и на его „пособниковъ“, т. е. лицъ, которыя своею присягою подтверждали вѣрность присяги подсудимаго; затѣмъ—поединокъ (отмѣненъ еще въ 1014 г.), судъ божій (отмѣ-

ненъ въ 1247 г.); легальныя улики и показанія свидѣтелей. Последнее допускалось въ ограниченномъ примѣненіи, но подъ вліяніемъ церкви и каноническаго права, стремившагося къ ограниченію примѣненія присяги, этотъ видъ доказательствъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Присяга „пособниковъ“ отиѣнена окончательно только закономъ 1687 г. Очистительная присяга подсудимаго примѣнялась только въ случаяхъ наличности основательнаго подозрѣнія, и то она не должна была имѣть мѣсто при показаніи подъ присягою свидѣтелей. Въ теченіи XVIII столѣтія законная теорія доказательствъ сильно видоизмѣнилась, причемъ доказательство индиціями пріобрѣтало все большее примѣненіе, а виѣстъ съ нимъ соотвѣтственно теряла значеніе и сама легальная теорія.

До вступленія въ силу закона 1 іюля 1887 года въ Норвегіи господствовалъ порядокъ, установленный закономъ 1866 г. Процессъ представлялся гласнымъ и письменнымъ, обвинительнымъ—въ отношеніи къ судебному разбирательству и слѣдственнымъ—по отношенію къ предварительному слѣдствію; сулъ производился коронными судьями безъ участія народнаго элемента и основывался на свободной оцѣнкѣ доказательствъ.

II.

Прежде чѣмъ перейти къ закону 1 іюля 1887 г., приведемъ еще нѣсколько краткихъ данныхъ о движеніи процессуальной реформы и исторіи этого закона.

Интересно въ исторіи норвежскаго процесса то, что судъ присяжныхъ до послѣдняго времени не былъ той формою суда, которая привлекала бы симпатіи народнаго представительства. Норвегія единственная страна, гдѣ общественное мнѣніе мирилось съ инквизиціонною формою важнѣйшей стадіи процесса—предварительнаго слѣдствія, и не возбуждалось противъ письменности процесса и отправленія уголовного правосудія исключительно коронными судьями. Норвегія представляетъ собою исключеніе и въ томъ отношеніи, что введеніе конституціонной формы правленія въ 1814 году не

повлекло за собою агитаціи въ пользу предоставленія народу участія въ отправленіи уголовнаго правосудія; наоборотъ, когда въ 1821 году король Карлъ-Йоганнъ предложилъ стортингу проектъ закона, вводившій въ ограниченномъ объемѣ участіе присяжныхъ, стортингъ обратился къ королю съ адресомъ, гдѣ между прочимъ высказывалось, что „судъ присяжныхъ противорѣчитъ народному убѣжденію“. Движеніе въ пользу реформы начинается только съ сороковыхъ годовъ. Требованіе введенія суда присяжныхъ сдѣлалось съ этого времени однимъ изъ пунктовъ программы демократической партіи, ведшей борьбу съ аристократіей. Въ 1845 году въ стортингъ было внесено 19 членами его предложеніе объ учрежденіи суда присяжныхъ. Двумъ юристамъ поручено было изучить на мѣстѣ дѣйствующіе порядки уголовнаго судопроизводства въ другихъ странахъ, и въ 1853 году королемъ назначена особая коммисія, на которую была возложена задача изучить потребности процесса, указать какія измѣненія дѣйствующаго порядка желательны и слѣдуетъ ли ввести судъ присяжныхъ. Но въ слѣдующемъ году—1854, стортингъ самъ назначилъ парламентскую коммисію, которая вскорѣ въ 1857 г.—представила проектъ, вводившій новый порядокъ по образцу англійскаго. Проектъ былъ принятъ стортингомъ, причемъ принятіе его имѣло характеръ чисто демонстративный,—заранѣе извѣстно было, что проектъ не будетъ принятъ правительствомъ. Королевская коммисія между тѣмъ кончила свои занятія и пришла къ убѣжденію, что судъ присяжныхъ нежелателенъ для норвежскаго процесса. Тѣмъ не менѣе правительствомъ былъ предложенъ стортингу проектъ введенія суда присяжныхъ, но онъ былъ принятъ только одною палатою—одельстингомъ, нисшая же палата—лагтингъ, его отвергла. На этомъ движеніе реформы пока остановилась и въ 1866 г. было только кодифицировано дѣйствовавшее право. Вновь выдвинутъ былъ вопросъ о введеніи суда присяжныхъ въ 1881 г.; требованіе его введенія сдѣлалось однимъ изъ средствъ агитаціи въ политической борьбѣ, возгорѣвшейся между правительствомъ и стортин-

гомъ по поводу права veto короля относительно постановлений народного представительства объ измѣненіяхъ въ конституціи. Стортингомъ была назначена коммисія для выработки закона о присяжныхъ, но правительство предупредило парламентъ и уже въ 1884 году представило проектъ, выработанный министромъ юстиціи Васшке и профессоромъ Getz'омъ; за перемѣной министерства проектъ этотъ не сдѣлался закономъ. Въ 1887 году былъ представленъ новый проектъ, представлявшій переработку прежняго согласно съ проектомъ, выработаннымъ упомянутою парламентскою коммисіей. Этотъ проектъ былъ принятъ палатами, несмотря на противодѣйствіе со стороны консервативной партіи, и съ 1 іюля 1887 г. сдѣлался дѣйствующимъ процессуальнымъ кодексомъ.

III.

Законъ 1 іюля 1887 г. состоитъ изъ 495 параграфовъ, раздѣленныхъ на 38 главъ. Первая глава (§§ 1—5) опредѣляетъ область примѣненія закона. Она обнимаетъ собою всѣ уголовныя дѣла, которыя по особннымъ законамъ подлежатъ разсмотрѣнію не судебныхъ органовъ или же особенныхъ—государственного и военного судовъ. Гражданскіе иски, вытекающіе изъ преступныхъ дѣяній, могутъ быть разсматриваемы за одно съ рѣшеніемъ по уголовному дѣлу, причемъ соблюдаются правила, установленныя 32 главою этого закона. Чтобы потомъ не возвращаться къ вопросу о соединенномъ процессѣ, приведемъ здѣсь же нѣкоторыя изъ этихъ правилъ, представляющихъ интересными въ виду ихъ оригинальности: ни въ одномъ процессуальномъ законодательствѣ они не повторяются. Заявленіе о желаніи потерпѣвшаго подвергнуть свой гражданскій искъ разсмотрѣнію уголовного суда должно быть сдѣлано, на основаніи § 438, не позже вызова подсудимаго въ судъ, причемъ потерпѣвшимъ должно быть сообщено какъ подсудимому, такъ и его защитнику о своемъ требованіи и о доказательствахъ. Позже вызова искъ можетъ быть заявленъ въ уголовномъ судѣ лишь съ согласія подсудимаго или же, если судъ признаетъ, что

подсудимый еще может достаточно подготовиться къ защитѣ своихъ интересовъ. Особенно характернымъ является постановленіе § 440, по которому прокуроръ можетъ, по просьбѣ о томъ потерпѣвшаго, взять на себя поддержку притязаній потерпѣвшаго; это возможно и безъ просьбы потерпѣвшаго, если только нѣтъ основаній думать, что потерпѣвшій не желаетъ подвергать своего иска разсмотрѣнію со стороны уголовного суда. Судъ можетъ во всякое время отклонить отъ себя разсмотрѣніе гражданского иска, если найдетъ его несовмѣстнымъ съ интересами хода уголовного процесса; до конца судебного засѣданія потерпѣвшій можетъ искъ свой взять назадъ (§ 441). Не менѣе интереснымъ представляется и способъ опредѣленія величины вознагражденія за ущербъ, понесенный потерпѣвшимъ въ дѣлахъ, подлежащихъ суду присяжныхъ; присяжные рѣшаютъ вопросъ, произошелъ ли ущербъ и въ какомъ объемѣ онъ подлежитъ удовлетворенію, причемъ рѣшающее значеніе имѣетъ сумма, за которую высказалось большинство присяжныхъ, считая къ нему и голоса тѣхъ, которые высказались за болѣе высокую сумму (§ 443). Въ дѣлахъ, возбуждаемыхъ по частной жалобѣ потерпѣвшаго, судомъ уголовнымъ можетъ быть рѣшенъ не только гражданскій искъ, но также и встрѣчный искъ со стороны подсудимаго. Обязательной преюдициальности для уголовного суда не существуетъ; судъ уголовный *можетъ* только выждать рѣшенія гражданского суда относительно такихъ юридическихъ отношеній, которыя имѣютъ значеніе для рѣшенія уголовного дѣла, но и въ этомъ случаѣ рѣшеніе гражданского суда для него необязательно (§ 4). Даже вопросъ о дѣйствительности брака можетъ, поскольку это важно для уголовного дѣла, по предложенію прокурора быть рѣшенъ уголовнымъ же судомъ (§ 445). Рѣшеніе по иску подлежитъ и апелляции одинаково съ приговоромъ по уголовному дѣлу, или же отдѣльно отъ послѣдняго; въ случаѣ апелляции по уголовному дѣлу вопросъ о гражданскомъ искѣ eo ipso подлежитъ разсмотрѣнію апелляціонной инстанціи, поскольку рѣшеніе по немъ зависитъ отъ апелляціоннаго пункта по

уголовному дѣлу (§§ 447—449). Потерпѣвшій, выступающій гражданскимъ истцомъ, тѣмъ не менѣе можетъ быть свидѣтелемъ по дѣлу.

Суды, которымъ подлежитъ рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ, различаются по важности дѣлъ, кои они рассматриваютъ, по инстанціямъ и, наконецъ, по функціямъ ихъ. Въ послѣднемъ отношеніи различаются суды слѣдственного производства—обыкновенно единоличный судья нисшей инстанціи (Sorenscriber) и суды окончательнаго производства, рѣшающіе дѣла по существу—судъ шеффеновъ и судъ присяжныхъ. Суды высшей инстанціи суть: высшій судъ Норвегіи (состоитъ изъ одного Justitiarius и 8 членовъ), апелляціонное его отдѣленіе (3 члена суда, періодически назначаемые Justitiarius'омъ) и судъ присяжныхъ—по отношенію къ дѣламъ, рѣшеннымъ судомъ шеффеновъ.

Судъ шеффеновъ состоитъ изъ судьи и двухъ шеффеновъ (Medomsretter); судъ присяжныхъ изъ коронной коллегіи—предсѣдателя (постояннаго Lagmann) и 2 членовъ, назначаемыхъ на 2 года изъ судей страны, и изъ коллегіи присяжныхъ, состоящей изъ десяти человекъ. Если въ теченіи судебного разбирательства одинъ изъ судей или присяжныхъ долженъ по чему либо выступить изъ состава засѣданія, то какъ тотъ, такъ и другой другими не замѣняются и судъ можетъ довести дѣло конца въ составѣ 2 судей и 9 присяжныхъ (§ 8). Порядокъ выбора и назначенія присяжныхъ опредѣленъ пятою главой §§ 34—53 и представляетъ собою характерныя особенности. Первоначальный списокъ присяжныхъ и шеффеновъ составляется каждые два года для всего даннаго округа изъ лицъ старше 25 лѣтнаго возраста и пользующихся правомъ активнаго и пассивнаго выбора для должностей по общественной службѣ. Другія спеціальныя условія опредѣлены въ §§ 35—40. Общее число присяжныхъ и шеффеновъ распредѣляется по отдѣльнымъ общинамъ и городамъ; изъ числа приходящихся на каждую общину присяжныхъ и шеффеновъ назначается *общиннымъ самоуправленіемъ* нужное число для годоваго списка. Изъ годоваго списка, путемъ жре-

бія, избираются очередной списокъ изъ 26 очередныхъ и 2 запасныхъ присяжныхъ. Жребіемъ же опредѣляется порядокъ участія въ судебныхъ дѣлахъ шеффеновъ. Присяжные и шеффены, которые для отправленія своихъ обязанностей должны отправляться въ мѣсто, находящееся на разстояніи больше 10 километровъ отъ ихъ постоянного мѣста жительства имѣютъ право требовать возмѣщенія расходовъ по поѣздѣ и содержанію себя по особому росписанію (§ 484). Что касается порядка составленія засѣданія, то нужно отмѣтить широкое право отвода, доставляемое закономъ сторонамъ; это право отвода состоитъ какъ въ правѣ отвода всего списка или отдѣльныхъ лицъ по причинамъ, которыя по закону устраняютъ участіе даннаго лица (§ 316), какъ и права отвода безъ указанія причинъ; стороны отводятъ столько присяжныхъ, чтобы въ списокѣ осталось не меньше 10 (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ § 321, 11). Тогда скамья замѣщается не отведенными 10 (или 1) присяжными. Если же стороны не воспользовались своимъ правомъ въ полномъ объемѣ, то нужное число составляется изъ лицъ, опредѣляемыхъ жребіемъ. Разъ замѣщенная скамья можетъ, съ согласія сторонъ, рассмотреть и ближайшее дѣло, безъ повторенія процедуры выбора присяжныхъ (§ 319). Переходя къ постановленіямъ закона 1 іюля 1887 г. о предметной подсудности или компетенціи судовъ, мы должны обратить вниманіе на сравнительно широкое примѣненіе произвольной юрисдикціи — на своего рода *prorogatio fori*, допускаемое этимъ закономъ. Суду присяжныхъ подлежатъ всѣ дѣла по преступленіямъ, за которыя полагается наказаніе лишеніемъ свободы съ обязательною работою больше чѣмъ на 3 года, или же за которыя обыкновеннымъ наказаніемъ служитъ лишеніе свободы съ принудительною работою вообще (при относительно опредѣленной санкціи) или лишеніе должности (при преступленіяхъ должности). Всѣ остальные дѣла обыкновенно вѣдаются судомъ шеффеновъ. Слѣдственный же судъ обыкновенно отправляетъ только функціи предваарительнаго изслѣдованія дѣла (§§ 19 — 22, 26). Но прокура-

турѣ предоставлено право въ тѣхъ случаяхъ, когда закономъ допускается апелліація въ судъ присяжныхъ, безъ особаго на то разрѣшенія со стороны апелліаціоннаго отдѣла высшаго суда, переносить дѣло сразу на разсмотрѣніе суда присяжныхъ, безъ предварительнаго его рѣшенія первою инстанціей—судомъ шеффеновъ—если только прокуратурѣ такое перенесеніе представится почему либо цѣлесообразнымъ (§ 22). Особо важное значеніе имѣетъ постановленіе § 283, по которому дѣло, подлежащее разсмотрѣнію въ судѣ шеффеновъ, если только подсудимымъ сдѣлано вполнѣ правдоподобное, обстоятельствами дѣла подтверждаемое, признаніе, можетъ, съ согласія подсудимаго, быть рѣшено по существу однимъ слѣдственнымъ судьей. Дѣло, ошибочно возбужденное предъ судомъ шеффеновъ, можетъ быть имъ доведено до конца, если, говоритъ § 25, „перенесеніе дѣла не необходимо“, т. е. если подсудимый и прокуроръ противъ этого ничего не имѣютъ. При совокупности дѣлъ, возбужденныхъ противъ одного и того же подсудимаго—судъ присяжныхъ *можетъ* разсмотрѣть и то изъ нихъ, которое подлежитъ суду шеффеновъ (§ 24). О мѣстной подсудности трактуетъ 4 глава (§§ 27—33). Но съ согласія сторонъ отъ этихъ правилъ возможно отступленіе. Вообще о мѣстной подсудности судъ самъ *ex officio* не возбуждаетъ вопроса (§ 141).

IV.

Самое больное мѣсто современнаго процессуальнаго законодательства на континентѣ—недостаточное и непослѣдовательное проведеніе начала состязательности и обвинительности въ противоположность розыскному, слѣдственному (инквизиціонному) началу. Вопросъ о томъ, что нужно понимать подъ процессомъ состязательнымъ и въ чемъ заключается отступленіе современнаго процесса, въ его лучшихъ даже представителяхъ — германскомъ и австрійскомъ, въ пользу инквизиціоннаго характера, далеко еще не наполь своего полнаго разрѣшеніи ¹⁾. Инквизиціонный характеръ процесса

¹⁾ См. новѣйшую по этому вопросу работу Kries'a въ Zeitschrift für d. ges. Str. R. wiss. IX (1889) S. 1—116: Vorverfahren und Hauptverfahren.

(о предварительном слѣдствіи говорить нечего: оно вездѣ исключительно розыскаго характера) видятъ въ томъ положеніи, которое судъ занимаетъ въ отношеніи къ судебному слѣдствію, главнымъ образомъ, собиранію доказательствъ, затѣмъ въ предоставленномъ суду правѣ отклониться при постановленіи приговора отъ требованій обвиненія или же, наконецъ, въ отношеніи доказательственного матеріала, добытаго предварительнымъ слѣдствіемъ, къ судебному слѣдствію. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ новый процессуальный законъ въ Норвегіи представляетъ собою значительный шагъ впередъ. Построенный на принципѣ преимущественнаго officialнаго преслѣдованія, норвежскій процессъ даетъ большія права подсудимому, какъ сторонѣ, уравнивая по возможности его права съ правами обвинителя, не только при судебномъ разбирательствѣ, но и въ предварительномъ слѣдствіи; судъ преимущественно рѣшаетъ, а не изслѣдуетъ, хотя онъ при этомъ не остается совершенно пассивнымъ:—руководство судебнымъ слѣдствіемъ лежитъ на обязанности судей; если же мы считаемъ принципъ состязательности наиболѣе послѣдовательнымъ образомъ проведеннымъ въ норвежскомъ процессѣ, то мы видимъ это въ томъ, что все предварительное слѣдствіе для суда остается неизвѣстнымъ; письменные его акты не могутъ, поѣтому, имѣть никакого вліянія на убѣжденіе судей и не могутъ, скрытымъ хотя бы образомъ, руководить судьями, главнымъ образомъ, предсѣдателемъ, при судебномъ слѣдствіи ¹⁾). Однимъ изъ признаковъ состязательности норвежскаго процесса служить и то, что моментъ преданія суду со стороны судебныхъ органовъ совершенно отсутствуетъ и вмѣсто него имѣется только возбужденіе обвиненія со стороны прокуратуры.

Закономъ 1 іюля 1887 г. въ Норвегіи впервые установленъ спеціальныи органъ обвиненія и уголовного преслѣдо-

---

¹⁾ См. объ этомъ важномъ моментѣ John, Commentar II, S. 140 и слѣд., а также указанную работу Kries'a. Этотъ моментъ недостаточно оцѣненъ Hagerup'омъ, который (Zeitschrift IX S. 125)—совсѣмъ его упускаетъ изъ виду.

ванія за преступленія, въ лицѣ государственныхъ адвокатовъ. Они носятъ вполне характеръ нашихъ прокуроровъ, какъ по своимъ функціямъ, такъ и внутренней своей организаціи. Полиція, поскольку она выполняетъ функціи уголовного преслѣдованія, вполне подчинена прокуратурѣ. Въ выполненіи своихъ обязанностей чины прокуратуры замѣщаютъ одинъ другого, т. е. дѣло, начатое однимъ, можетъ непосредственно продолжаться другимъ членомъ прокуратуры, точно такъ какъ и высшіе чины могутъ всегда, по своему усмотрѣнію, взять въ свое вѣдѣніе дѣло, находящееся въ производствѣ у низшаго чина, во всякой его стадіи (§§ 78, 79). Въ возбужденіи преслѣдованія прокуратора руководится принципомъ усмотрѣнія. На ряду съ прокуратурой функціи уголовного преслѣдованія выполняются и потерпѣвшими отъ преступленія частными лицами въ объемѣ, указанномъ § 92—96 и 31 главою устава. Потерпѣвшій можетъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда прокуроръ отказывается отъ обвиненія или не апеллируетъ противъ приговора оправдательнаго или даже обвинительнаго, но съ осужденіемъ до болѣе легкаго, чѣмъ въ обвинительномъ актѣ обозначенное, преступнаго дѣянія, самъ вести преслѣдованіе, если только онъ, при допросѣ его на предварительномъ слѣдствіи, не отказался отъ желанія возбуждать преслѣдованіе (§ 94, 279). Это право переходитъ къ наследникамъ потерпѣвшаго. Въ этихъ случаяхъ по отношенію къ потерпѣвшему примѣняются всѣ правила, предписанныя закономъ для чиновъ прокуратуры, съ ограниченіями, вытекающими изъ частнаго характера преслѣдованія, какъ напр. преданіе суду, при наличности предварительнаго слѣдствія, постановляется судомъ, посредствомъ формальнаго рѣшенія, заступающаго въ судебномъ разбирательствѣ мѣсто обвинительнаго акта. Пропускъ сроковъ, формальностей, существенныхъ для дѣла и т. п. прекращаютъ процессъ, и больше таковой возбужденъ быть не можетъ (§ 427, 428, 429). Дѣла, которыя могутъ быть, на основаніи дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ, возбуждаемы и ведены частною инициативою (напр. объ оскорбленіяхъ чести), рассматриваются судомъ по правиламъ

§§ 430—432, которые по существу подходят под нормы гражданского процесса и устанавливают полную пассивность судей при собираніи доказательствъ; судомъ не можетъ быть присуждено наказаніе въ размѣрѣ, большемъ чѣмъ этого требуетъ потерпѣвшій въ своей жалобѣ.

Судъ беретъ къ своему разсмотрѣнію дѣла только по выраженному имѣющимъ право уголовного преслѣдованія (прокуроромъ или потерпѣвшимъ) желанію (§ 83). Съ того момента, когда судъ, по предложенію прокуратуры, приступаетъ къ какимъ либо дѣйствіямъ, направленнымъ къ разслѣдованію дѣла или предупрежденію и пресѣченію способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда, подозрѣваемое въ совершеніи преступленія лицо становится подсудимымъ и пріобрѣтаетъ права стороны въ дѣлѣ; эти права принадлежатъ законному представителю подсудимаго, если онъ не дѣеспособенъ (§ 97, 98). Подсудимый имѣетъ право пользоваться указаніями защитника во *всякой* стадіи дѣла. Наличие защитника безусловно необходима (за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ §§ 373, 377 и 430, т. е. при правдоподобномъ признаніи, затѣмъ въ дѣлахъ по полицейскимъ нарушеніямъ и дѣлахъ, производящихся въ порядкѣ частнаго обвиненія) при судебномъ разбирательствѣ, при всякомъ слѣдственномъ дѣйствіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда то или другое доказательство не будетъ возможно привести непосредственно въ судебномъ засѣданіи и наконецъ, при тѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, къ которымъ подсудимый по закону не приглашается. Во всѣхъ этихъ случаяхъ защитникъ назначается отъ суда, если подсудимый не имѣетъ такового или не можетъ такового имѣть по добровольному соглашенію съ какимъ либо лицомъ, могущимъ быть защитникомъ.

Судебныя засѣданія обыкновенно публичны, даже при производствѣ предварительнаго слѣдствія. Закрытіе дверей можетъ послѣдовать по постановленію на сей предметъ суда въ случаяхъ, когда гласность можетъ оказаться опасной для общественной нравственности и для политическихъ отношеній государства съ иностранными державами; при пред-

варительномъ слѣдствіи двери суда закрываются, если имѣется основаніе опасаться, что гласное производство помѣшаетъ достаточному разслѣдованію дѣла, или если подсудимый, моложе 15 лѣтъ, и его законный представитель этого требуетъ (§ 113). Доступъ въ судебное засѣданіе можетъ быть воспрещенъ лицамъ моложе 18 лѣтъ (§ 114). При производствѣ единоличнымъ судьей судебныхъ дѣйствій должны присутствовать два судебныхъ свидѣтеля (понятыя). По желанію сторонъ и на ихъ счетъ могутъ быть допущены присяжные стенографы, отчеты которыхъ подписываются однимъ изъ судей или секретаремъ и прилагаются къ протоколамъ засѣданія (§ 127). Обыкновенные протоколы заключаютъ въ себѣ только въ общихъ чертахъ происходящее на судѣ или показанія допрашиваемыхъ лицъ. Полнота ихъ требуется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда данный протоколъ долженъ быть (при предполагающейся неявкѣ свидѣтеля, напримѣръ) быть прочтенъ на судебномъ разбирательствѣ дѣла.

Не останавливаясь на правилахъ, касающихся вызова и допроса свидѣтелей, экспертовъ, производства обысковъ и выемокъ, порядка призыва въ судъ обвиняемаго, способовъ предупрежденія уклоненія отъ слѣдствія и суда, перейдемъ къ движенію процесса и организациі отдѣльных его стадій, главнымъ же образомъ—судебнаго разбирательства при участіи присяжныхъ.

V.

По полученіи свѣдѣній о совершенномъ преступномъ дѣяніи, прокуратура производитъ дознаніе, „съ цѣлью собрать данныя, необходимыя для рѣшенія вопроса, должно ли быть начато предварительное судебное слѣдствіе и уголовное преслѣдованіе противъ даннаго лица“ (§ 264). Но чины прокуратуры не могутъ принудить кого либо къ дачѣ показаній или принять мѣры къ обезпеченію доказательствъ безъ постановленія о томъ суда (§ 266). Но и подозрѣваемое лицо можетъ доставить суду данныя, снимающія съ него подозрѣніе (§ 268). При наличности достаточнаго основанія къ подозрѣнію извѣстнаго лица въ совершеніи преступ-

ленія, прокуратура *можетъ* предложить суду открыть судебное предварительное слѣдствіе. Въ дѣлахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ судѣ присяжныхъ, такое слѣдствіе необходимо, если подсудимый этого требуетъ (§ 271). О сдѣланномъ предложеніи открыть предварительное слѣдствіе обвиняемое лицо немедленно извѣщается прокуроромъ. Судъ (имѣется въ виду слѣдственный судья) можетъ оставить предложеніе прокурора безъ послѣдствій, если найдетъ, что дѣяніе, въ которомъ подозрѣвается обвиняемый, не наказуемо или же имѣется какое либо законное основаніе къ такому оставленію предложенія безъ послѣдствій. Цѣль предварительнаго слѣдствія — доставить нужный доказательственный матеріалъ для уголовного преслѣдованія предъ судомъ. Предварительное слѣдствіе распространяется только на тѣ дѣянія обвиняемаго, которыя обозначены въ предложеніи прокурора. Какъ прокурору, такъ и обвиняемому предоставляется право просить судъ о производствѣ тѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, какія имъ покажутся необходимыми для выясненія дѣла. Судъ имѣетъ, однако, право особымъ постановленіемъ отказать въ ходатайствѣ стороны. Руководство же слѣдствіемъ принадлежитъ всецѣло слѣдственному судѣ. О времени производства слѣдственныхъ какихъ либо дѣйствій стороны извѣщаются, причемъ защитнику должна быть доставлена возможность заблаговременно ознакомиться съ актами по дѣлу. Прокуроръ, обвиняемый и защитникъ имѣютъ право присутствовать при производствѣ слѣдствія, если только присутствіе ихъ не представляетъ основанія опасаться, что они своимъ вліяніемъ могутъ подѣйствовать на вѣрность показаній свидѣтелей и т. п. Slѣдствіе прекращается, если прокуратура отступаетъ отъ преслѣдованія или если судъ находитъ, что нѣтъ законныхъ основаній къ дальнѣйшему его производству. Предварительное слѣдствіе оканчивается, когда судъ достигъ цѣли разясненія дѣла или же когда обѣ стороны дѣлаютъ о томъ предложеніе. Разъ оконченное слѣдствіе можетъ, по предложенію одной изъ сторонъ, быть возобновлено. Мы уже выше упомянули о случаѣ, когда обвиняемый дѣлаетъ прав-

доподобное признание, при которомъ дѣло, подсудное суду шеффеновъ, съ согласія обвиняемаго, можетъ быть разсмотрѣно слѣдственнымъ же судьей (§ 283).

Слѣдующею стадіею служитъ преданіе суду. Постановленіе объ этомъ дѣлаетъ *прокуратура*. Въ этомъ отношеніи норвежскій процессъ послѣдовательнѣе въ проведеніи обвинительнаго принципа, чѣмъ германскій. Постановленіе о преданіи суду должно заключать: имя обвиняемаго, время, мѣсто и обстоятельства совершенія инкриминируемаго дѣянія, съ указаніемъ признаковъ состава по соотвѣтствующему уголовному закону (§ 286).

Интереснымъ нововведеніемъ представляются постановленія §§ 287—290, по которымъ въ дѣлахъ по нарушеніямъ, за которыя полагается денежный штрафъ или конфискаціи имущественныхъ объектовъ, прокуратура должна, до постановленія о преданіи суду, сдѣлать постановленіе объ уплатѣ обвиняемымъ этого штрафа, и только при отказѣ со стороны его передать дѣло на разсмотрѣніе суда ¹⁾. О преданіи суду прокуроръ долженъ немедленно извѣстить обвиняемаго.

За этимъ слѣдуетъ стадія приговорительныхъ къ суду распоряженій. Отличительною чертою норвежскаго процесса въ этой его стадіи представляется то, что всѣ распоряженія этого рода исходятъ не отъ суда, въ лицѣ предсѣдателя его, а отъ прокуратуры. До начала засѣданія судъ, такимъ образомъ, по дѣлу ничего не знаетъ и ничего не предпринимаетъ. Съ точки зрѣнія обвинительнаго принципа такой порядокъ вещей представляется чрезвычайно послѣдовательнымъ и цѣлесообразнымъ. Только въ этомъ случаѣ производство судебного слѣдствія, руководимое судомъ, представляетъ гарантію непристрастія, въ смыслѣ отсутствія предвзятости со стороны суда—главнымъ образомъ предсѣдателя, чего нѣтъ въ процессѣ нашемъ, германскомъ и французскомъ, гдѣ предсѣда-

---

¹⁾ Подобный институтъ (Strafbefehl) существуетъ въ германскомъ процессѣ по **главнѣйшимъ** о полицейскихъ нарушеніяхъ, наказуемыхъ штрафомъ. Только тамъ такой „приказъ“ издается судьей—*Amtsrichter*’омъ, а не чиновъ прокуратуры.

тель еще до начала судебного разбирательства знакомъ съ актами предварительнаго производства; принципъ непосредственности, тѣсно связанный съ принципомъ состязательности, неминуемо страдаетъ отъ такого порядка вещей.

Нѣсколько страннымъ покажется только постановленіе § 292 занимающаго насъ кодекса, по которому, по постановленіи о преданіи суду, прокуратура обязана озоботиться о доставленіи подсудимому защитника. Копія всѣхъ актовъ по дѣлу и предварительнаго производства доставляется защитнику, причемъ прокуроромъ доставляется и списокъ всѣхъ доказательствъ, которыми онъ намѣренъ воспользоваться при судебномъ разбирательствѣ, и что ими будетъ подтверждаться. Суду же доставляется только заключеніе о преданіи суду и списокъ доказательствъ. Защитникъ, съ момента доставленія ему означенныхъ документовъ, вступаетъ въ сношеніе съ обвиняемымъ; въ опредѣленный срокъ онъ долженъ доставить обратно акты съ обозначеніемъ свидѣтелей и другихъ доказательствъ, которыми онъ намѣренъ воспользоваться, способа вызова свидѣтелей и доставки доказательственного матеріала, что ими будетъ доказано, а также его мнѣніе о днѣ и мѣстѣ судебного разбирательства. Защитникъ долженъ обратить вниманіе прокурора, если, по мнѣнію его, уголовное преслѣдованіе не можетъ быть продолжаемо по даннымъ, не подлежащимъ доказыванію на судѣ. Вызовъ въ судъ, попеченіе о томъ, чтобы подсудимый и свидѣтели своевременно прибыли или были доставлены лежитъ на обязанности прокурора. Изъ свидѣтелей, которые могутъ дать показанія по одному и тому же вопросу, прокуроромъ вызывается въ судъ такое число изъ нихъ, сколько необходимо для разясненія даннаго пункта. При признаніи обвиняемаго приглашаются только свидѣтели, которые могутъ дать показаніе по пунктамъ, вліяющимъ на наказуемость дѣянія.

Перейдемъ къ судебному разбирательству. Оно должно быть устнымъ, исключенія, когда прочтеніе акта допускается, указаны закономъ. Подсудимый, по общему правилу, долженъ присутствовать; отсутствіе его допускается лишь при раз-

бирательствѣ по обвиненію въ дѣяніи, влекущемъ за собою наказаніе не выше тюремнаго заключенія. и только въ случаяхъ, когда подсудимый не былъ задержанъ какими либо законными причинами. Во всякомъ случаѣ судебное разбирательство можетъ имѣть мѣсто, если подсудимый послѣ преданія его суду скрылся; отсутствіе его не останавливаетъ дѣла и въ томъ случаѣ, когда по ходу его видно, что оно кончится оправданіемъ подсудимаго (§ 311). При разбирательствѣ съ участіемъ присяжныхъ. судъ, по открытіи засѣданія, приступаетъ къ составленію свамьи присяжныхъ. Мы уже выше привели постановленія объ этомъ, а также о правѣ отвода присяжныхъ сторонами. Засимъ прочитывается заключеніе о преданіи суду и предсѣдатель спрашиваетъ подсудимаго, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ совершеніи инкриминируемаго дѣянія. Формальные недостатки, препятствующіе продолженію разбирательства, должны быть, если это возможно, сейчасъ же устранены; отводы и возраженія сторонъ, не предъявленные своевременно, не могутъ уже ими быть возбуждаемы впослѣдствіи. Если судъ усмотритъ отсутствіе необходимыхъ признаковъ состава въ инкриминируемомъ дѣяніи или же наличность исключających наказуемость обстоятельствъ, не относящихся до вопроса о виновности, то онъ, при единогласіи членовъ его, можетъ сейчасъ же постановить оправдательный приговоръ (§ 324). По приведеніи присяжныхъ предсѣдателей къ присягѣ и по выборѣ ими старшины (выборъ производится закрытою баллотировкою), прокуроръ излагаетъ сущность обвиненія, съ указаніемъ какія онъ намѣренъ представить доказательства для подкрѣпленія обвиненія. Затѣмъ предсѣдатель предлагаетъ подсудимому дать объясненія по поводу обвиненія его. Если его показанія расходятся съ тѣмъ, что онъ показывалъ на предварительномъ слѣдствіи, или если онъ отказывается отъ дачи объясненія на судѣ, то его показанія могутъ быть прочитаны (§ 329). Слѣдуетъ представленіе доказательствъ со стороны прокурора, а затѣмъ—со стороны защитника, который до этого можетъ вкратцѣ изложить сущ-

ность того, что онъ имѣетъ доказать. При наличности признанія со стороны подсудимаго, судъ рѣшаетъ вопросъ объ объемѣ собиранія доказательствъ; по согласію сторонъ, то или другое доказательство можетъ и въ другихъ случаяхъ быть опущено. Показанія свидѣтелей, сдѣланныя на предварительномъ слѣдствіи, могутъ быть лишь въ томъ случаѣ прочитанными, если свидѣтель отговаривается запаматованіемъ или даетъ противорѣчивыя показанія или же совершенно отъ дачи ихъ отказывается. Показанія, сдѣланныя не подъ присягою, могутъ быть прочитаны только въ крайнихъ случаяхъ, когда это необходимо для выясненія дѣла. Свидѣтели допрашиваются сначала тою стороною, которая на нихъ ссылалась, а затѣмъ противною стороною. Вопросы, не относящіеся къ дѣлу, предсѣдатель отклоняетъ. Члены суда могутъ, чрезъ предсѣдателя, такъ какъ и послѣдній, по своему усмотрѣнію, предлагать вопросы по пунктамъ, не выясненнымъ допросомъ сторонъ.

Представленіе доказательствъ о прежнемъ дурномъ поведеніи подсудимаго допускается лишь въ объемѣ, допускаемомъ судомъ (§ 337). За слѣдствіемъ слѣдуютъ пренія сторонъ. По окончаніи ихъ, прокуроръ составляетъ проектъ вопросовъ; вопросный листъ передается защитнику, который можетъ сдѣлать добавленія или измѣненія, и затѣмъ вопросы окончательно составляются предсѣдателемъ, и если противъ ихъ содержанія стороны что либо возражаютъ, судъ рѣшаетъ возбуждаемый вопросъ (§ 341). Вопросы заключаютъ въ себѣ составъ дѣянія, въ которомъ обвиняется подсудимый постановленіемъ о преданіи суду. Въ вопросы могутъ, по усмотрѣнію суда, быть введенными и другія обстоятельства, которыя вліяютъ на подведеніе даннаго дѣянія подъ другой уголовный законъ. Вообще судъ не связанъ предложеніями сторонъ на счетъ подведенія состава подъ данный уголовный законъ, но выслушиваетъ объясненія сторонъ по поводу этого вопроса. Присяжные отвѣчаютъ на весь вопросъ о виновности; соотвѣтственно этому и вопросы начинаются словами: „виновенъ ли подсудимый въ томъ, что“. Объ обстоятельствахъ,

видоизмѣняющихъ наказуемость, ставится дополнительный вопросъ, который подлежитъ отвѣту только въ случаѣ положительнаго отвѣта на главный вопросъ. Если во время разбирательства былъ возбужденъ вопросъ объ обстоятельствахъ, совершенно исключающемъ наказуемость (необходимая оборона, напримѣръ), то, по желанію защиты, объ этомъ необходимо ставится особый вопросъ. По предложенію сторонъ или по усмотрѣнію суда, присяжнымъ можетъ быть предложенъ вопросъ о наличии смягчающихъ или отягчающихъ вину обстоятельствъ вообще. Но отвѣтъ присяжныхъ на такой вопросъ обязательенъ для суда только въ случаѣ благопріятнаго для подсудимаго его смысла (§ 346). По передачѣ вопроснаго листа старшинѣ присяжныхъ, предсѣдатель въ краткомъ словѣ резюмируетъ дѣло и доказательства и разъясняетъ, по скольку это необходимо, правовые вопросы по дѣлу. Стороны могутъ просить занесенія въ протоколъ объясненія предсѣдателя по поводу правовыхъ вопросовъ, и согласно съ резюме просить объ измѣненіи вопросовъ. По удаленіи присяжныхъ въ совѣщательную комнату, они могутъ возвратиться и просить разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ, или даже дополненія вопросовъ и ихъ измѣненія, о чемъ, по выслушаніи сторонъ, рѣшаетъ судъ. Присяжные подаютъ голоса въ порядкѣ, опредѣленномъ жребіемъ. Это постановленіе чрезвычайно рачіонально въ виду большаго значенія порядка подачи голосовъ который, какъ извѣстно, иногда сильно затрудняетъ присяжныхъ: каждый желаетъ раньше выслушать мнѣніе другаго, или же наоборотъ, не желаетъ подавать голоса позже другихъ, не желая своимъ голосомъ рѣшить судьбу подсудимаго. Для обвиненія требуется большинство 7 голосовъ противъ 3; только для утвердительнаго отвѣта на вопросъ о наличии смягчающихъ или отягчающихъ обстоятельствахъ достаточно 5 голосовъ. Интересно постановленіе 351 статьи, по которому тѣ присяжные, которые подавали голосъ въ пользу подсудимаго по главному вопросу, особаго голоса по дальнѣйшимъ вопросамъ не подаютъ, голоса же ихъ прямо присчитываются, къ числу голосовъ, благопріятныхъ для подсудимаго. Стар-

пина затѣмъ прочитываетъ въ залѣ засѣданія отвѣты, причемъ судъ можетъ, въ случаѣ неясности или неточности отвѣта, отослать присяжныхъ для новаго совѣщанія въ ихъ комнату; если ими сдѣлана была раньше только формальная ошибка, то они не могутъ уже измѣнить отвѣтовъ по существу. Въ случаѣ обвиненія, судъ можетъ, если признаетъ, что нѣтъ достаточнаго основанія къ такому обвиненію, постановить о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава суда и присяжныхъ (единогласія судей не требуется ст. 358). Въ случаѣ обвиненія и во второй разъ, судъ можетъ единогласнымъ рѣшеніемъ оправдать подсудимаго. Если судъ находитъ, что подсудимый можетъ быть признанъ виновнымъ только въ преступленіи менѣе важномъ, чѣмъ то, въ которомъ обвинили его присяжные, то ставить новый вопросъ присяжнымъ.

Предъ постановленіемъ приговора стороны допускаются къ объясненію по вопросу о наказаніи.

Не останавливаясь на судебномъ разбирательствѣ въ судѣ шеффеновъ, не представляющемъ никакихъ особенностей, скажемъ въ заключеніе только нѣсколько словъ объ обжалованіи приговоровъ. Постановленія объ этомъ новаго кодекса отличаются неясностью, внесенною, по свидѣтельству Hagerup'a, въ него измѣненіями, сдѣланными въ проектѣ стортингомъ. Собственно апелляція и кассачія не различаются; въ кодексѣ и та и другая обнимаются однимъ терминомъ „обжалованіе“. Обжалованіе можетъ быть основано или на процессуальномъ нарушеніи, если оно было существеннымъ для рѣшенія дѣла по существу, или же на невѣрномъ примѣненіи закона. Въ дѣлахъ, рѣшонныхъ при участіи присяжныхъ, оправдательный приговоръ можетъ быть обжалованъ только въ случаѣ неправильнаго изясненія закона предсѣдателемъ въ своемъ резюме. Обжалованіе приговоровъ, постановленныхъ судомъ присяжныхъ, можетъ имѣть мѣсто и въ случаяхъ неправильнаго рѣшенія по вопросамъ, которые рѣшаетъ коллегія судей.

Дѣла, рѣшонныя слѣдственнымъ судью (въ вышеуказанномъ случаѣ) и судомъ шеффеновъ, могутъ, по просьбѣ одной изъ сторонъ, быть вновь разрѣшаемы въ судѣ присяжныхъ.

Только въ дѣлахъ по полицейскимъ нарушеніямъ и по дѣяніямъ, за которыя полагается наказаніе штрафомъ, переносъ дѣла для новаго разсмотрѣнія въ судъ присяжныхъ зависитъ отъ рѣшенія апелляціоннаго отдѣленія высшаго суда. Апелляція подается въ апелляціонное отдѣленіе высшаго суда, которое разсматриваетъ ее съ формальной точки зрѣнія; рѣшеніе же по дѣлу постановляется высшимъ судомъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ—самимъ отдѣленіемъ.

Приговоры судовъ могутъ быть обжалованными не только самимъ подсудимымъ, но по его смерти и супругомъ, родственниками въ восходящей и нисходящей линіи, братьями и сестрами и вообще наслѣдниками.

Г. Сюзбергъ.

МЫСЛИ ПРОВИНЦИАЛА О ПРОВИНЦИИ ¹⁾.

„Домъ можетъ быть оцѣненъ тѣмъ,
кто его строилъ, но еще лучше онъ бу-
детъ оцѣненъ тѣмъ, кто въ немъ обитаетъ“
(Julis Simon).

Въ послѣднее время приходится слышать, что въ провинціи царить „опасная безурядица“, которая Богъ знаетъ къ чему можетъ привести, и что причина этой безурядицы лежитъ въ отсутствіи сильной и близкой къ населенію власти, которая могла бы въ самомъ корнѣ „пресѣкать“ проявляющееся зло, все болѣе и болѣе развращающее населеніе.

Если провинція страдаетъ отъ „безурядицы“, то страдаетъ не оттого, что нѣтъ мѣстной власти, къ которой населеніе могло бы прибѣгать въ своихъ нуждахъ: властей въ губерніи и уѣздѣ много, очень много, быть можетъ больше чѣмъ нужно,—чиновничество выборное и назначаемое правительствомъ заполонило собою провинцію; власти у чиновниковъ много, даже больше чѣмъ многимъ изъ нихъ слѣдовало бы имѣть; большинство облеченныхъ властью чиновниковъ стоитъ къ населенію близко, и должно быть совершенно доступно ему.

Причина такъ называемой безурядицы кроется не въ этомъ, а въ томъ, что вся масса властей, считая своимъ долгомъ поль-

---

¹⁾ Эти мысли, не имѣющія претензіи на трактатъ о провинціи или на проектъ о провинціальномъ устройствѣ, есть ничто иное, какъ бѣглая замѣтка, набросанная лицомъ, хорошо знающимъ провинцію, изучившимъ ее,

зоваться всѣми правами своего положенія, вмѣстѣ съ тѣмъ не считаетъ своимъ долгомъ заботиться объ общественныхъ интересахъ, о чемъ онѣ, власти, и не могутъ заботиться, такъ какъ объединяющаго характеръ дѣятельности ихъ начала и должнаго контроля за этою дѣятельностью нѣтъ; всѣ власти идутъ врозь и преслѣдуютъ только свои ближайшія цѣли и интересы. Уничтожить эту рознь, при существующемъ порядкѣ, невозможно, такъ какъ она, къ сожалѣнію, въ значительной степени поддерживается высшимъ начальствомъ, можетъ быть невольно.... между прочимъ поддержкой въ провинціальныхъ расприхъ „своихъ“ чиновниковъ и направленія дѣятельности ихъ. Вотъ почему рознь и преслѣдованіе узкихъ интересовъ „своего вѣдомства“ и интересовъ сословныхъ и даже своихъ личныхъ цѣлей, въ провинціи проявляется съ непонятной энергіей, достойной лучшаго примѣненія. Отъ этой розни, отъ этого отсутствія единства въ дѣятельности мѣстныхъ властей и страдаетъ населеніе, которое, мыкаясь по властямъ, никакъ не можетъ понять, какой власти въ данномъ случаѣ „подсудно“ дѣло, какая власть можетъ удовлетворить его насущные интересы и почему власть не можетъ удовлетворить затронутые интересы немедленно, а требуетъ для этого цѣлыхъ годовъ, объявляя свои резолюціи и опредѣленія уже наслѣдникамъ просителей.... Незнающему провинціальной жизни, непринимавшему въ ней дѣтельнаго участія, совершенно непонятно это послѣднее выраженіе, а между тѣмъ оно совершенно вѣрно. Видѣть дѣла, совершенно простые, ясныя, не требующія никакого производства, производящимися нѣсколько лѣтъ, приходится постоянно, такъ какъ развѣ одно изъ десяти дѣлъ оканчивается раньше года и то только въ томъ случаѣ, если оно не идетъ дальше губерніи. Такая медленность — есть прямое слѣдствіе безпорядка дѣлопроизводства въ губернскихъ и въ особенности уѣздныхъ учрежденіяхъ, каковой безпорядокъ, въ свою очередь, зависить отъ множества инстанцій и множества властей, дѣйствующихъ врозь. Постоянно борясь между собою изъ за власти и вліянія или, войдя въ компромиссъ, ничего не дѣлая, онѣ о дѣлѣ не заботятся и очень часто на дѣло смотреть

какъ на орудіе борьбы, коимъ прикрываются для своихъ личныхъ цѣлей. Что приходится испытывать населенію при такомъ порядкѣ, даже и представить себѣ трудно. Безпорядокъ въ дѣлопроизводствѣ царитъ такой, что черезъ двадцать лѣтъ, Богъ дастъ, о теперешнихъ порядкахъ будутъ говорить также, какъ мы говоримъ теперь о блаженной памяти земскихъ судахъ.

Чтобы какъ нибудь связать въ единое цѣлое все это разнохарактерное начальство и разные status'ы, чтобы заставить всѣхъ ихъ хотя какъ нибудь, съ грѣхомъ пополамъ, идти къ единой цѣли, чтобы какъ нибудь объединить ихъ дѣятельность,—пришлось прибѣгнуть къ искусственному приему: попытѣ установить единообразную дѣятельность властей посредствомъ надзора сената, который своими рѣшеніями по жалобамъ на губернскія присутствія и на дѣйствія губернаторовъ и по протестамъ послѣднихъ долженъ былъ указывать губернскимъ учрежденіямъ ихъ отступленія и ошибки, и тѣмъ ввести однообразную дѣятельность ихъ во всей Имперіи.

Установленный порядокъ въ своемъ корнѣ заключалъ крупную ошибку, которая и не замедлила принести свои плоды: надзоръ сената не только не объединилъ дѣятельности властей и не уничтожилъ медленности ихъ, а напротивъ, способствовалъ этой медленности. Надзоръ за дѣятельностью губернскихъ учреждений былъ возложенъ не на одинъ департаментъ сената, а на различные департаменты, ибо масса дѣлъ не позволяла и думать о сосредоточеніи всѣхъ дѣлъ въ одномъ департаментѣ, а между тѣмъ различные департаменты сената ни въ какомъ случаѣ не могли привести къ объединенію дѣятельности губернскихъ учреждений. Точно также и дѣятельность каждаго департамента сената, по многимъ причинамъ, не могла проявить этого характера; въ тому же масса дѣлъ со всѣхъ концовъ Россіи, при существующемъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ въ сенатѣ, была *невольною причиною крайне медленнаго рѣшенія ихъ*

Рѣшенія черезъ два - три года по возникновеніи дѣла,

составляютъ постоянныя явленія. Человѣкъ, о неправильныхъ дѣйствіяхъ котораго возбуждался вопросъ, давно уже вышелъ въ отставку или умеръ, какъ получается указъ о сдѣланіи ему указанія на неправильныя дѣйствія съ предупрежденіемъ, что за послѣдующія подобныя дѣйствія онъ будетъ подвергнутъ строгой отвѣтственности по закону!....

Въ результатѣ явилось не только отсутствіе надзора и объединяющаго начала въ дѣятельности сената, но еще большая рознь и полнѣйшее отсутствіе контроля.

Почему установился такой порядокъ понять не трудно, — это наслѣдіе прежняго времени. Иной порядокъ создаться не могъ, потому что реформы и различныя законоположенія, спѣшно примѣняясь, недостаточно принаровливались къ условіямъ мѣстной жизни. Признавалось необходимымъ ввести реформу — она вводилась, но вводилась безъ особой заботы о томъ, кто будетъ проводникомъ ея въ народную жизнь. Признавалось необходимымъ учредить новую власть для введенія въ дѣйствіе реформы — власть учреждалась, безъ особой заботы о томъ, чтобы поставить ее въ должныя условія дѣятельности. Признавалось, затѣмъ, что власть, благодаря неправильно определеннымъ условіямъ дѣятельности, не удовлетворяетъ своему назначенію — власть эта упразднялась и учреждалась взамѣнъ ея новая, опять-таки безъ всякаго согласованія условій дѣятельности ея съ мѣстной провинціальной жизнью. Признаютъ, и совершенно справедливо, что и эта власть нигде не годится, и снова требуютъ учрежденія еще новой власти, которая точно также не можетъ быть принаровлена къ мѣстной жизни, ибо новая власть только тогда можетъ принести полезныя результаты, когда она вызывается условіями мѣстной жизни, *во всей ихъ совокупности*, а на эти условія почему-то всегда или не обращалось вниманія, или они рассматривались въ частностяхъ.....

Такъ вообще примѣнялись всѣ наши реформы, большинство которыхъ, за исключеніемъ судебной и земской, представляетъ изъ себя замѣчательную теоретически правильную постановку вопроса и страдаетъ отсутствіемъ практическаго

знанія мѣстной жизни. Изучая эти законодательные акты, невольно сознаешь, что прежде всего была забота разработать вопросъ теоретически и этимъ путемъ создать извѣстное законоположеніе, введеніе котораго въ жизнь примѣнялось *безъ особой заботы о согласованіи съ мѣстными условіями жизни, лишь бы оно было согласовано какъ нибудь съ существующими уже учрежденіями*. Въ сущности, это было вливаніе въ старые мѣха новаго вина, безъ достаточнаго вниманія къ тому, что многіе мѣха уже отказываются служить....

Вотъ, по нашему мнѣнію и мнѣнію многихъ, многихъ русскихъ людей, истинная причина настоящаго порядка вещей, именуемаго громкимъ именемъ „опасной безурядицы“, который представляетъ опасность только въ томъ отношеніи, что населеніе совершенно напрасно страдаетъ и разоряется, и въ концѣ концовъ теряетъ вѣру въ тѣхъ, въ коихъ теперь вѣрить и кого уважаетъ—въ дворянство.

Опасность, дѣйствительно, ужасная, въ которой виновато будетъ само же дворянство, не заботящееся о своихъ интересахъ и своемъ достоинствѣ.

И такъ, все сказанное само собою ярко рисуетъ главный недостатокъ существующаго порядка—отсутствіе единства власти въ провинціи, при существованіи большаго числа властей, и отсутствіе контроля и единенія въ высшихъ руководящихъ сферахъ.

Слѣдовательно, при обсужденіи вопроса, что нужно сдѣлать, чтобы упорядочить положеніе вещей въ провинціи, если существующій въ теперешнемъ его видѣ порядокъ не можетъ и не долженъ продолжаться, необходимо прежде всего сознать:

что никакія частныя измѣненія въ немъ не могутъ имѣть мѣста, ибо этимъ единенія власти достигнуть нельзя;

что учрежденіе новой какой либо власти при теперешнемъ порядкѣ вещей, какъ частное измѣненіе, принесетъ не пользу, а вредъ, ибо власть эта не можетъ быть принаровлена къ общему строю провинціальной жизни и не можетъ не внести въ жизнь еще большей розни,

и что остается одно—реорганизовать существующій порядокъ, придавъ ему стройность и систематичность и избѣгая недостатковъ, указываемыхъ практикою.

Чтобы избѣжать послѣднихъ, необходимо упростить взаимное отношеніе населенія и властей, сдѣлать власть доступною, устранить медленность дѣлопроизводства, уничтожить безчисленное число инстанцій и *установить дѣйствительный контроль* за дѣйствіями властей.

Чтобы достигнуть перваго (стройности учрежденія) необходимо установить такія власти, которыя, стремясь совместно къ одной общей цѣли—къ благу населенія, преслѣдовали бы, въ частности, свои прямыя обязанности, ни въ какомъ случаѣ не могли бы служить чуждымъ интересамъ и не мѣшали бы дѣятельности одна другой, а напротивъ, находили бы взаимно себѣ поддержку.

Очевидно, что все это можно достигнуть только учрежденіемъ такихъ установленій, которыя объединяли бы дѣятельность властей въ провинціи и объединяющій характеръ дѣятельности которыхъ былъ бы проведенъ послѣдовательно, систематично, отъ низшей административной единицы до высшихъ административныхъ сферъ.

Здѣсь опять, невольно, приходится сознать, что никакія частныя измѣненія, никакая новая власть не могутъ измѣнить къ лучшему существующаго порядка.

Русскій народъ представляетъ особенности, какихъ мы, разумѣется, не встрѣчаемъ въ другихъ народностяхъ; особенности эти, между прочимъ, заключаются въ особенномъ добродушіи, незлобивости русскаго человѣка; *въ отвращеніи русскаго человѣка ко всякимъ формамъ, въ которыхъ онъ не можетъ привыкнуть, несмотря на вѣковое стремленіе властей, приучить его къ нимъ; въ желаніи имѣть около себя власть, къ которой, какъ къ маленькой частицѣ царской власти, онъ могъ бы прибѣгнуть во всѣхъ своихъ нуждахъ и которая могла бы быстро разрѣшить его настоятельныя нужды, не доводя воловით до истомы.*

Эти черты русскаго народа такъ симпатичны, что управлять русскимъ человѣкомъ очень легко, лишь бы власть была справедлива. Какъ бы ни были тяжелы условія жизни, русскій человѣкъ будетъ безропотно нести всѣ „тягости“, лишь бы онъ сознавалъ, что требованіе ихъ законно, а не вызывается несправедливостью. Цѣлый рядъ дѣлъ „о неповиновеніяхъ“, „о бунтахъ“ послѣдняго времени, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ это. Всѣ они въ корнѣ своемъ имѣли крупную несправедливость или чиновника, или фабриканта, или (грустно сказать) помѣщика, не постыдившагося обмануть своихъ крестьянъ при составленіи уставныхъ грамотъ. Въ самый разгаръ „бунта“, знающая народъ, „умѣлая“ власть можетъ безбоязненно войти въ толпу бунтующихся, которые самымъ почтительнымъ образомъ будутъ разговаривать съ нею. Мы утверждаемъ это на основаніи опыта и можетъ привести много подобныхъ примѣровъ ¹⁾).

Такія особенности русскаго народа требуютъ и особыхъ учрежденій; они должны имѣть характеръ не репрессивный, а попечительный, и не должны имѣть характера покрови-

---

¹⁾ „Бунты“ и „неповиновенія“ крестьянъ вызывались всегда особыми условіями, на которыя въ большинствѣ случаевъ смотрѣли односторонне и потому не всегда правильно оцѣнивали. Для крестьянина земля—есть все. Понятно, что изъ за права на землю, иногда неправильно понимаемаго въ силу законныхъ, формальныхъ условій владѣнія, но вѣрнаго по понятіямъ общей справедливости, могутъ возникать споры и безпорядки. Съ неправильными по закону, но справедливыми въ существѣ своимъ требованіями отдѣльныхъ лицъ приходится встрѣчаться постоянно, и эти лица обиваютъ пороги присутственныхъ мѣстъ и властей, надѣлая своими требованіями удовлетворить ихъ права, которыя они фактически осуществить желали бы, но не въ силахъ. Въ подобныхъ случаяхъ, цѣлое селеніе крестьянъ, имѣя возможность осуществить свое воображаемое право на землю, по близости своей къ землѣ, завладѣваетъ ею и требуетъ одного, чтобы мѣстныя власти подождали „царскаго указа“, такъ какъ оно подало прошеніе, чтобы царь батюшка ихъ разсудилъ. Вотъ истинная причина всѣхъ или почти всѣхъ аграрныхъ недоразумѣній, требовавшихъ вмѣшательства властей и даже военной силы. Мы не хотимъ этимъ сказать, что поступая подобнымъ образомъ крестьяне правы и что власти должны смотрѣть на это снисходительно, но желали только указать, что всѣ аграрные „бунты“ имѣли въ своемъ корнѣ не „неповиновеніе“ власти, кроющейся въ характерѣ народа, а въ иныхъ условіяхъ, которыя иногда тяжело переносить бѣдному безземельному (нынѣ) крестьянству.

тельства однимъ предъ другими, въ чемъ народъ увидить явную несправедливость, а слѣдовательно отнесется къ нимъ недоувѣрчиво, неискренно, „не по душѣ“.

Особенности русскаго человѣка симпатичны (и не однимъ русскимъ), и въ нихъ надо искать поддержки всѣмъ реформамъ, съ ними надо сообразовать строй государственной жизни, а не навязывать народу насильственно учрежденіе репрессивнаго характера, которое не можетъ быть ему симпатичнымъ, а слѣдовательно, не можетъ принести полезныхъ результатовъ.

Вотъ почему при установленіи новаго порядка необходимо имѣть въ виду слѣдующія коренныя условія.

Русскому царю одинаково дороги интересы cadaго сословія, дороги интересы всего населенія, всего его русскаго народа; поэтому, кромѣ преимуществъ, присвоенныхъ закономъ каждому сословію, ни одно сословіе не должно пользоваться никакими другими преимуществами *въ ущербъ* другимъ сословіямъ.

Лица всѣхъ сословій предъ лицомъ закона, т. е. монарха, равноправны; поэтому ни одно сословіе не можетъ претендовать на какія нибудь права надъ другимъ сословіемъ и ни на какія преимущества по этому поводу.

Русское дворянство должно занимать въ уѣздѣ первенствующее значеніе не въ силу какихъ либо *особыхъ заботъ о семъ*, а въ силу своихъ заслугъ, своего образованія и имущественнаго благосостоянія. Поэтому искусственное возвышеніе на ходули дворянства и привлеченіе въ уѣздъ, „въ деревню“, дворянъ, которыхъ прямыя интересы „деревни“ не прельщаютъ, должно неминуемо принести горькіе плоды, ибо ничто искусственное, ложное, не основанное на дѣйствительной потребности экономической и народной жизни, привиться къ ней не можетъ, а нарочитое созданіе для того особыхъ чиновниковъ—дворянъ, лишь бы они жили въ уѣздѣ, въ своей деревнѣ, заключающее въ себѣ неудобную основу, не можетъ быть допустимо.

Вліяніе дворянства на населеніе всегда проявлялось благо.

ж. гр. и уг. пр. кн. I 1889 г.

4

годаря развитію и образованію его въ связи съ имущественнымъ благосостояніемъ; въ будущемъ оно должно проявляться въ силу тѣхъ же условій, условій естественныхъ, а не искусственныхъ, и проявляться главнымъ образомъ въ томъ, что можетъ способствовать образованію населенія, устраненію гнета тѣхъ или другихъ условій и установленію нормальныхъ отношеній между населеніемъ; все это имѣется возможность преслѣдовать дворянству посредствомъ выборныхъ представителей своихъ—предводителей, личнымъ своимъ влияніемъ и на земскихъ собраніяхъ. Такая роль дворянства почетная, чуждая своекорыстныхъ расчетовъ, не замедлитъ принести благодѣтельные результаты которые, главнымъ образомъ, отзовутся на интересахъ самихъ же дворянъ,

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ недостатки существующаго порядка и общія условія, которымъ долженъ удовлетворять будущій или желаемый порядокъ, разсмотримъ эти условія въ частности, чтобы вполне уяснить себѣ, что изъ существующаго порядка должно быть оставлено и что упразднено.

I.

Конечная дѣятельность государственной власти проявляется въ тѣхъ учрежденіяхъ, кои соприкасаются съ населеніемъ непосредственно. Поэтому разсмотрѣніе частныхъ существующаго порядка слѣдуетъ начать съ низшей административной единицы—волости.

Волость составляетъ поселеніе около 2000 ревизскихъ душъ, на пространствѣ не далѣе 12 верстъ отъ средоточія управленія (нѣкоторыя изыятія по численности населенія и территоріальныя допускаются). Управление волости состоитъ изъ волостнаго старшины, волостнаго правленія и волостнаго схода.

Волостному сходу подлежатъ: 1) предметы, относящіеся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ *цѣлой* волости; 2) принесеніе жалобъ и просьбъ по вопросамъ, касающимся волости; 3) выдача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ волости; 4) выборъ должностныхъ лицъ и судей; 5) назначеніе и раскладка мірскихъ сборовъ и повинностей, отно-

сящихся до цѣлой волости, и 6) учетъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ волостнымъ сходомъ.

Разсматривая права и обязанности волостнаго схода, прежде всего мы видимъ, что волостной сходъ не можетъ вѣдать хозяйственныхъ интересовъ цѣлой волости, ибо такихъ интересовъ въ дѣйствительности нѣтъ, если не считать раскладки суммъ на содержаніе волостнаго правленія и учета ихъ. Всѣ хозяйственные интересы волости перешли въ вѣдѣніе земства и въ предѣлахъ волости остались только „хозяйственные“ интересы отдѣльныхъ селеній, какъ таковыхъ. Всякое селеніе имѣетъ свои самостоятельные интересы, въ которые сосѣднія селенія, хотя бы и одной и той же волости, вмѣшиваться не могутъ. Общихъ хозяйственныхъ интересовъ селеній нѣтъ, ибо каждое изъ нихъ, какъ бы оно велико или мало ни было, составляетъ совершенно самостоятельную хозяйственную единицу, а если иногда и встрѣчаются такіа селенія, которыя имѣютъ какой либо общій въ чемъ либо интересъ, то такіа селенія составляютъ довольно рѣдкія исключенія, да притомъ и интересъ этотъ искусственный, т. е. вызванъ временными совмѣстными, имущественными интересами (арендой сосѣднихъ земель, постройкой обща мельницъ, мостовъ, гатей и т. п.), а не естественный, вытекающій изъ устройства селеній, органически связанныхъ между собою. Поэтому волостной сходъ только тогда можетъ вѣдать предметы, относящіеся до хозяйственныхъ дѣлъ цѣлой волости, когда волость состоитъ изъ одного поселенія, могущаго потому имѣть общіе интересы, т. е. когда волостной сходъ, въ сущности, есть ничто иное, какъ сходъ сельскій. Точно также въ волости нѣтъ естественныхъ общественныхъ интересовъ, если не считать выбора должностныхъ лицъ и учета ихъ. Всѣ такъ называемые „общественные“ интересы волости суть ничто иное какъ или интересы одного поселенія, составляющаго волость, или искусственно суммированныя интересы селеній, входящихъ въ составъ одной волости, причемъ весьма часто интересы нѣкоторыхъ селеній противорѣчатъ интересамъ другихъ. Нѣтъ надобности доказывать

подробно эти положенія, извѣстныя всѣмъ, знакомымъ съ жизнью народа вообще и жизнью селеній и волости въ частности; притомъ, слѣдуетъ полагать, что они и такъ наглядны.

Такимъ образомъ оказывается, что предметовъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой волости, какъ таковой, въ вѣдѣніи волостнаго схода быть не можетъ; что, потому, выдавать довѣренности на хожденіе по такимъ дѣламъ нѣтъ надобности, и что, затѣмъ, вѣдѣнію волостнаго схода подлежить только выборъ должностныхъ лицъ и судей, назначеніе и раскладка сборовъ и повинностей, относящихся до цѣлой волости, и учетъ должностныхъ лицъ. И дѣйствительно, стоитъ развернуть книгу приговоровъ волостнаго схода любой волости, чтобы убѣдиться въ безусловной вѣрности такого порядка. Въ книгѣ можно видѣть ежегодно записываемые по формѣ приговоры о раскладкѣ сборовъ „на содержаніе волостнаго правленія“ и объ учетѣ этихъ суммъ, приговоры о выборѣ должностныхъ лицъ и судей—и болѣе никакихъ. Какъ рѣдкое исключеніе, и то только въ нѣкоторыхъ волостяхъ, постановляются приговоры по другимъ вопросамъ „хозяйственнымъ“ и „общественнымъ“, или искусственно возбужденнымъ, или касающимся отдѣльных селеній (какъ, на примѣръ, приговоры объ удаленіи порочныхъ членовъ общества тѣхъ селеній, въ коихъ менѣе узаконеннаго числа домохозяевъ), а не цѣлой волости, какъ таковой. Вотъ почему, если отнять отъ волостнаго схода право выбора должностныхъ лицъ и судей и раскладку на содержаніе волостнаго правленія суммъ, то онъ фактически перестанетъ существовать, какъ не существуетъ въ дѣйствительности и теперь, ибо всѣ права и обязанности его олицетворяются въ волостномъ старшинѣ и осуществляются имъ. Казалось бы, что избраніе волостнаго старшины составляетъ серьезную обязанность волостнаго схода; но въ дѣйствительности, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, старшина избирается сходомъ не самостоятельно, а подъ вліяніемъ указаній непремѣннаго члена и предводителя дворянства, и самый актъ

избранія составляет простую формальность подписанія заготовленнаго по формѣ приговора.

Второй органъ крестьянскаго самоуправления въ волости есть волостное правленіе, которое состоитъ изъ волостнаго старшины, всѣхъ сельскихъ старостъ или помощниковъ старшины и сборщиковъ податей; это коллегіальное учрежденіе вѣдаетъ: производство расходовъ, утвержденнхъ сходомъ, продажу крестьянскаго имущества по взысканіямъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда она производится полиціею, и опредѣленіе и увольненіе должностныхъ лицъ, служащихъ по найму. Этого органа — волостнаго правленія, какъ коллегіальнаго учрежденія, на практикѣ никогда не существовало и теперь не существуетъ, и развѣ одинъ изъ ста сельскихъ старостъ знаетъ, что онъ номинально состоитъ членомъ коллегіальнаго присутствія. Для какой цѣли было учреждено волостное правленіе — неизвѣстно, такъ какъ изъ сопоставленія характера правъ и обязанностей его и волостнаго старшины ясно, что оно не имѣло никакихъ основаній для существованія и что волостной старшина неминуемо долженъ былъ, такъ сказать, поглотить всѣ его права.

Такимъ образомъ оказывается, что въ дѣйствительности ни волостнаго схода, ни волостнаго правленія нѣтъ, ибо, какъ мы видѣли, для ихъ существованія народная жизнь не представляетъ никакихъ основаній, а эти основанія были придуманы, искусственно созданы; что управленіе всѣми дѣлами исключительно лежитъ на волостномъ старшинѣ и волостномъ писарѣ, и что дѣлъ у нихъ, какъ всѣмъ извѣстно, такая масса, какой и не предполагалъ законодатель.

Спрашивается теперь, если волостное правленіе и волостной сходъ, какъ органы крестьянскаго самоуправления волости, для коего собственно они и были учреждены, не имѣютъ основаній для существованія, то какимъ же образомъ волостное правленіе, олицетворившееся въ старшинѣ и писарѣ, и волость, какъ единица крестьянскаго населенія, получили значеніе въ государственной жизни? Отвѣтъ на этотъ вопросъ совершенно ясенъ. Не имѣя въ себѣ задат-

ковъ для крестьянскаго самоуправленія, волостное правленіе и волость съ самаго начала потеряли этотъ характеръ: волостной старшина, въ которомъ олицетворилось волостное правленіе, обратился въ выборнаго административно - полицейскаго чиновника для извѣстнаго района—волости, а волость, какъ совокупность извѣстнаго числа крестьянъ, живущихъ на опредѣленномъ пространствѣ, ради самоуправления, обратилась въ низшую административную единицу въ *территориальномъ отношеніи*; такое измѣненіе было совершенно естественно.

До времени крестьянской реформы, низшей административной единицей въ территориальномъ отношеніи былъ уѣздъ. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ была полиція вотчинная, требовавшая, по тогдашнему, только въ рѣдкихъ случаяхъ вмѣшательства уѣздныхъ правительственныхъ властей, ибо каждый помѣщикъ былъ верховнымъ полиціймейстеромъ и судьей въ явномъ помѣстьи, а въ поселеніяхъ государственныхъ крестьянъ была своя самостоятельная полиція — управленіе государственными имуществами, вѣдавшее всѣ дѣла почти на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и помѣщики. Съ измѣненіемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ необходимо было установить новый порядокъ, который замѣнилъ бы прежнее вотчинное управленіе, и онъ былъ установленъ въ формѣ волостей и волостныхъ правленій, по примѣру или образцу управленія государственными крестьянами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ къ волостному правленію перешла большая часть обязанностей, лежавшихъ прежде на вотчинномъ управленіи и на управленіи государственными имуществами. Затѣмъ, къ волостному правленію стали обращаться во многихъ своихъ хозяйственныхъ нуждахъ тѣ изъ помѣщиковъ, которые землями своими тянули къ волости, и такимъ образомъ эти земли мало по малу входили въ черту волости, не бывъ приписанными къ ней или, вѣрнѣе сказать, относились къ той или другой волости; этотъ порядокъ естественно поддерживался и укрѣплялся. Прежде уѣздная власть имѣла дѣла съ даровою вотчинною полиціею (помѣщиками), вѣдавшую

часть территоріи уѣзда, волостными правленіями государственныхъ крестьянъ и чиновниками государственныхъ имуществъ. Съ измѣненіемъ строя уѣздной жизни послѣ 1861 года, вся эта своеобразная полиція, въ лицѣ десятевозъ тысячъ полиціймейстеровъ, исчезла, миллионы лицъ, находившихся въ вѣдѣніи этой полиціи, получивъ право гражданства, поступили въ вѣдѣніе общей полиціи, уѣздныхъ властей. Такимъ образомъ число лицъ и учреждений, къ которымъ должна была обращаться уѣздная власть, послѣ 1861 года чрезмѣрно увеличилось и увеличивается непрерывно, благодаря раздробленію помѣщичьихъ земель, увеличенію народонаселенія и усложненію условій общественной жизни. Уѣздная власть не могла успѣвать дѣлать своего дѣла, котораго изо дня въ день накоплялось все больше, и она поневолѣ должна была возложить часть его на ту подчиненную ей власть, которая стоя близко къ населенію, могла успѣшнѣе и легче исполнить требуемое—на волостныя правленія т. е. на волостныхъ старшинъ.

Требованія уѣздныхъ властей къ волостному правленію увеличивались постоянно, тѣмъ болѣе, что условія жизни становились сложнѣе, а законодательная власть перестала смотрѣть на волость исключительно какъ на единицу крестьянскаго самоуправленія, и возлагала на волостныя правленія особыя обязанности. Всѣ эти требованія къ волостному правленію, въ концѣ концовъ, стали такъ многообразны и сложны, что теперь нѣтъ власти и учрежденія въ имперіи, которыя непосредственно или посредственно не сносились бы съ нимъ, и нѣтъ волости, къ правленію которой не предъявлялось какихъ либо требованій со стороны помѣщиковъ и вообще землевладѣльцевъ или по отношенію къ нимъ ¹⁾. Благодаря этому, въ волостномъ правленіи и развилась пере-

---

¹⁾ Какъ разнообразна переписка волостныхъ правленій можно представить себѣ изъ того, что въ одной волости мы нашли отношенія с.-петербургскаго градоначальника, одного изъ департаментовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и канцеляріи енисейскаго губернатора. Казалось бы, что министерство иностранныхъ дѣлъ никакого отношенія къ волости имѣть не должно?

писки, которая незнающему может показаться невѣроятной и которая вызвала необходимость вести однѣхъ книгъ отъ 24—32, смотря по волости. Вотъ какимъ образомъ волость и волостное правленіе потеряли свой крестьянскій сословный характеръ. Случилось это, какъ мы видѣли, потому, что уѣздъ, какъ административная единица, въ территоріальномъ отношеніи не могъ удовлетворить требованіямъ государственной жизни по своей обширности, что требовалась таковая единица меньшаго порядка и что волость и волостное правленіе, какъ сословныя учрежденія, по своей искусственности не имѣя въ себѣ задатковъ для жизни, неминуемо должны были обратиться въ такую административную единицу низшаго порядка.

Подтверженіемъ этого служить размѣръ и характеръ переписки волостныхъ правленій, которая доказываетъ, что они относятся не къ одному крестьянству и служатъ не одному ему, а всѣмъ сословіямъ, живущимъ въ предѣлахъ волости или тяготеющимъ къ ней, и что въ дѣйствительности *волость, потерявъ характеръ органа крестьянскаго самоуправленія, обратилась исключительно въ низшую административную единицу, чрезъ которую государственная власть соприкасается съ населеніемъ всѣхъ сословій и къ которой населеніе всѣхъ сословій обращается въ своихъ нуждахъ.*

Указанныя нами, въ краткихъ чертахъ, условія образованія и существованія волости, прежде всего наталкиваютъ на вопросы: цѣлесообразно ли, при настоящемъ сложившемся порядкѣ вещей въ уѣздѣ, учреждать новую административную единицу, упразднивъ волость, какъ таковую, когда сама жизнь, измѣнивъ характеръ волости, намѣтила ее какъ единицу удобную для населенія? Допустима ли въ этомъ отношеніи какая нибудь перемѣна, которая неминуемо вызоветъ такую ломку, такую путаницу въ дѣлахъ, что выполненіе государственныхъ повинностей можетъ на нѣкоторое время затрудниться? Отвѣтъ, разумѣется, можетъ быть только отрицательный, т. е. что волость должна быть признана низшей административной единицей въ территоріальномъ отношеніи. Въ

этомъ случаѣ волость будетъ представляться опредѣленнымъ пространствомъ съ жителями всѣхъ сословій; причемъ сельскія общества, въ своихъ внутреннихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, какъ всякія товарищества, какъ юридическія лица, будутъ пользоваться указанными въ законѣ правами. Такая постановка исключаетъ необходимость смотрѣть на волость, какъ учрежденіе всеобщное, ибо хотя на пространствѣ волости будутъ проживать лица всѣхъ сословій, но такъ какъ въ средѣ волости не можетъ быть хозяйственныхъ и общественныхъ интересовъ *цѣлой волости или одной только волости*, то и къ дальнѣйшему существованію волостнаго схода, который только одинъ можетъ быть выразителемъ всеобщей волости, нѣтъ основанія. Словомъ, волость будетъ представляться территоріальной единицей низшаго порядка, необходимой ради административныхъ цѣлей, какъ уѣздъ представляетъ такую единицу втораго порядка, а губернія третьяго, высшаго порядка.

Если волость въ территоріальномъ отношеніи должна быть административной единицей, то, очевидно, должна быть власть, которая вѣдала бы административныя дѣла волости. Чтобы яснѣе представить себѣ каковъ долженъ быть характеръ дѣятельности этой власти, назовемъ ее волостнымъ старшиною, а чтобы опредѣлить какія обязанности должны лежать на ней, посмотримъ, какія обязанности лежатъ теперь ни волостномъ старшинѣ, который, какъ мы видѣли, есть никто иной какъ чиновникъ.

Въ волостномъ старшинѣ соединяются три власти: полицейская, административная и фискальная. Какъ полицейская власть онъ вѣдаетъ общественный порядокъ, спокойствіе и благочиніе въ волости, наблюдаетъ за исполненіемъ приговоровъ судебныхъ мѣстъ вообще и волостнаго суда - въ частности, и вѣдаетъ дѣла паспортныя; какъ административная власть онъ предсѣдаетъ въ волостномъ правленіи и на волостномъ сходѣ, наблюдаетъ за дѣйствіями низшихъ должностныхъ лицъ, завѣдуетъ мірскимъ имуществомъ и капиталами, наблюдаетъ за опекой надъ малолѣтними и проч.; какъ фискальная власть —

наблюдаетъ за исправнымъ отправленіемъ крестьянами всякаго рода повинностей.

Изъ одного перечня обязанностей волостнаго старшины видно, что на немъ лежитъ такая масса обязанностей, которыя всѣ вмѣстѣ трудно выполнимы, и что, потому, поневолѣ онъ долженъ обращать вниманіе преимущественно на то, что отъ него болѣе требуется. Строже всего отъ старшины требуется взысканіе податей и недоимокъ и понужденіе населенія къ исполненію того или другаго требованія властей или помѣщика. Первое такъ строго требуется отъ старшинъ, что награды имъ даются только при условіи взысканія всѣхъ недоимокъ, такъ что эта сторона дѣятельности служить мѣриломъ для оцѣнки всей дѣятельности старшины. При этомъ надо имѣть въ виду, что взысканіе недоимокъ допускаетъ массу злоупотребленій, которыя не могутъ быть устранены, ибо въ этомъ старшины сами себя контролируютъ. При такомъ положеніи старшины въ волости, онъ для мѣстнаго населенія является не тѣмъ лицомъ, къ которому оно довѣрчиво относилось бы и которое наблюдало бы за благоустройствомъ волости и пеклось бы объ интересахъ населенія ея, а прежде всего какимъ-то аргусомъ, подстерегающимъ каждую копѣйку въ карманѣ крестьянина, для немедленнаго ея изыятія. Очевидно, что въ должности старшины нѣтъ ни одной симпатичной для мѣстнаго населенія черты и что повиновение къ нему населенія обусловливается страхомъ, что за нимъ, старшиною, стоятъ исправникъ и предводитель дворянства ¹⁾). Отношенія населенія къ волостному старшинѣ будутъ

---

¹⁾ „Исправникъ и предводитель дворянства“, такъ какъ и тотъ и другой являются одинаковыми начальниками крестьянскаго населенія и волостнаго старшины, который иной разъ не знаетъ, что ему дѣлать. При наблюдаемой борьбѣ уѣздныхъ властей, волостные старшины иной разъ не знаютъ кого имъ слушаться, такъ какъ за исполненіе приказанія, напримѣръ, исправника, его караетъ предводитель и наоборотъ.

Указаніе на двойственность ответственности волостныхъ старшинъ предъ исправникомъ и предводителемъ дворянства, обязываетъ указать на существующій вообще въ крестьянскомъ самоуправленіи порядокъ. Такъ, волостному старшинѣ подчинены сотскій, десятскій, сельскій староста и сборщикъ податей; далѣе подчи-

еще понятнѣе, если обратить вниманіе на положеніе старшины относительно высшихъ уѣздныхъ властей и помѣщиковъ. Первые безъ церемоніи ругаютъ его при народѣ и могутъ посадить подъ арестъ въ кутузку, рядомъ или вмѣстѣ съ воромъ и пьяницей, а вторые изображаютъ изъ себя умѣющихъ только приказывать и требовать себѣ безусловнаго повиновенія, которое для старшинъ обязательно, ибо за помѣщикомъ стоитъ предводитель дворянства. Все это хорошо извѣстно населенію, которое потому и не можетъ относиться къ старшинѣ съ должнымъ уваженіемъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что положеніе старшины относительно населенія поддерживается только страха ради и что лучшіе люди въ старшины не идутъ. Вредъ такого порядка очевиденъ ¹⁾).

Будь старшина въ другомъ, болѣе почетномъ положеніи по отношенію къ мѣстному населенію и высшимъ въ уѣздѣ властямъ, имѣй онъ право *наблюдать* за правильностью сборовъ податей и недоимокъ, *самъ не принимая никакого участія въ этихъ сборахъ*, имѣй онъ ту же маленькую частицу карательной власти, каковую имѣетъ и теперь, право ареста на одиѣ сутки (право назначенія въ общественныя работы и штрафа должно быть изъято, первое—по нецѣлесообразности наказанія, а второе—по опасности характера наказанія), старшина былъ бы поставленъ въ нормальныя, порядочныя отношенія въ населенію, которое не только боялось бы его, но и уважало.

Мы уже видѣли, что на волостномъ старшинѣ, кромѣ обязанности по взысканію податей и недоимокъ, лежитъ масса другихъ обязанностей. Чтобы отъ волостнаго старшины требо-

---

ваны: первые два—полиціи и не отвѣтственны предъ крестьянскимъ присутствіемъ, а послѣдніе два подлежатъ отвѣтственности предъ крестьянскимъ присутствіемъ, хотя только полицейская власть имѣетъ непосредственное отношеніе къ нимъ, и сельскій староста есть прямой органъ полиціи. Такое удивительное соотношеніе властей въ уѣздахъ можно прослѣдить послѣдовательно до болѣе высшихъ властей.

¹⁾ Лучшей иллюстраціей положенія старшинъ относительно населенія, можетъ служить ходатайство земства объ обязательномъ страхованіи на счетъ земства имущества старшинъ.

вать дѣла, а не отписки, необходимо освободить его отъ чисто полицейскихъ обязанностей, чѣмъ и придать ему характеръ администратора, а не полицейскаго чиновника. Тогда старшина будетъ руководителемъ всѣхъ низшихъ агентовъ волости и наблюдателемъ за ихъ дѣятельностью, а самъ посвятитъ себя исключительно той массѣ административныхъ дѣлъ, отъ безурядицы коихъ въ каждой волости населеніе *всѣхъ сословій* страдаетъ очень сильно. То, что отъ подобной безурядицы страдаетъ населеніе всѣхъ сословій, а не исключительно одно крестьянство, весьма понятно, и явствуетъ изъ указанныхъ условій жизни волости. Если волость потеряла свой первоначальный характеръ низшей административной единицы крестьянскаго самоуправления, если къ волости тяготѣютъ земельвладѣльцы, не преписанные къ ней, то это явилось подъ вліяніемъ условій, вызванныхъ самою жизнью. Очевидно, — интересы всѣхъ лицъ, тяготѣющихъ къ волости, *въ большей или меньшей степени* затрогиваются жизнью волости, какъ административной единицы. Разница въ этомъ случаѣ заключается только въ томъ, что интересы крестьянства затрогиваются непосредственно, тогда какъ интересы другихъ земельвладѣльцевъ затрогиваются посредственно.

Указавъ на характеръ дѣятельности теперешняго волостнаго старшины, мы тѣмъ самымъ рисуемъ желательный типъ его. Прежде всего онъ долженъ быть правительственнымъ агентомъ административнаго характера, почему отъ всѣхъ фискальныхъ обязанностей и чисто полицейскихъ дѣлъ онъ долженъ быть изъавленъ; ему должна быть предоставлена власть въ предѣлахъ волости, наблюдать за правильностью дѣйствій агентовъ фискальных и полицейскихъ, онъ долженъ быть ближайшимъ попечителемъ благоустройства, благочинія и благосостоянія волости, онъ долженъ имѣть маленькую частицу карательной власти, дабы въ случаѣ нарушенія мелкихъ полицейскихъ правилъ и его приказаній лицами непривилегированныхъ сословій, онъ не обращался бы къ волостному суду. Всѣмъ этимъ волостной старшина будетъ серьезно поставленъ въ волости, власть его будетъ тверда и онъ ока-

жать несомнѣнную услугу общественному дѣлу, устраняя зло, которое все болѣе и болѣе укореняется въ средѣ волости ¹⁾).

Въ настоящее время волостной старшина избирается волостнымъ сходомъ, въ дѣйствительности же это избраніе почти всегда есть ничто иное какъ формальность. Уѣздный исправникъ, предводитель дворянства и непремѣнный членъ прямо заинтересованы въ томъ, чтобы было выбрано лицо имъ извѣстное, „расторопное и дѣятельное“, и потому всѣ они или совмѣстно, или единолично, но всегда заранее, намѣчаютъ лицо, на которое долженъ пасть выборъ волостнаго схода. Такъ какъ при этомъ имѣется только одна забота— найти расторопное лицо, которое не запускато бы недоимокъ, то и выборъ волостнаго старшины далеко не всегда падаетъ на достойныхъ лицъ.

Въ будущемъ, полагаемъ, избраніе волостнаго старшины мѣстными жителями не должно имѣть мѣста, какъ потому, что не будетъ волостнаго схода, который одинъ могъ бы избирать его, такъ и потому, что волостной старшина не долженъ быть зависимъ отъ жителей волости или, лучше сказать, отъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ жителей волости. Волостной старшина долженъ быть назначаемъ губернаторомъ, по представленіямъ высшей въ уѣздѣ власти. Само собою разумѣется, что волостной старшина долженъ быть изъ мѣстныхъ жителей волости и долженъ получать достаточное для него вознагражденіе. Такой волостной старшина будетъ вполнѣ гарантировать какъ интересы населенія, такъ и интересы государственные, тѣмъ болѣе, что надзоръ за дѣятельностью волостныхъ старшинъ можетъ быть установленъ дѣйствительный, а не фиктивный.

---

¹⁾ Не подлежитъ сомнѣнію, что если старшина будетъ поставленъ въ такое положеніе, мѣстные дворяне, помѣщики, не откажутся быть старшинами и съ удовольствіемъ пойдутъ служить, какъ ради общественныхъ интересовъ, такъ еще болѣе ради своихъ личныхъ, ибо водворяя порядокъ и благоустройство въ волости, они отъ этого только выиграютъ въ имущественномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Такая волость, съ волостнымъ старшиною, представить изъ себя низшую административную единицу, въ которой будутъ тяготѣть интересы всѣхъ сословій, и въ которой будетъ сосредоточенъ ближайшій и дѣйствительный надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ, въ лицѣ хорошо поставленнаго старшины.

Въ настоящее время содержаніе волостнаго правленія отнесено исключительно на средства мѣстнаго крестьянства: это крайне несправедливо. Волость и теперь не есть органъ крестьянскаго самоуправления, а въ будущемъ она неминуемо должна потерять этотъ характеръ и на бумагѣ. Поэтому содержаніе волостнаго старшины и другихъ чиновъ волости должно покрываться земствомъ.

II.

Говоря объ устройствѣ волости необходимо сказать о томъ органѣ, который имѣется въ каждой волости— о волостномъ судѣ.

Чтобы ни говорили противники волостнаго суда, но нельзя не признать, что это учрежденіе для крестьянскаго населенія неоцѣнимо по своей близости и доступности. Всѣ мелкіе ссоры и споры крестьянской жизни, легко и удобно, находятъ себѣ исходъ и разрѣшеніе въ волостномъ судѣ и въ этомъ отношеніи достаточно сослаться на труды комисіи 1872 года по ревизіи волостныхъ судовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что отъ болѣе правильной постановки волостнаго старшины въ волости, который тогда не допуститъ наблюдаемыхъ теперь безобразій и пьянства во время разбора дѣла, волостной судъ выиграетъ и будетъ вполнѣ отвѣчать требованіямъ населенія. Вотъ почему волостной судъ долженъ быть сохраненъ, но, разумѣется, съ нѣкоторыми изыятіями и измѣненіями. Изъ вѣдѣнія волостнаго суда должны быть изъяты и переданы въ вѣдѣніе мировыхъ судей споры по заемнымъ обязательствамъ и вообще документамъ, развѣ обѣ стороны заявили бы желаніе разобратся въ волостномъ судѣ; суду слѣдуетъ предоставить право привода обвиняемаго или от-

вѣтчика, ибо теперь дѣла, за ихъ уклоненіемъ отъ явки, не разбираются по полугоду, и срокъ на обжалованіе рѣшеній необходимо сократить до недѣли. Затѣмъ и порядокъ обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ подлежитъ измѣненію.

Въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ существуютъ двѣ инстанціи, рассматривающія дѣла по существу, и одна инстанція кассационная. Для дѣлъ меньшей важности установлена даже одна инстанція судебная и одна кассационная. Въ дѣлахъ волостнаго суда почему-то сложился совершенно своеобразный порядокъ. Тамъ учреждена одна инстанція кассационная—уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ практикой сената, въ виду безобразныхъ рѣшеній уѣздныхъ присутствій, тяжущимся предоставлено право въ порядкѣ надзора приносить жалобы губернскому присутствію, какъ кассационной инстанціи, на которую, также въ порядкѣ надзора, могутъ быть приносимы жалобы въ тотъ же сенатъ. Сенатъ по этимъ жалобамъ постоянно входитъ въ разсмотрѣніе самаго дѣла и порядка его рѣшенія и постановляетъ опредѣленія не о характерѣ дѣйствій губернскихъ присутствій (т. е. въ порядкѣ надзора), а по дѣлу, рассматривая его иногда даже по существу. Такою практикою сената устанавливается порядокъ обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ въ трехъ кассационныхъ инстанціяхъ, каковой порядокъ пользы дѣлу не приноситъ, вызываетъ только медленность производства, стремленіе къ влязничеству и даже съ теоретической стороны ничѣмъ не можетъ быть оправданъ. Вотъ почему порядокъ этотъ подлежитъ отмѣнѣ и право обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ должно быть урегулировано. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросомъ, на кого должна быть возложена обязанность рассматривать дѣла по жалобамъ на волостные суды и въ какомъ порядкѣ?

Вопросъ о томъ, гдѣ кончается разсмотрѣніе дѣла по существу и начинается разсмотрѣніе дѣла въ смыслѣ кассационномъ, точно разрѣшенъ быть не можетъ, и въ этомъ отношеніи практика кассационныхъ департаментовъ сената слу-

жить лучшимъ доказательствомъ. Кромѣ того, русскому народу, какъ извѣстно, противенъ формализмъ и онъ никогда не пойметъ, почему очевидное его право не можетъ быть восстановлено, если низшій судъ неправильно рѣшилъ дѣло, не нарушивъ только формы. Кассационная инстанція въ дѣлѣ „народнаго“ суда не можетъ имѣть мѣста и жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ должны быть только по существу.

Порядокъ обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ и уѣздныхъ присутствій наглядно доказываетъ, что обжалованіе это не удовлетворяетъ населеніе, т. е. что населеніе не удовлетворяется уѣздными присутствіями, что населеніе желало бы видѣть защиту своихъ интересовъ въ другихъ рукахъ. Хотя такое мнѣніе съ перваго взгляда представляется страннымъ, но если вдуматься въ существующее положеніе вещей, то оно окажется вѣрнымъ. Почему сенатъ вынужденъ былъ установить такую странную практику—три кассационныхъ инстанцій? Очевидно не для удовольствія разсматривать лишнія дѣла, а для того, чтобы какъ нибудь защитить интересы населенія, нарушаемые уѣздными присутствіями, при формальномъ (кассационномъ) отношеніи къ рѣшеніямъ ихъ губернскихъ присутствій. Должно быть нарушенія эти часты и дѣятельность уѣздныхъ присутствій представляется сенату неудобной, если сенатъ рѣшился на такую мѣру. Эти соображенія сами по себѣ всѣмъ и каждому доказываютъ вѣрность высказаннаго выше мнѣнія о непригодности уѣздныхъ присутствій для разсмотрѣнія жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, но онѣ очевидны до наглядности для тѣхъ, кто знакомъ съ дѣятельностью уѣздныхъ присутствій не одной какой либо мѣстности, а многихъ мѣстностей (особенно въ послѣднее время, въ послѣднія 10 лѣтъ). Поэтому, для упорядоченія волостнаго суда необходимо замѣнить уѣздное присутствіе другимъ учрежденіемъ, которое было бы болѣе способно удовлетворять требованіямъ народнаго суда въ частности, и требованіямъ справедливости вообще. Такимъ учрежденіемъ въ уѣздахъ представляются мировыя судебныя установленія.

Жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ могутъ быть

приносимы мировымъ судьямъ и сѣздамъ. Мы полагаемъ, что жалобы должны быть приносимы только послѣднимъ. Дѣятельность мирового сѣзда обставлена большею гласностью и большимъ порядкомъ разсмотрѣнія дѣлъ и потому представляетъ болѣе гарантій правосудію, которыя тѣмъ болѣе необходимы, что слѣдуетъ избѣгнуть учрежденія еще одной инстанціи—третьей; къ тому же по дѣламъ волостнаго суда товарищъ прокурора можетъ давать заключенія, что опять таки поведетъ къ болѣе серьезному отношенію къ дѣлу, т. е. къ большей гарантіи интересовъ правосудія. Ни съ практической, ни съ теоретической стороны, право обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ мировымъ сѣздамъ не можетъ представить какихъ либо серьезныхъ возраженій. Если мировые сѣзды болѣе удалены отъ населенія, чѣмъ мировые судьи, то и теперь вѣдь населеніе прибѣгаетъ къ уѣзднымъ присутствіямъ и привыкло къ тому; съ этой стороны никакихъ новыхъ затрудненій для населенія не будетъ, за то это неудобство съ лихвою будетъ вознаграждаться болѣе серьезнымъ и болѣе правильнымъ разсмотрѣніемъ дѣлъ. Отъ учрежденія только двухъ инстанцій для волостнаго суда, дѣло народнаго суда только выиграетъ, а не проиграетъ, а съ теоретической стороны это не представляетъ новизны, такъ какъ и теперь, для дѣлъ меньшей важности, въ мировыхъ установленіяхъ учреждено только двѣ инстанціи.

Опасаться обремененія мировыхъ сѣздовъ нечего, такъ какъ уѣздныя присутствія теперь нисколько не обременены дѣлами, хотя только нѣсколько часовъ въ мѣсяцъ посвящаютъ на разсмотрѣніе *всѣхъ* дѣлъ, въ числѣ конхъ жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ едва достигаютъ пятой части *всѣхъ* дѣлъ присутствій.

Единственный вопросъ, которой можетъ возбуждаться, это какимъ образомъ будутъ избираться волостные судьи, если волостные сходы будутъ упразднены? Но вопросъ этотъ, казалось бы, не представляетъ затрудненій для разрѣшенія, ибо если число волостныхъ судей будетъ заранѣе определено для

каждой волости, то избраніе судей можетъ быть возложено на сельскія общества, пропорціонально численности населенія.

III.

Взысканіе податей и недоимокъ съ крестьянъ производится сборщиками податей, подъ непосредственнымъ наблюдениемъ волостныхъ старшинъ и полиціи, а взысканіе разныхъ повинностей съ лицъ другихъ сословій—полиціею. Въ общихъ чертахъ порядокъ взысканій таковъ: казенныя палаты рассылаютъ полиціи окладные листы, которые для крестьянскихъ обществъ передаются въ волость, и затѣмъ, сельскими сходами, раскладываются на отдѣльныхъ домохозяевъ, а для лицъ другихъ сословій—въ полицейскіе станы для непосредственнаго взысканія. Кромѣ этихъ государственныхъ сборовъ (различныхъ наименованій) существуютъ еще и другіе сборы—земскіе и на содержаніе волостныхъ и сельскихъ управленій. Земскіе сборы передаются въ волости также въ формѣ окладныхъ листовъ; сборы же мірскіе устанавливаются волостными и сельскими сходами для крестьянскаго сословія. Слѣдовательно, съ крестьянъ подлежатъ сборы трехъ наименованій, кои плательщиками суммируются, а у сборщиковъ получаютъ опредѣленное назначеніе и поступаютъ, прежде всего, на погашеніе расходовъ по волости, а остальные въ казначейство, для покрытія сперва казенныхъ сборовъ, а потомъ уже земскихъ.

Такимъ образомъ, взысканіе повинностей всѣхъ наименованій производится съ лицъ некрестьянскаго сословія полиціею, непосредственно, т. е. станowymi приставами, а съ крестьянъ—сельскими сборщиками податей. Хотя наблюденіе за взысканіемъ недоимокъ лежитъ на полиціи, но ближайшимъ образомъ оно лежитъ на волостныхъ старшинахъ, которые ведутъ учетъ всѣмъ недоимкамъ. Разумѣется, учетъ этотъ не гарантируетъ правильности веденія всей операціи, онъ доказываетъ только, что извѣстная сумма съ волости не взыскана и подлежитъ внесенію въ казначейство, а правильно ли были взысканы съ населенія суммы—старшина не знаетъ, если на это не было подаваемо жалобъ, которыя,

какъ извѣстно, никогда не приносятся, да очень часто и сами плательщики не знаютъ, сколько они должны платить ежегодно и почему они въ одномъ году платятъ больше, чѣмъ въ другомъ. Какъ ни странно это незнаніе, но въ дѣйствительности его можно наблюдать почти вездѣ и оно является результатомъ слѣдующихъ причинъ. Плательщикамъ должны быть выдаваемы волостнымъ правленіемъ книжки, въ которыя записываются всѣ слѣдующія подати и поступающіе въ счетъ ихъ платежи. Книжекъ волостныхъ правленій не выдаютъ почти никогда и потому всѣ расчеты сборщика съ населеніемъ основываются на клочкахъ бумаги, на биркахъ, или на памяти. Приказы о взысканіи извѣстной суммы съ общества поступаютъ отъ волостныхъ старшинъ. Волостной старшина, не обязанный провѣрять правильность дѣйствій сборщиковъ и постоянно заботящійся о возможно большемъ поступленіи недоимокъ, сквозь пальцы смотритъ на дѣятельность въ этомъ отношеніи сельскихъ старостъ и сборщиковъ, да къ тому же не имѣетъ времени и возможности провѣрять ее, когда онъ заваленъ работой и перепиской и обязанъ вести около 30 книгъ.

Разсматривая ближе этотъ порядокъ взысканія повинностей нельзя не замѣтить, что онъ даетъ полный просторъ произволу волостныхъ старшинъ и сборщиковъ податей и обременяетъ полицію и волостныхъ старшинъ, совершенно поглощая ихъ дѣятельность только этой работой; словомъ, нельзя не замѣтить крайней нецѣлесообразности его. Дѣйствительно, съ какой стати возлагать на двухъ—трехъ полицейскихъ чиновниковъ уѣздной полиціи (становыхъ приставовъ) взысканіе государственныхъ и земскихъ доходовъ, когда они *завалены* своими прямо полицейскими обязанностями? Можно ли при этихъ условіяхъ требовать отъ полицейскихъ чиновниковъ, чтобы они внимательно относились *ко всемъ* своимъ обязанностямъ, когда ихъ дѣятельность оцѣнивается только количествомъ недоимокъ? Можно ли при этомъ требовать отъ становыхъ приставовъ, чтобы они контролировали волостныхъ и сельскія власти въ ихъ дѣйствіяхъ по раскладкѣ и взысканію сборовъ, когда они прямо заинтересованы *только* ко-

личествомъ недоимки? Отвѣты на эти вопросы ясны. Затѣмъ, въ такомъ же положеніи, но еще худшемъ, находится волостной старшина, на котораго возложена обязанность контролировать взысканіе повинностей сборщиками и на его же отвѣтственность возложена успѣшность взысканій. Эти двѣ обязанности, казалось бы несомнѣстимы въ одной власти, поручаются кому?—завѣдомо неграмотному или малограмотному человѣку, который завѣдомо въ сильной степени находится въ рукахъ волостнаго писаря, какогонибудь прогнаннаго за пьянство чиновника или и того хуже. Очевидно, при такомъ порядкѣ взысканія повинностей можетъ быть все, кромѣ собственно порядка, и не удивительно, что уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ постоянно приходится разсматривать дѣла „о недоразумѣніяхъ“, возникшихъ по поводу учетовъ денежныхъ суммъ сельскими и волостными сходами, которыя иногда (но не всегда) доходятъ до уголовного суда, только подъ другимъ названіемъ — „растраты“. На какую сумму возникаетъ этихъ „недоразумѣній“ въ каждомъ уѣздѣ ежегодно, про то вѣдаютъ или, лучше сказать, то чувствуютъ только крестьяне, въ защиту интересовъ которыхъ поставлено въ уѣздѣ столько властей.

Все это приводитъ къ тому, что существующій порядокъ взысканій повинностей крайне нецѣлесообразенъ, ибо невозможно поручать взысканіе сборовъ и контроль надъ взысканіемъ ихъ одному и тому же лицу.

Въ настоящее время, съ цѣлью подобнаго контроля, учреждены особые податные инспекторы. Мы не знаемъ, приносятъ ли они дѣйствительную пользу дѣлу вообще, но полагаемъ, что контроль ихъ не можетъ быть дѣйствительнымъ, такъ какъ число ихъ такъ ограничено, что они въ иныхъ мѣстахъ ничего не дѣлаютъ, а въ другихъ дѣлаютъ то, на что болѣе обращаетъ вниманіе ихъ начальство, т. е. казенныя палаты. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они не установили и въ будущемъ, по своей малочисленности, не могутъ установить никакого контроля надъ порядкомъ взы-

сканія недоимокъ и повинностей, тѣмъ болѣе, что главное вниманіе ихъ обращено на правильность веденія торговли.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому, что порядокъ взысканія всякаго рода повинностей подлежитъ коренному измѣненію; что съ полиціи и съ волостныхъ старшинъ должна быть снята несвойственная имъ обязанность взысканій; что на волостныхъ старшинъ должна быть возложена одна только забота—о правильности взысканій съ крестьянъ волости платежей, т. е. обязанность контроля надъ сельскими сборщиками податей; что для взысканія сборовъ всѣхъ наименованій въ каждомъ уѣздѣ, т. е. сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ, за право торговли и проч., должны быть учреждены спеціальные уѣздные сборщики податей, въ каждомъ уѣздѣ, соразмѣрно численности населенія, которымъ въ отношеніи сборовъ должны быть подчинены сельскіе сборщики податей; что этимъ уѣзднымъ сборщикамъ податей должны быть предоставлены права и обязанности податныхъ инспекторовъ, въ которыхъ, какъ въ отдѣльномъ учрежденіи, тогда не будетъ и надобности.

Само собою разумѣется, что уѣздные сборщики податей должны дѣйствовать подъ наблюденіемъ уѣздной администраціи, отъ которой и получать инструкціи и указанія и которой должны давать отчетъ въ своей дѣятельности. Хотя уѣздные сборщики податей являются представителями фиска, но они должны быть поставлены въ исключительную зависимость отъ администраціи, ибо вопросы о правильности и своевременности взысканія повинностей всѣхъ родовъ должны опредѣляться не министерствомъ финансовъ, а администраціей.

Выше мы сказали, что суммы, поступающія отъ плательщиковъ, въ рукахъ сборщиковъ получаютъ опредѣленное назначеніе. Прежде всего они вносятъ въ казначейство суммы, слѣдуемыя въ доходъ казны и затѣмъ уже земскія суммы. Послѣдствія сего оказываются весьма неудобными, чтобы не сказать больше. Земскія учрежденія, суть учрежденія государственныя, а не частныя, и въ средствахъ нуждаются столько же, сколько и государственное казначейство. Изъ средствъ

земства уплачивается содержаніе не только членамъ земскихъ управъ, но и мировымъ судьямъ и другимъ лицамъ и учрежденіямъ, существующимъ ради общественныхъ интересовъ. Между тѣмъ сплошь и рядомъ приходится наблюдать пустую кассу въ земскихъ управахъ и массу земскихъ недоимокъ, за много лѣтъ не взыскиваемыхъ, тогда какъ государственные платежи съ населенія уплачены безнедоимочно и за послѣдній годъ. Такое положеніе нельзя не признать ненормальнымъ, ибо, повторяемъ, земскія учрежденія, какъ учрежденія государственныя, должны находиться въ одинаковыхъ условіяхъ съ государственнымъ казначействомъ и получать изъ всѣхъ суммъ, вносимыхъ въ казначейство, извѣстный, пропорціональный всѣмъ платежамъ процентъ. Въ свою очередь, получая изъ государственнаго казначейства слѣдующія на земскіе расходы уже взысканныя суммы, земства, по справедливости, должны нести отчасти расходы по сбору этихъ суммъ и вносить въ казну часть суммы на содержаніе чиновниковъ по сбору податей и повинностей.

IV.

Уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія вѣдаютъ дѣла крестьянскаго самоуправленія и вообще дѣло крестьянства; всѣ эти дѣла можно раздѣлить на слѣдующія категоріи: по жалобамъ на рѣшенія волостныхъ судовъ (которыя, какъ мы видѣли, должны бы отойти къ вѣдѣнію мировыхъ сѣздовъ), по жалобамъ на приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ, составляющимъ большую половину всѣхъ дѣлъ присутствія; по приговорамъ обществъ объ удаленіи порочныхъ членовъ, объ отвѣтственности лицъ волостнаго и сельскаго управленій, о перечисленіи изъ одного общества въ другое, о переселеніи крестьянъ, по жалобамъ, вытекающимъ изъ прежнихъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, чисто административныя дѣла— о сложеніи недоимокъ, объ облегченіи платежей, представленіе къ наградамъ и проч. Веденіе всѣхъ этихъ дѣлъ, подготовленіе ихъ къ докладу, производство по нимъ, въ потребныхъ случаяхъ, разслѣдова-

нія и повѣрка приговоровъ, лежитъ на непрѣнномъ членѣ присутствія.

Всѣ, знакомые съ дѣятельностью непрѣнныхъ членовъ, могутъ сказать, что большинство ихъ ровно ничего не дѣлаетъ, или дѣлаетъ только то, что обстоятельства вынуждаютъ ихъ во чтобы то ни стало сдѣлать.

Благодаря такой бездѣтельности непрѣнныхъ членовъ и наблюдается установившійся въ крестьянскихъ присутствіяхъ, на удивленіе всѣмъ, порядокъ, который никого не удовлетворяетъ, всѣхъ соприкасающихся съ нимъ раздражаетъ и вызываетъ массу вполне справедливыхъ нареканій. Между тѣмъ дѣлъ въ уѣздныхъ присутствіяхъ такъ мало и въ большинствѣ они такъ просты, что разрѣшать ихъ своевременно не представляется затрудненій.

Крестьянское присутствіе и непрѣнные члены его учреждены спеціально для надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ и для руководства имъ и, вообще, какъ бы для опеки надъ крестьянствомъ. Въ дѣйствительности ни того, ни другаго, ни третьяго, крестьянскія присутствія и непрѣнные члены не осуществляютъ.

• Мы уже видѣли, что въ дѣлѣ сбора податей, самомъ тягостномъ для населенія, крестьянскія присутствія никакого надзора и даже попытки къ нему не проявляютъ; крестьянскимъ самоуправленіемъ они руководить не могутъ уже потому, что надзоръ за нимъ проявляется фиктивно, только на бумагѣ, по жалобамъ, а о населеніи присутствіе начинаетъ печись только тогда, когда исправникъ, для полученія права не взыскивать недоимки съ крестьянъ неурожайной мѣстности, внесетъ вопросъ этотъ на разсмотрѣніе присутствія, чрезъ которое подобныя ходатайства восходятъ на разрѣшеніе министерства.

Такимъ образомъ, вся задача уѣздныхъ присутствій свелась только къ разрѣшенію жалобъ на волостные суды и на приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ (если не считать нѣсколькихъ дѣлъ другихъ категорій), разрѣшенія во-

торыхъ заинтересованнымъ лицамъ приходится ожидать чуть не цѣлыя годы.

Задача, какъ видно, весьма не трудная, исказившая это учрежденіе и приносящая дѣлу крестьянства только одинъ вредъ. Мы не ошибаемся и не преувеличиваемъ значенія вещей, утверждая, что большую часть нареканій на „безурядицу“ провинціальной жизни справедливо вызвали крестьянскія присутствія, купно съ непремѣнными членами, своею дѣятельностью и, главное, характеромъ этой дѣятельности. Бюрократизмъ, формальное отношеніе къ дѣлу, постоянная бездѣятельность и по временамъ лихорадочная поспѣшность „въ окончаніи дѣлъ“, лишь бы какъ нибудь сбыть ихъ съ руки, словомъ—полная апатія къ дѣлу, привели къ грустнымъ результатамъ, которые сдѣлались повседневными явленіями, никого не удивляющими: сборщики податей и волостные старшины растрачиваютъ массу „мірскихъ“ суммъ за нѣсколько лѣтъ подъ радъ и объ этомъ присутствія узнаютъ только случайно, черезъ нѣсколько лѣтъ; крестьяне платятъ, платятъ „подати“, сами не зная сколько имъ нужно платить; капиталы мірскіе и подопочные улечиваются чрезвычайно быстро; крестьянскіе лѣса, отданные имъ въ пользованіе, всѣ вырублены..... Все это и т. п. (всего перечислить нельзя) не могло бы быть повседневнымъ явленіемъ, если бы крестьянскія присутствія, т. е. предводители дворянства и непремѣнные члены, обращали вниманіе на дѣло, ибо и теперь, если предводитель серьезный и трудящійся человѣкъ, можно наблюдать, какъ дѣло могло бы идти при правильномъ и умѣломъ отношеніи къ нему.

Дѣятельность уѣздныхъ присутствій и непремѣнныхъ членовъ невольно наталкиваетъ на вопросъ: почему они не оправдали ожиданій законодателя, почему дѣятельность ихъ не приноситъ положительныхъ результатовъ? Прежде всего потому, что главные дѣятели—предводитель и непремѣнный членъ—поставлены въ совершенно независимое предъ всѣми положеніе, что они должны контролировать сами себя и что никакой другой контроль (со стороны губернскаго присутствія)

не можетъ быть осуществленъ, въ силу условій дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ властей, а равно и потому, что условія назначенія непремѣнныхъ членовъ опредѣлены неправильно ¹⁾). Затѣмъ, существуютъ и другія, второстепенныя, причины, которыхъ мы касаться не будемъ; остановимся только на перечисленныхъ; ихъ совершенно достаточно, ибо совокупность ихъ создала въ значительной степени существующую теперь „безурядицу“ въ уѣздѣ.

Къ дѣятельности предводителей мы возвратимся впоследствии, а теперь взглянемъ на условія дѣятельности непремѣнныхъ членовъ. Непремѣнные члены, дѣятели уѣзда, а подлежатъ избранію не уѣзднаго, а губернскаго земскаго собранія. Хотя избраніе непремѣнныхъ членовъ уѣздными собраніями, въ которыхъ они имѣютъ преобладающее вліяніе, разумѣется, не можетъ имѣть мѣста, но и избраніе ихъ въ губернскомъ собраніи точно также не должно бы имѣть мѣста. Губернскія земскія собранія, не зная *естяхъ* помѣщиковъ во всей губерніи, поневолѣ, должны руководиться рекомендаціей мѣстнаго предводителя дворянства и нѣсколькихъ губернскихъ гласныхъ, пріѣхавшихъ на собраніе. Поэтому избраніе непремѣнныхъ членовъ на губернскомъ собраніи есть ничто иное, какъ утвержденіе въ должности лицъ, рекомендуемыхъ уѣздными предводителями. Что на практикѣ бываетъ именно такъ, а не иначе, служатъ лучшимъ доказательствомъ постоянные разговоры губернскихъ гласныхъ, которые на упрекъ: зачѣмъ они избрали такое лицо? всегда отвѣчаютъ одно и то же: „а намъ-то что за дѣло? его рекомендовалъ для васъ предводитель, мы его и выбрали“. При такомъ порядкѣ, разумѣется, только случай можетъ помочь избранію достой-

---

¹⁾ Непремѣнные члены, дѣйствительно, вполне безотвѣтственны передъ высшею властью, а передъ мѣстнымъ уѣзднымъ обществомъ они безотвѣтственны еще и потому, что они, благодаря подчиненности имъ крестьянъ, весь уѣздъ держатъ въ рукахъ, составляя въ земскомъ собраніи силу. Это положеніе непремѣнныхъ членовъ, разумѣется, не способствуетъ ихъ работѣ, и мы знаемъ пользовавшихся общимъ уваженіемъ непремѣнныхъ членовъ, которые въ декабрѣ мѣсяцѣ посылали бумагу за № 3, причѣмъ предыдущія двѣ бумаги были по тому же дѣлу.

наго такой должности лица, а никакъ не самый порядокъ избранія.

Рекомендація уѣзднаго предводителя не можетъ служить гарантіей того, что рекомендуемое лицо достойно во всѣхъ отношеніяхъ занять мѣсто *именно* непремѣннаго члена, ибо она основывается только на личныхъ симпатіяхъ. Между тѣмъ эта рекомендація и самыя симпатіи къ рекомендуемому, заставляютъ предводителя смотрѣть сквозь пальцы на дѣятельность и бездѣятельность рекомендованнаго, къ тому же и самъ предводитель занимается дѣломъ постольку, поскольку онъ хочетъ заниматься имъ. Результаты такого порядка и такихъ условій не замедлили проявить себя.

Говоря о крестьянскомъ присутствіи, мы олицетворяли его въ предводителѣ и непремѣнномъ членѣ, такъ какъ двое остальныхъ членовъ присутствія — почетный мировой судья и предсѣдатель уѣздной земской управы — смотрятъ на себя, какъ на случайныхъ членовъ присутствія и, занятые своими дѣлами, бывають въ засѣданіяхъ рѣдко, только для пополненія присутствія, а одинъ уѣздный исправникъ составляетъ меньшинство. Притомъ, поставленный нынѣ въ какія то особыя условія, довольно тяжелыя, исправникъ не можетъ постоянно пререкаться съ предводителемъ, ибо скорѣе онъ слетитъ съ своего мѣста, чѣмъ предводитель уступитъ ему, если возгорится „война уѣздныхъ властей“.

Теперь, разсмотрѣвъ въ общихъ чертахъ характеръ и условія дѣятельности уѣздныхъ присутствій и непремѣнныхъ членовъ, предстоить разрѣшить вопросъ — для какой цѣли существуютъ они, не приносятъ-ли они болѣе вреда, чѣмъ пользы, и не слѣдуетъ-ли упразднить ихъ, передавъ всѣ дѣла ихъ какому-либо другому учрежденію? Кажется, что другаго отвѣта, кромѣ положительнаго, дать невозможно, и вотъ почему: крестьянскія учрежденія приняли подъ свою опеку крестьянъ отъ помѣщиковъ и отъ управленія государственными имуществами и 27 лѣтъ проявляли свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Если чрезъ четверть столѣтія оказалось, что крестьянскія учрежденія порядка въ деревнѣ не водворили,

отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ до сихъ поръ не урегулировали (такихъ дѣлъ въ присутствіяхъ всей Россіи масса), правильныхъ отношеній волостныхъ старшинъ къ крестьянамъ не установили. никакого надзора за дѣятельностью волостныхъ и сельскихъ властей не проявили, и водворили такое положеніе вещей, которое кажется или опаснымъ, или неудобнымъ, требующимъ особыхъ мѣръ, особой власти, т. е. своею дѣятельностью пришли къ отрицательнымъ результатамъ,—то, разумѣется, остается одно—сказать, что *крестьянскія учрежденія не могутъ и не должны даже проявлять своей попечительной надъ крестьянами дѣятельности, и что власть эта должна быть или вновь учреждена, или должна быть передана въ другія, болѣе способныя и умѣлыя руки.*

Пожалуй могутъ возразить, что въ отрицательныхъ результатахъ дѣятельности крестьянскихъ учреждений виновата администрація (и главнымъ образомъ губернаторы), не проявлявшая должной энергіи въ контролѣ, но такое возраженіе невѣрно. При всемъ желаніи, губернаторъ не можетъ проявить должной энергіи въ этомъ направленіи. Достаточно видѣть, какъ производятся губернаторами ревизіи властей. Встрѣчаясь съ невозможной безурядицей въ волости и сознавая, что вся вина въ этомъ лежитъ главнымъ образомъ на крестьянскихъ присутствіяхъ, т. е. предводителѣ и непремѣнномъ членѣ, губернаторъ тѣмъ не менѣе не можетъ и не смѣетъ сдѣлать замѣчанія ни тому, ни другому. Каждый изъ нихъ отъ губернатора вполне независимъ и никакихъ замѣчаній выслушивать не будетъ. Единственно, что остается губернатору въ подобныхъ случаяхъ—это обрушиться на волостного старшину и смѣнить его, что всегда и происходитъ и что порядку возстановить не можетъ, такъ какъ и другой волостной старшина будетъ такимъ же безконтрольнымъ сборщикомъ податей.

Если попечительство надъ крестьянствомъ въ какой-либо формѣ должно существовать, то оно должно сосредоточиваться не въ рукахъ случайныхъ людей, которыхъ не интересуетъ въ чему вести ихъ дѣятельность въ конечныхъ своихъ ре-

зультатахъ и которые ни передъ кѣмъ не отвѣтственны, а въ рукахъ или административной власти, или выборной, но не независимой ни передъ кѣмъ, а поставленной въ особыя условія дѣятельности и подъ цѣлесообразный контроль. Еще лучше передать эту власть въ руки такого учрежденія, въ которомъ выборное начало не было бы единственнымъ и въ которомъ голосъ администраціи былъ бы достаточно силенъ. Такимъ учрежденіемъ (какъ мы увидимъ впослѣдствіи) должно быть единое присутствіе въ уѣздѣ, которому, вѣдающему всѣ дѣла уѣзда, приличнѣе всего и цѣлесообразнѣе всего предоставить право разсматривать дѣла нынѣшняго крестьянскаго присутствія, какъ и пешихъ объ интересахъ не только крестьянъ, но вообще лицъ всѣхъ сословій. Такихъ дѣлъ будетъ немного, особенно, когда упорядочатся сельскіе сходы и, потому, уѣздное присутствіе не будетъ загромождено ими. Производство разслѣдованій по этимъ дѣламъ, въ потребныхъ случаяхъ, можетъ быть возлагаемо на членовъ присутствія, когда повѣряются дѣйствія волостныхъ старшинъ, а въ другихъ случаяхъ—на агентовъ полиціи и на волостныхъ старшинъ. Нужно имѣть въ виду, что и въ настоящее время дознанія по дѣламъ крестьянскаго присутствія весьма часто возлагаются на волостныхъ старшинъ, ради избавленія отъ этого непремѣнныхъ членовъ.

V.

Въ настоящее время раздаются голоса противъ земства и болѣе всего противъ направленія, которое оно приняло съ первыхъ дней своего существованія.

Чтобы ни говорили противники земства, но даже самые враги не могутъ не признать, что оно принесло громадную, неоцѣнимую пользу государству своею дѣятельностью во всѣхъ отношеніяхъ, а что оно вполнѣ привилось къ нашей жизни—про то свидѣлствуютъ результаты дѣятельности его. Оцѣнивая строго всѣ неправильныя проявленія дѣятельности земства, все-таки слѣдуетъ признать, что если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, уѣздахъ, дѣятельность земства и не привела къ видимо полезнымъ результатамъ или даже привела къ ре-

результатамъ отрицательнымъ, то все-таки эти факты и явленія единичны и не могутъ бросать тѣни на все земство, какъ не могутъ бросать тѣни на все дворянство отдѣльныя личности изъ дворянъ, случайными выборами поставленныхъ на видную дѣятельность и не оправдавшихъ возложеннаго на нихъ довѣрія. Чтобы оцѣнить по достоинству дѣятельность земства, нѣтъ надобности въ статистическихъ данныхъ: достаточно сравнить то, что было 20 лѣтъ назадъ, съ тѣмъ, что мы видимъ теперь.

Собственно говоря недовольство земствомъ совершенно непонятно, какъ непонятно огульное и ни на чемъ не основанное обвиненіе земскихъ дѣятелей въ какихъ-то либеральныхъ стремленіяхъ и въ антагонизмъ администраціи.

На земство почему-то смотрять, какъ на всесословныя собранія, въ которыхъ, именно благодаря всесословности, и проявляются эти стремленія; но такой взглядъ совершенно неправиленъ. Земство всесословно только въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ; въ остальныхъ же губерніяхъ—великороссійскихъ и малорусскихъ—земство не имѣло и не имѣетъ этого исключительно всесословнаго характера. Дѣйствительно, изъ кого состоитъ земство?—изъ гласныхъ уѣзднаго и губернскаго собраній. Большинство уѣздныхъ гласныхъ состоитъ изъ землевладѣльцевъ дворянъ, меньшинство—изъ крестьянъ, съ небольшимъ числомъ лицъ другихъ сословій. Землевладѣльцы дворяне и крестьяне, какъ извѣстно, составляютъ самый консервативный (если позволено будетъ такъ выразиться) и самый приверженный существующему государственному строю элементъ населенія. Въ губернскіе гласные изъ числа уѣздныхъ, по установившемуся правилу, избираются уѣздные предводители дворянства и болѣе состоятельные дворяне землевладѣльцы; лица другихъ сословій въ губернскихъ собраніяхъ или совсѣмъ не попадаютъ, или единичны.

Изъ этого видно, что губернское земское собраніе, состоящее почти исключительно изъ дворянъ, въ средѣ коихъ всегда находятся всѣ предводители дворянства, есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе дворянскаго собранія, въ которомъ

только участвуют не всѣ дворяне, а четвертая — пятая часть ихъ, избранная липами всѣхъ сословій, и которые собрались не для избранія членовъ дворянскихъ опекъ, депутатскаго собранія и предводителей (предсѣдателей земскихъ собраній), а для совмѣстнаго съ предводителями обсуждения хозяйственныхъ нуждъ губерніи. Иного впечатлѣнія изъ губернскихъ земскихъ собраній вынести невозможно.

До сихъ поръ на дворянство, дворянскія собранія вообще и на выборныхъ дворянства, предводителей—въ частности, никакія обвиненія не ввозились, а напротивъ, на дворянство и на предводителей возлагаются особыя надежды, и дворянство признается сословіемъ, изъ коего естественно, посредствомъ выбора, призываются лучшіе люди для высшаго управленія уѣздомъ, люди начальствующіе надъ остальными уѣздными властями. Спрашивается теперь, почему на то же дворянство и на тѣхъ же предводителей, когда они собираются не въ дворянскихъ мундирахъ для своихъ выборовъ, а въ сюртукахъ, въ качествѣ гласныхъ, сыпятся неудовольствія, и почему въ этомъ послѣднемъ случаѣ они могутъ измѣниться въ характерѣ своей дѣятельности, въ своемъ направленіи? Очевидно, что недовольство земствомъ лежитъ не въ составѣ его, а въ тѣхъ отношеніяхъ къ администраціи, которыя проявляются въ дѣятельности земства, отчасти благодаря установленнымъ земскимъ положеніемъ правиламъ, а отчасти благодаря неумѣлости или безтактности дѣятелей, которую можно наблюдать и въ дворянскихъ собраніяхъ, когда губернаторъ пожелаетъ показать свою власть и свое вліяніе на выборахъ, и которая имѣетъ исключительно характеръ препирательства мѣстныхъ властей.

Губернатору предоставлено право утверждать постановленія земскихъ собраній съ тѣмъ, что если онъ несогласенъ съ ними, то вопросъ о смѣтѣ и раскладѣ вносится имъ въ губернское земское собраніе, а остальные вопросы возвращаются въ уѣздныя собранія для новаго разсмотрѣнія. Земскія собранія *подробно* обсуждаютъ ихъ и постановляютъ свои окончательныя заключенія (90, 91, 94 и 95 ст. земск.

полож.). На вторичныя постановленія земскихъ собраній, не согласившихся съ возраженіями губернатора, губернаторъ имѣетъ право протеста въ сенатъ, съ пріостановленіемъ исполненія этихъ постановленій (ст. 96). Точно также нѣкоторыя постановленія земскихъ собраній нуждаются въ утвержденіи министра внутреннихъ дѣлъ, который можетъ передать вопросъ на новое обсужденіе губернскаго собранія, а при несогласіи съ нимъ вновь переносить дѣло въ сенатъ (ст. 92 и 97). Предоставляя губернатору право утвержденія постановленій земскихъ собраній, положеніе о земствѣ предоставило ему право не соглашаться съ постановленіями по существу не по всѣмъ вопросамъ вообще, а только по нѣкоторымъ, по остальнымъ же (напр. о смѣтѣ и раскладѣ) губернаторъ можетъ возражать только по чисто формальнымъ основаніямъ. Такимъ образомъ губернаторъ, не соглашаясь по существу съ постановленіемъ земства и не имѣя права протеста, долженъ, такъ сказать, ловить земство и основывать свой протестъ на такихъ мелочахъ, которыя имѣютъ характеръ придирокъ.

Возраженія губернаторовъ разсматриваются въ земскихъ собраніяхъ, въ которыхъ гласные, интересуясь своимъ постановленіемъ и оспаривая правильность возраженія, иногда позволяютъ себѣ выраженія, по существу своему, невинныя, но все таки непріятныя для административнаго лица. Хотя на земскихъ собраніяхъ предсѣдаютъ предводители дворянства, которые должны бы были сознавать всю тяжесть нравственной отвѣтственности своей за веденіе дѣла, но, къ сожалѣнію, не всѣ предводители стоятъ на высотѣ своего положенія и умѣютъ вести засѣданіе, почему, даже при желаніи устранить изъ преній неумѣстныя замѣчанія, они не могутъ и не умѣютъ этого сдѣлать. Если къ этому прибавить, что не всѣ губернаторы умѣютъ ладить съ людьми, что, въ отношеніяхъ ихъ не могутъ не проявляться личныя чувства ихъ къ мѣстнымъ выдающимся дѣателямъ—предводителямъ, предсѣдателямъ управъ и вліятельнымъ дворянамъ, что, въ свою очередь, эти чувства вызываютъ отълики въ земскихъ собраніяхъ,

то станет до очевидности понятнымъ, что корень всѣхъ неудовольствій лежитъ не въ дѣятельности земства и не въ направленіи его, а въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя устанавливаются между выдающимися дѣятелями губерніи и администраціей, и которыя проявляются въ земскихъ собраніяхъ, *ибо только въ этихъ собраніяхъ они и могутъ проявиться*. Въ дворянскихъ собраніяхъ ничего подобнаго быть не можетъ, ибо въ нихъ не обсуждаются никакіе вопросы, которыми интересовалась бы администрація и по которымъ она представляла бы свои возраженія; многіе, однако, могутъ подтвердить, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда губернаторъ не утверждалъ уѣзднаго предводителя дворянства, его вторично избирали единогласно.

Лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго служить то, что тамъ, гдѣ отношенія губернатора къ мѣстному обществу нормальны, гдѣ относятся къ нему съ уваженіемъ, тамъ никогда не бываетъ никакихъ недоразумѣній, и земство идетъ въ полномъ согласіи съ администраціей, которая тогда весьма сильно вліяетъ на все дѣло, чтобы не сказать руководить имъ.

Все это приводитъ несомнѣнно къ тому, что земство, состоя главнымъ образомъ изъ дворянъ и вездѣ руководимое имъ, можетъ навлекать на себя недовольство въ той же степени, въ какой можетъ навлекать на себя недовольство и все вообще дворянство; что такъ какъ дворянство всегда стояло и, вѣроятно, долго будетъ стоять на высотѣ своего призванія, то эти нареканія на земство не имѣютъ подъ собою почвы, т. е. голословны, и что причина нареканій на земство лежитъ исключительно въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя устанавливались между мѣстной администраціей—съ одной стороны и вліятельными дѣятелями (дворянами) губерніи и уѣздовъ—съ другой, *и устанавливались благодаря личнымъ качествамъ людей, независимо отъ какого либо общаго направленія дѣятельности земства*.

Напротивъ, какъ велика и какъ безкорытна была дѣятельность дворянства въ земствѣ можно уже судить изъ того,

что земство, состоя, какъ мы видѣли, почти исключительно изъ дворянъ, всѣ свои заботы направляло преимущественно къ пользѣ и благу населенія, т. е. не его, дворянства, а крестьянства. Врачебное дѣло, школьное дѣло, обязательное страхование строеній, страхование скота—все это или весьма мало или совсѣмъ не касается дворянства, между тѣмъ на это идутъ во всѣхъ уѣздахъ и губерніяхъ громадныя суммы, получаемыя на половину съ недвижимыхъ имуществъ дворянъ, которые не останавливались предъ тяжелыми налогами на свои земли, ради интересовъ населенія.

Вотъ въ силу то всѣхъ этихъ соображеній нельзя не пожелать, чтобы земство, сослуживши великую службу государству, продолжало бы свою полезную дѣятельность, и чтобы никакія коренныя измѣненія не коснулись великаго законодательнаго акта—положенія о земскихъ учрежденіяхъ, которыми законодатель поставилъ себѣ незыблемый памятникъ въ исторіи.

Единственно, что представляется желательнымъ, это—нѣкоторыя измѣненія порядка избранія гласныхъ; предоставленіе большихъ правъ тѣмъ землевладѣльцамъ, кои по количеству владѣемой ими земли и принадлежности къ издревле служилому сословію—дворянству, должны имѣть неоспоримое право на участіе въ земствѣ, помимо избранія ихъ въ гласные, въ силу имущественной заинтересованности дѣлами земства; право протеста губернатора по всѣмъ вопросамъ, по существу ихъ, и контроль губернскаго земскаго собранія надъ дѣятельностью уѣздныхъ земствъ. Контроль губернскаго земскаго собранія надъ уѣздными необходимъ въ смыслъ болѣе правильнаго направленія дѣятельности уѣздныхъ земствъ, на помощь которымъ постоянно должно приходиться губернское земство (т. е. другіе уѣзды), имѣя въ тоже время право указать уѣздному земству на его ошибки или увлеченія. Другое частное измѣненіе постановленій земскаго положенія должно касаться урегулированія отношеній администраціи къ земству и земства къ администраціи, дабы уменьшить число дѣлъ, по которымъ дается поводъ къ недоразумѣніямъ. Съ этой

стороны слѣдовало бы всѣ возраженія губернатора на постановленія уѣздныхъ собраній передавать на обсужденіе собраній губернскихъ, какъ это установлено по вопросамъ смѣтъ и раскладокъ.

Чтобы вполне урегулировать отношенія земства къ администраціи, необходимо обратить вниманіе еще и на слѣдующій вопросъ, повидимому пустой, но въ сущности оказывающій вліяніе на администрацію и весьма часто бывающій единственною причиною грустныхъ недоразумѣній. Мы говоримъ о суммахъ, отпускаемыхъ земствомъ чиновникамъ. Для облегченія государственнаго казначейства, расходы на квартиру и разѣзды полиціи (а также и судебныхъ слѣдователей) отнесены на средства земства, которому предоставлено право опредѣленія размѣра денежныхъ выдачъ чиновникамъ. Такимъ образомъ, чиновники полиціи, получающіе недостаточное вознагражденіе, прямо заинтересованы получаемыми отъ земства суммами, которыя почти вездѣ бываютъ довольно высоки, а въ иныхъ мѣстахъ превышаютъ жалованье. Отсюда происходитъ полнѣйшая зависимость всѣхъ чиновниковъ полиціи отъ земства или, правильнѣе сказать, отъ земскихъ дѣятелей. Губернаторъ, заинтересованный въ большемъ обезпеченіи своихъ чиновниковъ, точно также не можетъ не сознавать этой зависимости. Знающіе провинцію могутъ подтвердить правильность этого положенія, а также и то, что земскіе дѣятели, недовольные, напримѣръ, администраціей, нерѣдко вдругъ, безъ всякой видимой причины, уменьшаютъ земскія выдачи полиціи или, наоборотъ, увеличиваютъ выдачи до громадныхъ размѣровъ, по своимъ личнымъ счетамъ и симпатіямъ. Таковой порядокъ, какъ унижающій достоинство администраціи, не можетъ быть терпимъ и, потому, необходимо должна быть установлена норма земскихъ выдачъ, которыя должны получаться чиновниками не изъ земства, а изъ государственнаго казначейства, на общемъ основаніи. Потребныя для этого суммы могутъ поступать въ казну изъ земскихъ суммъ.

Можно смѣло утверждать, что эти незначительныя измѣ-

ненія помогутъ установить нормальныя отношенія между земствомъ и администраціей и придадутъ администраціи необходимое ей значеніе въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія. Можно смѣло утверждать, что тогда земство, рука объ руку съ администраціей, пойдетъ къ общей ихъ цѣли—благоустройству и благосостоянію населенія, не вызывая на себя нареканій.

VI.

Рядъ послѣднихъ реформъ выдвинулъ на первое мѣсто въ уѣздѣ предводителя дворянства, поставилъ его въ первенствующее положеніе и даже подчинилъ, до нѣкоторой степени, ему уѣзднаго исправника. Предсѣдательствуя во всѣхъ уѣздныхъ присутствіяхъ и на земскихъ собраніяхъ, онъ, слѣдовательно, руководить всею администраціею уѣзда. Отъ дѣятельности предводителя и отъ характера ея, очевидно, зависятъ весь ходъ административной машины уѣзда, на каждое колесо которой онъ имѣетъ или можетъ имѣть громадное вліяніе. Естественно, что при такихъ условіяхъ отвѣтственнымъ лицомъ за ходъ административнаго дѣла въ уѣздѣ, въ данное время, является не наличный предводитель, а вообще рядъ тѣхъ предводителей, которые проявляли свою дѣятельность въ теченіи всего времени, со дня призыва ихъ къ этой почетной, серьезной и многосторонней обязанности; это положеніе въ подтвержденіи не нуждается. Спрашивается теперь, какъ проявлялась дѣятельность предводителей и къ какимъ результатамъ она привела?

Такъ какъ на дѣятельность предводителей, прежде всего и неотразимѣе всего, вліяли условія ихъ избранія и службы, то прежде всего и слѣдуетъ разяснить эти вопросы.

Условія избранія предводителей таковы, что каждый дворянинъ, владѣющій опредѣленнымъ недвижимымъ имуществомъ, какъ бы оно ни было обременено долгами, можетъ быть избранъ въ предводители, независимо отъ образовательнаго ценза и способностей, причемъ, хотя по закону уѣздный предводитель утверждается губернаторомъ, но въ дѣйствительности никакая власть не можетъ не утвердить его и выбранный, самымъ актомъ избранія, становится предводи-

телемъ дворянства. Такой порядокъ избранія былъ болѣе или менѣе удовлетворителенъ, когда вопросъ о состоятельности лица упразднялся самъ собою, ибо несостоятельный и не рискнулъ бы баллотироваться, когда „штыкъ-юнкера“ признавались за вполне образованныхъ людей, могущихъ съ честью занимать должности губернскихъ предводителей, и когда предводители вѣдали только дворянскія дѣла въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Дворяне изъ своей среды избирали дворянина исключительно для того, чтобы онъ блюлъ ихъ сословные интересы, и если эти интересы имъ не блюлись или не охранялись, то страдали отъ того тѣ же дворяне, которые, убѣдившись на опытѣ, на своихъ интересахъ, въ непригодности такого предводителя, при слѣдующихъ выборахъ могли остановиться на другомъ, болѣе достойномъ лицѣ. Но когда предводители были призваны на дѣятельность внѣ сферы узкихъ дворянскихъ интересовъ, когда на нихъ была возложена обязанность вновь устроить бытъ освобожденныхъ крестьянъ, когда на нихъ было возложено попечительство надъ крестьянскимъ сословіемъ и ихъ самоуправленіемъ, когда ихъ сдѣлали главными администраторами уѣздовъ, т. е. громаднхъ территорій съ стотысячными населеніями, когда въ этой массѣ новыхъ обязанностей, защита собственно дворянскихъ интересовъ составляетъ, такъ сказать, невидимую долю ихъ — казалось бы и условія избранія предводителей должны бы измѣниться. Тѣмъ болѣе это необходимо, что дворяне избирались, не зная какъ идетъ вообще порученное предводителямъ дѣло и не имѣя случая испытывать на своихъ интересахъ дѣятельность предводителя, не могутъ правильно оцѣнить ее.

Прежде, когда должность предводителя была исключительно почетная, населенію было совершенно безразлично, кто занимаетъ эту должность; теперь, когда предводитель сталъ „губернаторомъ“ уѣзда, этотъ вопросъ для населенія имѣетъ громадное значеніе. Прежде дворяне избирали предводителя для себя, теперь они избираютъ его не столько для себя, сколько для другихъ сословій.

Между тѣмъ законныя условія избранія остались тѣ же, измѣнились только условія, такъ сказать, внутреннія, оказывающія вліяніе на избраніе, хотя косвенно, но весьма сильно.

Прежде, когда отъ предводителя требовалось только богатство, представительность и хлѣбосольство, и не требовалось дѣла, на эту должность охотно шли всѣ богатые люди и дворяне могли изъ нихъ избирать лучшихъ людей; теперь, когда отъ предводителя требуется, кромѣ обезпеченности въ средствахъ, особая дѣловитость и когда состоятельность дворянства сильно пошатнулась, на эти должности охотниковъ является не особенно много изъ числа тѣхъ людей, которые именно и были бы желательны. Занятые своими дѣлами и своимъ хозяйствомъ, не имѣя возможности посвящать службѣ свое время въ ущербъ своимъ дѣламъ и сознавая нравственную отвѣтственность за дѣло, которому они не могутъ отдать себя, они отказываются отъ избранія, и затѣмъ остаются охотники на эти должности изъ тѣхъ, которыхъ выбираютъ неохотно, за неимѣніемъ другихъ.

Насколько не великъ контингентъ лицъ, изъ коихъ дворянству приходится избирать предводителей, можно видѣть изъ того, что въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерніяхъ для выбора уѣздныхъ предводителей уѣзды присоединяются одинъ къ другому, за недостаточнымъ числомъ избирателей, и только такимъ образомъ выборы могутъ быть произведены, т. е. сами избиратели распредѣляютъ, кого изъ нихъ на какую должность выбрать. Въ результатѣ оказывается, что должности уѣздныхъ предводителей далеко не вездѣ и не всегда занимаются людьми достойными такого высокаго положенія, и что люди вполне достойные и уважаемые всѣми, которыхъ заставили принять эту должность, не имѣя возможности посвящать свое время службѣ, относятся къ ней недостаточно внимательно или, какъ говорятъ, „спустя рукава“, полагаясь во всемъ на непремѣнныхъ членовъ и „своихъ секретарей“ (письмоводителей) болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Такихъ предводителей большинство;—люди сами по себѣ вполне достойные, безупречные, избранные помимо ихъ желанія, они со-

вершенно не отвѣчаютъ своему назначенію. Правда, между предводителями встрѣчаются замѣчательные дѣатели, которые имѣютъ даже счастье видѣть благіе результаты своей дѣятельности, но такихъ предводителей, какъ всѣмъ извѣстно, не особенно много.

Таковы условія избранія въ предводители дворянства; посмотримъ же, какова дѣятельность ихъ и какъ она проявляется.

Основная черта въ дѣятельности предводителей — это полное отсутствіе контроля и отвѣтственности; они вполне предоставлены сами себѣ. Какъ ни странно это слышать, но въ дѣйствительности это такъ, и это могутъ подтвердить всѣ, знающіе провинцію и условія дѣятельности предводителей. Гласности въ уѣздахъ нѣтъ никакой, контроля со стороны мѣстнаго общества не существуетъ, контроль со стороны губернской власти не можетъ быть достаточно силенъ, а отвѣтственность передъ сенатомъ, который къ тому же не можетъ разсматривать возникающіе вопросы немедленно, фивна. При томъ, отвѣтственности они могутъ подлежать, разумѣется, не за преступленія, которыхъ они не совершаютъ, а за порятокъ производства дѣлъ, т. е. за медленность, нерадѣніе, невниманіе къ дѣлу, преслѣдованіе своихъ узкихъ цѣлей и мнѣній. Все это тогда можетъ ярко бросаться въ глаза, когда представляется не единичнымъ явленіемъ, а такъ сказать постояннымъ, хроническимъ недугомъ, отъ котораго не можетъ не страдать все населеніе; но все это можетъ обнаружиться только при тщательной ревизіи *всего дѣлопроизводства одновременно*, а не при разсмотрѣніи единичныхъ случаевъ въ губернскихъ присутствіяхъ, хотя бы единичные случаи встрѣчались довольно часто. Эти единичные случаи, при извѣстномъ характерѣ дѣятельности даннаго предводителя, вызываютъ только улыбку и замѣчаніе „неисправимъ, хоть брось“, или „а вѣдь какой хорошій человекъ“! Стоящія во главѣ губерніи лица признаютъ, что изъ замѣченныхъ фактовъ, которые безъ ревизіи *всегда представляются единичными*, не стоитъ возбуждать дѣла и доводить до сената, ради сдѣланія сенатомъ черезъ два года

виновному „указанія“, когда это повлечет за собою полный разрывъ со всѣмъ дворянствомъ и со всѣми предводителями, служащими „ради общественныхъ интересовъ безвозмездно“. Разумѣется, при такихъ условіяхъ сознаніе своей неподчиненности и независимости не могло не вкорениться въ предводителяхъ, что, къ сожалѣнію, въ дѣятельности нѣкоторыхъ предводителей и проглядываетъ довольно ярко.

Предводители хорошо сознаютъ свою независимость и неотвѣтственность по безвозмездной службѣ, и хорошо сознаютъ свою силу, передъ которой приходится останавливаться и съ которой необходимо ладить губернатору, и передъ которой, поневолѣ, приходится склоняться мѣстнымъ уѣзднымъ властямъ. Борьба съ ними въ этомъ отношеніи очень трудна и даже невозможна, если дворянство въ губерніи не находится въ партійномъ раздорѣ. Особенно сила и вліяніе предводителей сказываются въ послѣдніе годы, когда на нихъ почему-то стали возлагать особыя надежды, до сихъ поръ, впрочемъ, еще ничѣмъ неоправдавшіяся. Насколько сильно сказывается это вліяніе въ провинціи, можно судить изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ (ихъ можно привести нѣсколько): въ одной губерніи губернаторъ (изъ губернскихъ предводителей) назначалъ исправниковъ не иначе, какъ по соглашенію съ уѣздными предводителями, которые и не говорили иначе, какъ „мой исправникъ“, а въ другой губерніи уѣздный предводитель офиціальнымъ письмомъ къ губернатору потребовалъ, чтобы губернаторъ формально подчинилъ ему вполне исправника (хорошаго и дѣльнаго человѣка), иначе же онъ не ручается за благоустройство и порядокъ въ уѣздѣ! Рассматривать назначеніе исправниковъ по соглашенію съ предводителями и странную мысль предводителя подчинить ему формально исправника, какъ единичныя явленія, не приходится, такъ какъ помимо того, что подобныхъ примѣровъ можно привести достаточно, и приведенные могли быть только слѣдствіемъ установившагося порядка вещей, дальнѣйшіе комментарии котораго излишни.

деревнѣ интеллигентныхъ людей, которая не бѣжитъ изъ деревни, устроилась въ провинціи превосходно, не чувствуетъ никакой „безурадицы“ и съ удивленіемъ спрашиваетъ, какія это губерніи въ Россіи находятся въ такомъ ужасномъ, опасномъ положеніи, когда они ни о чемъ подобномъ не слыхали?

Но безъ дыма огня не бываетъ! Самое сложное и трудное дѣло — крестьянское, къ которому, главнымъ образомъ, и были призваны предводители, — благодаря ихъ бездѣтельности, купно съ непремѣнными членами, осталось не только неустроеннымъ, но даже разстроенымъ. Не мудрено, что подъ влияніемъ истинно тяжелыхъ условій крестьянскаго быта, который до сихъ поръ правильно не оцѣненъ, иногда прорываются отдѣльные случаи, дающіе поводъ утверждать о „безурадицѣ“, а въ сущности имѣющіе совершенно другую причину — причину гнета тяжелыхъ условій жизни, при которой къ тому же крестьяне являются дойной коровой для цѣлаго ряда эксплуататоровъ и мелкихъ властей, дѣйствующихъ съ вѣдома крестьянскихъ присутствій безконтрольно, подъ условіемъ взысканія недоимокъ. Если оцѣнить эти условія и эту полуголодную жизнь крестьянства справедливо, то поймешь и причину „оскотиненія“ (какъ выражаются нѣкоторые, даже въ печати) цѣлыхъ деревень и причину пьянства. Отвѣтственными за это должны быть признаны предводители, такъ какъ ихъ вниманію и ихъ дѣятельности, главнымъ образомъ, было поручено крестьянское дѣло, въ которомъ, въ теченіи 27 лѣтъ, они не могли водворить какого либо порядка. Какъ ни тяжелъ этотъ упрекъ, но онъ вполне справедливъ и подтверждается слѣдующимъ. Извѣстно, что тамъ, гдѣ предводитель дѣльный и уважаемый человѣкъ, любящій дѣло и держащій въ рукахъ непремѣннаго члена (учрежденія, совершенно непригоднаго къ дѣятельности безъ этого условія), тамъ дѣло идетъ превосходно; крестьяне, боясь и уважая предводителя, чуть не молятся на него. Такихъ предводителей мы могли бы съ удовольствіемъ указать.

И такъ, подводя итоги сказанному и оцѣнивая указанныя условія избранія предводителей (этой метаморфозы, когда

изъ ничего недѣлающаго, ни къ чему неподготовленнаго и разорившагося дворянина, вдругъ *можетъ* образоваться безконтрольный и неотвѣтственный администраторъ уѣзда) и условія дѣятельности ихъ, мы должны заключить, что первыя ни сколько не гарантируютъ избранія достойныхъ людей, а вторыя ни сколько не способствуютъ установленію правильныхъ отношеній предводителей къ дѣлу; что большинство предводителей, не смотря на свою личную почтенность и безупречность, не можетъ вполне посвятить себя, все свое время, дѣлу и, потому, не можетъ относиться къ нему такъ, какъ это слѣдуетъ; что, потому, крестьянское дѣло, какъ требующее постоянныхъ заботъ о немъ и постоянного за нимъ надзора и контроля, не можетъ и не должно долѣе находиться въ ихъ рукахъ, и что въ дальнѣйшемъ они не должны занимать положенія неотвѣтственныхъ администраторовъ уѣзда, а должны занять свое естественное положеніе почетныхъ представителей въ уѣздѣ высшаго сословія и, какъ таковые, попечителей интересовъ всѣхъ сословій. Если предводители будутъ обращать *серьезное* вниманіе на эту сторону дѣятельности, то и помимо крестьянскаго дѣла, они принесутъ государству вообще и дворянству въ частности неоцѣнимую пользу и должны завоевать себѣ въ обществѣ почетное положеніе, благодаря которому будутъ оказывать вліяніе на общественную жизнь уѣзда. Съ этой стороны предводители должны, наконецъ, обратить вниманіе на дѣла дворянскихъ опекъ и приложить стараніе къ тому, чтобы хищенія подопечныхъ имѣній не происходили бы открыто, на глазахъ всего уѣзда; имъ точно также должно быть довѣрено высшее завѣдываніе дѣломъ опеки надъ лицами другихъ сословій, т. е. сиротскимъ судомъ, которое находится вездѣ въ ужасномъ положеніи. Другая важная обязанность, которую слѣдуетъ возложить на предводителей—это предсѣдательство въ воинскомъ присутствіи. Воинская повинность допускаетъ возможность массы злоупотребленій, лежащихъ тягостно на населеніе. Предводитель, какъ попечитель и охранитель интересовъ мѣстнаго населенія, естественно долженъ проявлять

активно свою дѣятельность именно тамъ, гдѣ интересы населенія должно оберегать. Военское присутствіе, состоящее изъ предсѣдателя земской управы, воинскаго начальника и помощника начальника уѣзда, подъ предсѣдательствомъ предводителя и подъ его просвѣщеннымъ и честнымъ руководствомъ, какъ нельзя болѣе будетъ соотвѣтствовать интересамъ населенія, на пользу котораго онъ можетъ выказать свою энергію. Точно также предводитель дворянства есть естественный предсѣдатель земскаго собранія, предсѣдатель училищнаго совѣта, ибо ему подлежитъ забота о народномъ образованіи, памятуя заповѣдь Монарха, и почетный попечитель всѣхъ тюремъ, мѣстъ заключенія, больницъ и благотворительныхъ учреждений въ уѣздѣ; онъ же долженъ быть и членомъ всѣхъ уѣздныхъ присутствій. Такой уѣздный предводитель дворянства, если захочетъ служить общественному дѣлу, займетъ въ обществѣ то почетное положеніе, которое должно быть присуще ему и будетъ окруженъ всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ въ нему.

VII.

Въ то время, когда вся масса крестьянъ принадлежала или помѣщикамъ, или удѣлу, или казнѣ (государственные крестьяне), уѣздъ представлялся территорію, съ цѣлымъ рядомъ крестьянскихъ поселеній, въ которыхъ были прирожденные и готовые полиціймейстеры-помѣщики и чиновники государственныхъ имуществъ и удѣла, на правахъ помѣщиковъ. Въ это время управленіе уѣздомъ находилось въ рукахъ дворянства черезъ капитанъ-исправника, избиравшагося дворянствомъ, и предводителя, не имѣвшаго власти, но сильнаго своимъ вліяніемъ. Дворяне были администраторами и полиціймейстерами у себя въ помѣстьяхъ и избирали изъ своей среды полиціймейстера и администратора для цѣлаго ряда такихъ помѣстій, на определенной территоріи уѣзда, — капитанъ-исправника. Съ освобожденіемъ крестьянъ порядокъ этотъ долженъ быть измѣниться и государственная власть признала необходимымъ имѣть въ уѣздахъ своихъ агентовъ: выборные капи-

танъ-исправники были уничтожены и замѣнены таковыми по назначенію отъ правительства. По смыслу закона, учреждавшаго новыхъ исправниковъ, очевидно, что государственная власть стремилась учредить въ лицѣ ихъ серьезныхъ, вліятельныхъ агентовъ; въ дѣйствительности же они, съ самой первой поры, были обречены подпасть подъ вліяніе и затѣмъ руководство предводителей. Обречены они были къ этому въ силу особаго положенія въ уѣздахъ предводителей, съ которыми они не могли вести борьбы, и въ силу послѣдующихъ законоположеній, возвышавшихъ предводителя на счетъ исправника.

Мы уже указывали, что выборные капитанъ-исправники (на эти должности преимущественно шли бѣдные дворяне) находились подъ вліяніемъ предводителей, людей богатыхъ, почетныхъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ и зависѣло избраніе того или другаго въ исправники. Предводитель былъ почетный человѣкъ во всемъ уѣздѣ, пользующійся уваженіемъ и вліяніемъ и ни въ комъ не нуждающійся; капитанъ-исправникъ—бѣдный дворянинъ, избранный, въ большинствѣ случаевъ, ради кормленія прибыльною должностію. Разница въ ихъ положеніи и въ условіяхъ избранія была такъ велика, что не могла не сказаться въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ отношеніяхъ къ нимъ всего населенія. Когда выборные исправники были уничтожены и губернаторамъ нужно было найти большое число лицъ на эти должности, то на первыхъ порахъ они принуждены были оставить на мѣстахъ часть прежнихъ исправниковъ, а остальныхъ замѣнить тѣми же дворянами, искавшими этихъ должностей и при выборномъ порядкѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе не могли не сознавать силы вліянія предводителей и, потому, не могли сразу занять подобающаго имъ положенія; это положеніе они могли завоевать себѣ только послѣдующею своею дѣятельностію, для которой должны были явиться и новые дѣятели, съ новымъ взглядомъ на вещи. Но прежде чѣмъ эти новыя лица явились, прежде чѣмъ обаяніе прежнихъ предводителей стало разсѣиваться, появился цѣлый рядъ законовъ, поставившій

исправника въ полуподчиненное положеніе къ предводителю, оставивъ ему только свободную дѣятельность въ тѣсныхъ рамкахъ полицейскихъ обязанностей и въ „выколачиваніи“ недоимокъ, т. е. въ самыхъ непріятныхъ и несимпатичныхъ для населенія сторонахъ административной дѣятельности чиновника, почему исправники и не могли найти въ немъ, въ населеніи, необходимой поддержки не только для борьбы съ предводителями, но и для своей дѣятельности. Затѣмъ, подчиненность исправниковъ предводителямъ еще усилилась, благодаря земскимъ суммамъ, о которыхъ было говорено выше. Большинство предводителей имѣетъ вліяніе въ земствѣ, въ которомъ они всегда могутъ провести вопросъ объ увеличеніи или уменьшеніи земскихъ выдачъ полиціи, прямо бить ихъ по карману, и тѣмъ, какъ говорится, держать ихъ въ рукахъ.

При такихъ условіяхъ борьба между исправникомъ и предводителемъ невозможна и мыслима только тогда, когда самъ губернаторъ приметъ участіе въ ней, поддерживая временно исправника. Но исправникъ знаетъ, что онъ пришлый человѣкъ и человѣкъ бѣдный, что предводитель коренной житель, за которымъ симпатіи общества; что на другой день послѣ примиренія губернатора съ предводителемъ или послѣ выбора новаго, онъ останется среди чуждаго ему общества, безъ всякой поддержки. Сознаніе всего этого невольно заставляетъ исправника подумать о будущемъ и постараться стать къ предводителю въ такія отношенія, чтобы имъ были довольны и при случаѣ замолвили бы за него словечко губернатору. Нѣтъ никакихъ ссоръ, никакихъ жалобъ, неудовольствій, недоимки взысканы,—тишь, да гладь, да Божья благодать,— что же начальству еще нужно?

Вотъ такимъ то образомъ исправники пришли къ вполне подчиненному положенію къ предводителямъ: какъ люди бѣдные, лишенные самостоятельности, оберегая себя, свою службу, они жертвовали своимъ положеніемъ и дѣломъ.... Губернаторы могли бы поддержать значеніе исправниковъ, но, къ сожалѣнію, они не дорожили имъ и не старались объ этомъ

(это, кажется, всё извѣстно) и въ рѣдкихъ случаяхъ не-удовольствія предводителей предпочитали переводить исправниковъ въ другой уѣздъ или прямо увольнять ихъ во избѣжаніе ссоры съ предводителями. Такая неустойчивость исправниковъ и полная зависимость ихъ не могла не отразиться на ихъ положеніи, а слѣдовательно и на составѣ ихъ, который пополняется почти исключительно выслужившимися мелкими чиновниками, прошедшими тернистый путь полицейской службы.

Такимъ образомъ желаніе законодателя не осуществилось: исправникъ, изъ уважаемаго агента государственной власти, обратился въ старшаго полицейскаго чиновника, черезъ котораго губернская власть сносится съ населеніемъ. Какъ это отразилось на всемъ административномъ дѣлѣ въ уѣздѣ, мы видѣли изъ очерка дѣятельности волостныхъ старшинъ, непремѣнныхъ членовъ, уѣздныхъ предводителей дворянства и крестьянскихъ присутствій.

Чтобы административное дѣло шло успѣшно и чтобы интересы населенія были бы возможно скорѣе удовлетворяемы, необходима въ уѣздѣ власть сильная, обоснованная, самостоятельная отъ уѣздныхъ вліяній, которая имѣла бы всѣ данныя для энергической жизни, находя себѣ поддержку какъ среди мѣстнаго общества, такъ и свыше. Безъ такой власти не можетъ быть порядка въ административномъ управленіи уѣзда вообще и въ крестьянскомъ дѣлѣ—въ частности; это сознается въ провинціи всѣми и это наглядно доказывается тѣми немногими предводителями, которые энергически работаютъ въ уѣздахъ и о которыхъ мы уже говорили. Устанавливая такую власть въ уѣздѣ, нечего опасаться, что она затмитъ или поглотитъ предводителя дворянства. Между этими двумя властями, если предметы вѣдомства ихъ будутъ точно указаны и согласованы, не можетъ быть никакихъ столкновеній и компромиссовъ: одинъ будетъ сильною административною властью, другой—вышимъ охранителемъ интересовъ всѣхъ сословій, находящимъ себѣ поддержку въ томъ высокомъ положеніи, которое ему присуще и, притомъ, вполнѣ независи-

мый. Напротивъ, при такой постановкѣ этихъ двухъ властей, имъ придется идти рука объ руку.

Утверждая такую власть въ уѣздѣ, разумѣется, слѣдуетъ озаботиться, чтобы порядокъ назначенія ея былъ согласованъ съ тѣмъ положеніемъ, которое желаютъ ей придать, и съ тѣми требованіями, которыя желаютъ предъявить къ ней. Вопросъ о томъ, какимъ порядкомъ должна быть назначаема высшая въ уѣздѣ власть, можетъ быть разрѣшенъ различно, но мы, съ своей стороны, полагаемъ, что облеченное этою властью лицо не должно бы быть чуждымъ мѣстному населенію и должно быть назначаемо не губернаторомъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ, по представленіямъ губернатора, преимущественно изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ, не моложе 30 лѣтъ.

Поставленная такимъ образомъ власть—назовемъ ее начальникомъ уѣзда, будетъ вполнѣ самостоятельна и ограждена отъ случайностей. Если при этомъ начальнику уѣзда будетъ опредѣлено достаточное вознагражденіе (изъ земскихъ суммъ), которое привлекало бы своею обезпеченностью лучшихъ людей, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что на эту должность будутъ стремиться образованные мѣстные дворяне, которыхъ она должна удовлетворять во всѣхъ отношеніяхъ. На эти должности будетъ еще болѣе конкурентовъ, если установить правило, что должность вице-губернатора можетъ получить только тотъ, кто опредѣленное число лѣтъ былъ уѣзднымъ начальникомъ; каковое правило, собственно говоря, необходимо. Такой уѣздный начальникъ, если ему будетъ предоставлена небольшая частица карательной власти относительно лицъ мѣщанскаго и крестьянскаго сословія, будетъ тою властью, которую напрасно теперь ищутъ и которая несомнѣнно должна водворить полный порядокъ въ уѣздѣ; это будетъ власть достаточно сильная, самостоятельная, авторитетная, обезпеченная матеріально и, притомъ, объединяющая дѣятельность всѣхъ властей въ уѣздѣ, черезъ посредство уѣзднаго присутствія, къ которому мы и перейдемъ.

VIII.

Для успѣха административнаго дѣла въ уѣздѣ необходимо, чтобы направленіе дѣятельности всѣхъ властей было однообразно и чтобы уѣздныя власти въ своей дѣятельности старались взаимно поддерживать другъ друга, въ виду конечной цѣли дѣятельности ихъ—блага населенія. Это основное положеніе неоспоримо и должно особенно тщательно оберегаться въ виду особенностей нашей жизни, требующей большаго (сравнительно) числа властей, совершенно своеобразныхъ, имѣющихъ специальное назначеніе и, потому, стремящихся преслѣдовать узкіе интересы „своего“ дѣла.

Теперь въ уѣздахъ проявляется три рода власти: 1) чисто полицейская—въ лицѣ исправника, его помощника, становыхъ приставовъ, полицейскихъ урядниковъ, волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сотскаго; 2) административная—въ лицѣ предводителя, исправника, присутствій по дѣламъ: крестьянскимъ, воинскимъ и питейнымъ, непремѣннаго члена, земской управы, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, и 3) фискальная—въ лицѣ исправника, всѣхъ трехъ присутствій, полицейскаго управленія, земской управы, урядниковъ, волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей и податныхъ инспекторовъ. Уже одно это перечисленіе указываетъ, какая путаница должна происходить въ дѣятельности низшихъ агентовъ власти, получающихъ указанія и предписанія отъ разныхъ лицъ, безъ всякаго согласованія предписаній, какъ, потому, ничтоженъ контроль за дѣйствіями ихъ и какъ тяжело должна отзываться эта путаница на населеніи и, главнымъ образомъ, на крестьянствѣ. Жизнь подтверждаетъ это заключеніе и каждый день даетъ наглядные примѣры, какъ неудовлетворителенъ существующій порядокъ и какъ страдаетъ отъ него крестьянство. Для того, чтобы уничтожить эту рознь, чтобы дѣятельность уѣздныхъ властей была въ соотвѣтствіи между собою, чтобы между ними было *согласіе въ характеръ дѣятельности, въ чемъ собственно и заключается вся сила и значеніе власти*, необходимо, чтобы всѣ онѣ получали указаніе и направленіе дѣла-

тельности ихъ изъ одного источника, и чтобы было полное объединеніе характера дѣятельности низшихъ властей, при которомъ не могло бы быть мѣста путаницѣ и произволу, и всякій зналъ бы, къ кому обращаться со своею жалобою или недоразумѣніемъ. А такъ какъ направленіе дѣятельности выражается не только приказаніями, но и рѣшеніемъ вопросовъ, предъявленныхъ жизнью, и дѣлъ и споровъ повседневной жизни, то отсюда и вытекаетъ необходимость такого учрежденія, *единого* во всемъ уѣздѣ, *которое отдавало бы вѣсть отъла унзда*. Такимъ учрежденіемъ должно быть уѣздное присутствіе, подѣ председѣтельствомъ уѣзднаго начальника, высшаго полицейскаго чиновника въ уѣздѣ (помощника начальника уѣзда), председателя земской управы, председателя мѣстнаго мирового съѣзда и предводителя дворянства, въ качествѣ почетнаго члена. Въ дѣлахъ, касающихся интересовъ казны, въ уѣздномъ присутствіи на правахъ членовъ принимаютъ участіе представители министерствъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, въ дѣлахъ питейныхъ — акцизный чиновникъ, въ дѣлахъ воинскихъ — воинскій начальникъ и въ дѣлахъ городскихъ — городской голова. Въ общихъ чертахъ, уѣздному присутствію подлежали бы дѣла нынѣшняго крестьянскаго присутствія, за исключеніемъ дѣлъ по жалобамъ на волостные суды, которые отошли бы въ вѣдѣніе мировыхъ съѣздовъ; дѣла уѣзднаго по питейнымъ дѣламъ присутствія; дѣла по жалобамъ на дѣйствія всѣхъ должностныхъ лицъ уѣзда, за исключеніемъ тѣхъ, кои состоятъ членами уѣзднаго присутствія и лицъ судебнаго вѣдомства; установленіе порядка дѣятельности должностныхъ лицъ вообще и относительно взысканій повинностей — въ частности и наблюденіе за нею; возбужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся административной жизни въ уѣздѣ. Дѣла по жалобамъ на сельскіе сходы должны рѣшаться уѣзднымъ присутствіемъ окончательно, безъ права обжалованія; по остальнымъ же дѣламъ крестьянскаго самоуправленія слѣдовало бы предоставить право жалобы въ губернскій совѣтъ, въ который восходили бы и всѣ вопросы, возбуждающіеся въ уѣздномъ присутствіи и под-

лежащіе внесенію на обсужденіе земскаго собранія. Начальнику уѣзда должно быть предоставлено право, при несогласіи съ мнѣніемъ большинства присутствія, подъ личною своею отвѣтственностію, приостановить исполненіе опредѣленія присутствія и представить вопросъ на разрѣшеніе губернатора, который или вноситъ его на окончательное обсужденіе губернскаго совѣта, или возвращаетъ его для надлежащаго исполненія.

Изъ вѣдѣнія уѣзднаго присутствія должны быть исключены дѣла воинскаго присутствія, за исключеніемъ общихъ вопросовъ по установленію воинской повинности; дѣло это, какъ мы указали выше, должно находиться въ ближайшемъ завѣдываніи уѣзднаго предводителя дворянства. Воинское присутствіе подъ его предсѣдательствомъ будетъ, такъ сказать, составлять временное отдѣленіе уѣзднаго присутствія. Регулированіе отношеній уѣзднаго присутствія и предводителя дворянства по воинскимъ дѣламъ есть вопросъ частныхъ.

Такое уѣздное присутствіе, единое во всемъ уѣздѣ, состоящее изъ интеллигентныхъ и почетныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ отвѣтственнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне самостоятельнаго чиновника, хорошо поставленнаго въ уѣздѣ, будетъ имѣть въ себѣ всѣ задатки, чтобы отвѣчать интересамъ населенія въ широкомъ смыслѣ этого понятія, представляя изъ себя сильную, объединяющую и авторитетную власть, къ которой населеніе не можетъ не относиться съ уваженіемъ.

Указанная организація волости и обязанности волостнаго старшины должны съ самаго начала повліять на крестьянское самоуправленіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что сельскіе сходы настолько упорядочатся, что дѣлъ по жалобамъ на приговоры обществъ будетъ очень мало. Изъ другихъ дѣлъ, подлежащихъ собственно вѣдѣнію непремѣннаго члена, останутся только неоконченныя дѣла по выкупной операціи и по урегулированію земельныхъ отношеній бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Производство этихъ неоконченныхъ дѣлъ, которыхъ возникать болѣе не будетъ, можно поручить помощ-

нику уѣзднаго начальника, такъ какъ ради нихъ учреждать особую должность не представляется оснований, а должность непремѣнныхъ членовъ, которая принесла столько вреда дѣлу, слѣдуетъ совсѣмъ упразднить. Лучше и цѣлесообразнѣе учредить въ нѣкоторыхъ уѣздахъ двухъ помощниковъ уѣзднаго начальника, чѣмъ оставить непремѣнныхъ членовъ или особыхъ чиновниковъ, которые замѣняли бы ихъ.

Затѣмъ слѣдуетъ сказать еще и объ уѣздной полиціи. Когда съ полицейскихъ чиновниковъ будетъ снята обязанность взысканій, становые пристава обратятся въ полицейскихъ чиновниковъ, которые необходимы населенію и которые будутъ достаточно свободны для успѣшнаго выполненія своей обширной задачи.

Въ лицѣ ихъ уѣздный начальникъ также будетъ имѣть надежныхъ агентовъ, слѣдящихъ за общей безопасностью и за дѣятельностью низшихъ агентовъ полиціи, чрезъ которыхъ они могутъ слѣдить и за общею жизнью въ деревняхъ. Въ деревняхъ легко организовать хорошую полицейскую стражу изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, которые охотно пойдутъ на эту службу за весьма небольшое вознагражденіе, такъ какъ живя у себя дома, они, разумѣется, будутъ довольствоваться малымъ. Въ имѣніяхъ землевладѣльцевъ можетъ быть учреждена такая же полицейская стража. Число и мѣсто-нахожденіе полицейской стражи должно утверждаться губернаторомъ, по представленіямъ уѣздныхъ присутствій, а выборъ людей долженъ быть предоставленъ уѣздному начальнику. Слѣдовало бы установить еще одно правило, что землевладѣлецъ, желающій имѣть у себя полицейскую стражу, когда въ его имѣніи она не установлена, или увеличить число полицейской стражи, можетъ просить объ этомъ уѣзднаго начальника, внося ежегодно впередъ въ казначейство опредѣленную сумму на содержаніе стражи. Дорого стоящіе полицейскіе урядники тогда окажутся уже совершенно лишними и громадная сумма на содержаніе ихъ съ избыткомъ покроетъ содержаніе полицейской стражи. Въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, какъ коллегіальномъ учрежденіи, не

будетъ надобности и дѣла его передадутся: фискальныя—въ канцелярію уѣзднаго присутствія, а чисто полицейскія—въ ту же канцелярію, но въ вѣдѣніе помощника уѣзднаго начальника, который и будетъ ближайшимъ образомъ завѣдывать всею полицейскою частью уѣзда.

IX.

Основные положенія уѣздныхъ учрежденій сами собою намѣчаютъ общій характеръ учреждений губернскихъ.

Выше уже было сказано, что отсутствіе единенія властей въ провинціи служитъ одною изъ главныхъ причинъ провинціальной „безурядицы“. Слѣдовательно, должно быть обращено особое вниманіе на то, чтобы „губернія“ имѣла бы всѣ данныя для объединенія дѣятельности властей во всѣхъ уѣздахъ.

Въ настоящее время въ губерніи существуютъ слѣдующія присутствія: по крестьянскимъ дѣламъ, по городскимъ дѣламъ, по воинскимъ дѣламъ, по питейнымъ дѣламъ и присутствіе для освидѣтельствованія сумасшедшихъ, еще нѣсколько мелкихъ хозяйственныхъ и лѣсоохранительный комитетъ; кромѣ того часть дѣлъ разсматривается губернскимъ правленіемъ. Дѣятельность всѣхъ этихъ присутствій вполнѣ самостоятельная и независимая отъ другихъ присутствій, объединяется только тѣмъ, что составъ ихъ почти одинъ и тотъ же. Но такая форма единенія, какъ указываетъ практика, недостаточна. Необходимо имѣть въ виду, что каждому присутствію нельзя знать о всѣхъ дѣлахъ другихъ присутствій, имѣющихъ иногда между собою связь; что единое уѣздное присутствіе требуетъ единого же присутствія въ губерніи; что единое присутствіе въ губерніи избавитъ население отъ необходимости искать „подлежащихъ“ присутствій и что единое губернское присутствіе—назовемъ его губернскимъ совѣтомъ—разсматривая дѣла всѣхъ категорій и всѣхъ отгѣнковъ, будетъ способно объединить характеръ дѣятельности властей не только уѣздныхъ, но и губернскихъ. Тѣмъ болѣе оно можетъ оказать вліяніе въ послѣднемъ случаѣ, что губернатору можно пре-

доставить право, въ силу настоятельныхъ мѣстныхъ интересовъ, предложить губернскому присутствію обсудить необходимость того или другаго *порядка дѣйствій* мѣстныхъ чиновъ административнаго или финансоваго вѣдомства по данному вопросу, для представленія на окончательное разрѣшеніе вопроса высшей власти.

Перечисленными дѣлами первыхъ четырехъ присутствій и губернскаго правленія не исчерпывается вѣдѣніе губернскаго совѣта, такъ какъ ему должно быть предоставлено: 1) право надзора за дѣятельностью уѣздныхъ присутствій, уѣздныхъ земскихъ управъ и городскихъ управъ, съ правомъ возбуждать противъ нихъ, какъ и противъ всѣхъ чиновъ уѣздной администраціи, преслѣдованіе; 2) право преданія суду лицъ, кои нынѣ предаются суду губернскимъ правленіемъ; 3) право входить *въ существо* постановленій городскихъ думъ по предложенію губернатора и требовать отъ нихъ исполненія тѣхъ или другихъ мѣръ.

Таковы должны быть въ общихъ чертахъ предметы вѣдомства губернскаго совѣта. Губернскій совѣтъ долженъ состоять подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, прокурора, губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя губернской земской управы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ губернскомъ совѣтѣ разсматриваются дѣла, касающіяся городовъ и интересовъ казны и питейныя, должны приглашаться въ присутствіе на правахъ членовъ губернскій городской голова, управляющій акцизными сборами и представители казенныхъ управленій.

Губернскій совѣтъ, состоя изъ людей интеллигентныхъ и почетныхъ въ губерніи, представить полную гарантію добросовѣстнаго и порядочнаго отношенія къ дѣлу, почему и право обжалованія опредѣленій присутствій слѣдовало бы ограничить *самыми тѣсными рамками*, точно означивъ, какія именно дѣла и въ какихъ случаяхъ могутъ подлежать обжалованію.

Всѣмъ этимъ, несомнѣнно, достигнется единеніе властей, идущихъ въ настоящее время въ разбродъ и преслѣдующихъ

исключительно интересы своего вѣдомства, а не мѣстные общественные интересы.

Учрежденіемъ губернскаго совѣта съ сильной властью достигнется, кромѣ намѣченныхъ результатовъ, еще и то, что не будетъ такой централизаціи власти по пустымъ дѣламъ, благодаря чему сенатъ заполоненъ дѣлами, а населеніе страдаетъ отъ медленнаго разрѣшенія ихъ.

За учрежденіемъ губернскаго совѣта, губернское правленіе должно само собою упраздниться, ибо дѣла передадутся въ вѣдѣніе губернскаго совѣта, а переписка будетъ вестись канцелярією губернатора. Придаточныя къ губернскому правленію учрежденія—губернская чертежная, врачебное отдѣленіе, архитекторская часть и проч., могутъ составлять отдѣльныя бюро при канцеляріи губернатора, отчего дѣло проиграть не можетъ.

Говоря объ уничтоженіи существующихъ нынѣ губернскихъ учреждений или, лучше сказать, о сліяніи ихъ, нужно имѣть въ виду, что къ этому не представится затрудненій ни съ какой стороны. Дѣлопроизводство присутствій по воинскимъ и городскимъ дѣламъ и теперь сосредоточивается въ канцеляріяхъ губернаторовъ; дѣлопроизводство присутствія по питейнымъ дѣламъ теперь вѣдаетъ управляющій акцизными сборами, который можетъ вѣдать его и въ будущемъ; дѣлопроизводство присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, за окончаніемъ нынѣ дѣлъ по выкупной операціи, совершенно свободно можетъ быть передано въ канцелярію губернатора, тѣмъ болѣе, что за учрежденіемъ уѣздныхъ присутствій и за передачей дѣлъ по жалобамъ на волостные суды въ вѣдѣніе мировыхъ сѣздовъ, число дѣлъ будетъ ничтожно ¹⁾. Относи-

---

¹⁾ Надо надѣяться, что особое законоположеніе урегулируетъ, наконецъ, общинное пользованіе землями, которое, главнымъ образомъ, и даетъ массу дѣлъ крестьянскимъ присутствіямъ. Вопросъ этотъ настоятеленъ и грозитъ въ близкомъ будущемъ такими осложненіями, которыя затронутъ интересы миллионныхъ крестьянскихъ семействъ, пошатнуть экономическій бытъ крестьянъ и отразятся сильно на народномъ хозяйствѣ, если не сказать болѣе.

тельно губернскихъ правленій въ частности слѣдуетъ имѣть въ виду, что оно и теперь не имѣетъ никакой самостоятельности и составляетъ ничто иное какъ отдѣленіе канцеляріи губернатора, только дѣлопроизводство его обставлено такими формами, которыя должны быть уничтожены, ибо не могутъ быть долѣе терпимы. Освидѣтельствованіе умалишенныхъ можетъ быть точно также передано въ губернской совѣтъ или въ окружный судъ. Послѣднее въ практическомъ отношеніи не вызоветъ особыхъ затрудненій и представляется болѣе правильнымъ, ибо послѣдствіемъ признанія душевно-больнымъ является ограниченіе свободы и опека: лишеніе первой и назначеніе второй должно исходить отъ суда.

Х.

Остается сказать нѣсколько словъ относительно высшаго надзора за дѣятельностью губернскихъ учрежденій.

Въ настоящее время надзоръ за губернскими учрежденіями сосредоточенъ въ 1 и 2 департаментахъ сената, которымъ приносятся жалобы на губернскія присутствія и губернаторовъ; надзоръ этотъ недостаточенъ какъ потому, что онъ разбросанъ по различнымъ департаментамъ, такъ и благодаря массѣ дѣлъ и *существующему порядку разсмотрѣнія ихъ*. Въ будущемъ, если принять въ общихъ чертахъ указанный порядокъ за фактъ, число жалобъ будетъ настолько ограничено, что ожидать большаго числа дѣлъ со всей имперіи нѣтъ основанія. Если притомъ измѣнить устарѣвшую систему производства дѣлъ въ сенатѣ, то производство ихъ пойдетъ быстрѣе и накопленія ихъ быть не можетъ. Вотъ почему врядъ ли можетъ встрѣтиться препятствіе къ установленію одинаго департамента сената для надзора за дѣятельностью губернскихъ учрежденій и для разсмотрѣнія всѣхъ жалобъ на губернскіе совѣты и губернаторовъ, и протестовъ послѣднихъ по дѣламъ земскимъ. Что же касается до ходатайствъ губернскихъ совѣтовъ, то они могли бы разсматриваться въ комитетѣ министровъ, гдѣ и теперь разсматриваются аналогичные вопросы.

Таковъ въ общихъ чертахъ порядокъ, который для многихъ-многихъ знающихъ провинцію, сознающихъ недостатки существующаго порядка, представляется исходною точкою при обсужденіи вопроса: „что нужно для нашей жизни?“ Частности его (на нихъ и не указывалось) могутъ быть разработаны различно, но общій характеръ его вѣренъ и соотвѣтствуетъ какъ народнымъ воззрѣніемъ на власть, такъ и ожиданіямъ многихъ провинціаловъ, такъ сказать, выстрадавшихъ знаніе провинціи.

Помимо стройности указанныхъ системы и порядка, они представляютъ еще то достоинство, что не требуютъ отъ казны и земства никакихъ приплатъ, а помогутъ сдѣлать значительную экономію, которая пошла бы на увеличеніе содержанія административныхъ и полицейскихъ чиновниковъ.

Сергій Хрулевъ.

О П Ы Т Ъ

КОНСТРУКЦІИ МЕЖДУНАРОДНАГО УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Взаимное соотношеніе уголовныхъ законовъ различныхъ государствъ составляетъ, конечно, только часть общаго вопроса о соотношеніи разномѣстныхъ законовъ. Поэтому слѣдовало бы ожидать, что теоретическая разработка этого вопроса представить лишь частное примѣненіе общихъ началъ, опредѣляющихъ взаимное соотношеніе законовъ различныхъ государствъ; слѣдовало бы ожидать, что теорія международного уголовного права явится лишь частнымъ видоизмѣненіемъ тѣхъ же положеній, какія установлены въ частномъ международномъ правѣ. Постановка вопроса, его расчлененіе, основныя различія теоретическихъ воззрѣній—все это, казалось бы, должно быть общимъ и частному и уголовному международному праву, такъ какъ они изслѣдуютъ, въ сущности, одинъ и тотъ же вопросъ, только въ примѣненіи къ различнымъ отраслямъ права.

На дѣлѣ видимъ, однако, совершенно иное. Международное уголовное право не только въ частностяхъ и подробностяхъ, но и въ цѣломъ, и во всей конструкціи своей, рѣзко отличается отъ международного частнаго права. Такъ напримѣръ, реальная и универсальная теоріи, играющія въ современной литературѣ международного уголовного права такую видную роль, не находятъ себѣ никакого подобія въ теоріяхъ частнаго международного права.

Чѣмъ же объяснить такое различіе? Можно ли допустить существованіе такого рѣзкаго различія между гражданскими

и уголовными законами, чтобы взаимное ихъ соотношеніе по мѣсту дѣйствія должно было опредѣляться совершенно различными началами? Правда, уголовные законы относятся къ публичному праву, всегда носящему на себѣ болѣе замѣтный національный отпечатокъ. Поэтому публичные права пользуются международной охраной въ меньшей полнотѣ, чѣмъ права гражданскія. Однако же, въ международномъ частномъ правѣ разсматривается соотношеніе не однихъ только собственно гражданскихъ законовъ, но также и законовъ, регулирующихъ гражданское судопроизводство. А гражданскій процессъ, несомнѣнно, отрасль публичнаго права и все таки для опредѣленія взаимнаго отношенія процессуальныхъ законовъ цивилисты не принимаютъ ни реальной, ни универсальной теорій криминалистовъ. Слѣдовательно причину существующаго рѣзкаго различія въ постановкѣ вопросовъ частнаго и уголовного международного права едва ли можно видѣть въ различіи природы частнаго и публичнаго права.

Дѣйствительная причина этого заключается въ томъ, что въ теоріяхъ уголовного международного права смѣшиваются два, въ сущности совершенно различныхъ, вопроса: вопросъ объ объемѣ карательной власти государства и вопросъ о пространствѣ дѣйствія уголовного закона. Дѣло представляется такъ, какъ будто границы дѣйствія уголовного закона необходимо должны совпадать съ границами карательной власти государства. Предполагается, что преступное дѣяніе, совершенное за границей, только тогда можетъ подлежать карательной власти государства, если преступникъ во время его совершенія подчинялся дѣйствію уголовныхъ законовъ этого государства.

Такая постановка вопроса представляется совершенно непонятнымъ анахронизмомъ. Было время, когда государства признавали и охраняли только права, прибрѣтаемыя на основаніи ихъ собственныхъ законовъ, когда за предѣлами государства юридическій порядокъ не признавался существующимъ. Это было время полного безправія иностранцевъ и отрицанія мирнаго международного общенія. Но теперь по-

ложеіе вещей измѣнилось. Международное общеніе, получивъ широкое развитіе, привело къ признанію юридическаго порядка, существующаго въ иностранныхъ государствахъ, къ признанію правоспособности и за иностранцами, къ охранѣ правъ, приобрѣтаемыхъ на основаніи и подѣ господствомъ иностранныхъ законовъ. Международное общеніе требуетъ отъ каждаго своего участника признанія и охраны правъ въ объемѣ, далеко превышающемъ границы дѣйствія его собственныхъ законовъ. Гражданскіе суды заурядъ разсматриваютъ иски, вытекающіе изъ юридическихъ отношеній, возникшихъ подѣ дѣйствіемъ законовъ иноземныхъ и даже основываютъ свои рѣшенія на постановленіяхъ иностраннаго права. И конечно ни одному цивилисту не придетъ въ голову смѣшивать вопросъ о границахъ гражданской юрисдикціи съ вопросомъ о пространствѣ дѣйствія гражданскихъ законовъ. Въ частномъ международномъ правѣ эти два вопроса ставятся совершенно отдѣльно.

Между тѣмъ, всѣ теоріи международного уголовного права совершенно игнорируютъ тотъ несомнѣнный историческій фактъ, что развитіе международного общенія привело къ расширенію охраны правъ, осуществляемой каждымъ отдѣльнымъ государствомъ, далеко за предѣлы дѣйствія его законовъ, и добиваются разрѣшенія неразрѣшимой задачи: измѣрить объемъ карательной власти государства относительно преступленій, совершаемыхъ за границей, пространствомъ дѣйствія уголовного закона.

Для нѣмецкихъ писателей еще можетъ служить оправданіемъ такого смѣшенія различныхъ вопросовъ двусмысленность нѣмецкаго выраженія *Strafrecht*, одинаково означающаго и уголовное право, въ смыслѣ совокупности уголовныхъ законовъ, и право наказанія или карательное право. Но нашъ русскій языкъ не даетъ повода къ такому смѣшенію.

Какой вредъ приноситъ теоретическому изслѣдованію вопроса смѣшеніе объема карательной власти съ границами дѣйствія уголовного закона, показываетъ уже полная безрезультатность всѣхъ существующихъ теорій международного

уголовнаго права. Обыкновенно эти теоріи раздѣляются на четыре группы: теорія территориальная, національная, реальная и универсальная. Но такая группировка не совсѣмъ послѣдовательна. Нельзя, во первыхъ, территориальной и національной теоріямъ противопоставлять теорію реальную, потому что и она сама представляетъ двѣ модификаціи: территориальную и національную. Нельзя, во вторыхъ, сопоставлять теоріи территориальную, національную, реальную, такъ какъ двѣ первыя изъ нихъ представляютъ, въ сущности, лишь видоизмѣненіе одной и той же теоріи, видоизмѣненія, повторяющіяся и въ теоріи реальной. Основное различіе существующихъ теорій уголовнаго международнаго права заключается въ томъ, что одни изъ нихъ думаютъ измѣрить объемъ карательной власти государства, непосредственно пространствомъ дѣйствія его уголовныхъ законовъ, (такъ назыв. территориальныя и національныя теоріи); другіе—пространствомъ дѣйствія нормъ, санкціонируемыхъ уголовнымъ закономъ (теоріи реальныя) и наконецъ третьи, наоборотъ, измѣряютъ самое пространство дѣйствія уголовного закона или нормъ имъ санкціонируемыхъ, исторически установившимся объемомъ карательной власти (теоріи универсальныя).

Теоріи первой группы, измѣряющія объемъ карательной власти пространствомъ дѣйствія уголовного закона, даютъ слѣдующую постановку вопроса. Уголовный законъ устанавливаетъ наказаніе только для совершившихъ преступленіе. Преступленіе есть нарушеніе уголовного закона. Нарушить же уголовный законъ можетъ только тотъ, для кого онъ обязателенъ, на кого распространяется его дѣйствіе. Поэтому только тѣ дѣянія подлежатъ карательной власти государства, которыя совершены въ сферѣ дѣйствія его уголовныхъ законовъ. Чѣмъ же опредѣляется эта сфера? На это даютъ различные отвѣты. Одни, болѣе послѣдовательные, говорятъ, что уголовный законъ дѣйствуетъ только на территоріи того государства, которымъ онъ изданъ. Такова теорія территориальная. Согласно съ нею карательной власти государства подлежатъ только преступленія, совершенныя на его территоріи.

Дѣянія, учиненныя за границей, не могутъ служить основаніемъ для возбужденія уголовного преслѣдованія мѣстною властью ¹⁾).

Теорія эта, въ своихъ практическихъ выводахъ, относительно опредѣленія объема карательной власти государства, оказывается, однако, совершенно несогласимой съ требованіями современнаго международнаго общенія. Принявъ ее, государству придется оставлять безнаказанными завѣдомыхъ преступниковъ, быть можетъ даже похваляющихся совершенными ими злодѣяніями, только потому, что злодѣянія эти совершены по ту сторону границы, хотя бы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Между тѣмъ безнаказанность явныхъ преступниковъ не только возмущаетъ нравственное чувство, но и прямо угрожаетъ безопасности мѣстнаго общества. Кто можетъ быть спокоенъ и увѣренъ въ своей неприкосновенности, когда рядомъ съ ними живетъ невозбранно на свободѣ завѣдомый убійца? Нельзя устранить несообразность этихъ результатовъ территоріальной теоріи ссылкой на возможность выдачи преступника правительству того государства, въ которомъ онъ учинилъ преступленіе. Выдача предполагаетъ требованіе о томъ другаго государства. Разъ никто не требуетъ выдачи, нельзя и выдавать. А такое отсутствіе требованія о выдачѣ можетъ явиться легче и чаще всего въ тѣхъ именно случаяхъ, когда безнаказанность совершеннаго за границей преступленія должна особенно возмущать мѣстное общество, когда преступленіе заключается въ посягательства на нашего соотечественника. Затѣмъ, преступленіе можетъ быть совершено и нашимъ подданнымъ, а собственные подданные, по установившейся международной практикѣ, не выдаются. Наконецъ, выдача допускается только въ отношеніи къ *преступникамъ*, а между тѣмъ невозможность суда и наказанія тѣмъ только и обусловливается, что, согласно терри-

---

¹⁾ Изъ современныхъ криминалистовъ эту теорію отстаиваетъ A. L i s z t, *Sind gleiche Grundsätze des internationalen Strafrechts für die europäischen Staaten anzustreben und eventuell welche?* 1882.

территориальной теории, учинивший преступление за границей не есть для местного закона и местной власти преступникъ. Государству, не признающему данное лицо преступникомъ, нельзя и выдать его какъ преступника ¹⁾).

Несообразность получаемыхъ изъ территориальной теории выводовъ съ условіями международного общенія заставляетъ иныхъ, по примѣру Бернера ²⁾, искать выхода въ распространеніи дѣйствія уголовного закона и за предѣлы государства, на всѣхъ его подданныхъ, гдѣ бы они ни находились. Въ такомъ случаѣ вышеуказанный ходъ разсужденія нѣсколько измѣняется. Уголовный законъ можетъ быть нарушенъ вездѣ, но только подданными государства, его издававшего, постоянными или временными ³⁾, такъ какъ только для нихъ онъ обязателенъ. Однако эта такъ назыв. *національная* или личная теорія мало въ чемъ измѣняетъ дѣло. Она устраняетъ только безнаказанность заграничныхъ преступленій, совершенныхъ собственными подданными государства. Всѣ другія несообразности территориальной теории остаются и при теоріи національной. Мало того, она приводитъ еще и къ новымъ. Территориальная теорія имѣетъ, во всякомъ случаѣ, то достоинство, что она даетъ вполне определенное разграниченіе дѣйствія уголовныхъ законовъ различныхъ государствъ и, потому, устраняетъ всякую между ними коллизію. Національная, напротивъ, неизбѣжно приводитъ къ коллизіи. Она признаетъ, что подданный и за границей подчиняется дѣйствію своего національнаго уголовного закона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуетъ отъ иностранцевъ, находящихся на территоріи государства, подчиненія местнымъ

---

¹⁾ Обыкновенно противъ территориальной теории выставляютъ еще и тотъ доводъ, что она приводитъ къ безнаказанности преступленій противъ самого государства. Но сила этого возраженія зависитъ отъ того, что считать мѣстомъ совершения преступленія: если мѣсто нахождения объекта посягательства, — то доводъ этотъ теряетъ все свое значеніе.

²⁾ Berner, Wirkungskreis des Strafgesetzes nach Zeit, Raum und Personen. 1853.

³⁾ Т. е. иностранцами, пребывающими на его территоріи.

законамъ. Если каждое государство приметъ оба эти положенія національной теоріи, коллизія законовъ неустранима. Лицамъ, находящимся внѣ отечества, придется одновременно подчиняться и мѣстнымъ, и своимъ отечественнымъ законамъ. Это приводитъ къ несообразному признанію наказуемости такихъ дѣяній, запрещенныхъ нашими законами, которыя будутъ совершены нашими подданными въ государствѣ, признающемъ эти дѣянія дозволенными.

Обѣ эти теоріи—я территоріальная, и національная, —будучи лишь частными модификаціями того воззрѣнія, что объемъ карательной власти измѣряется пространствомъ дѣйствія уголовного закона, имѣютъ одинъ общій, коренной недостатокъ: они основаны на неправильномъ опредѣленіи преступнаго дѣянія. Вся ихъ аргументація покинется на предположеніи, будто преступленіе есть нарушеніе уголовного закона. Между тѣмъ въ дѣйствительности преступникъ нарушаетъ не уголовный законъ, а санкціонируемую имъ юридическую норму. А если такъ, то конечно оказывается лишней основанія вся ихъ аргументація. Если для совершенія преступленія не требуется нарушить уголовной законъ, то и нѣтъ надобности для того подлежать его дѣйствію во время дѣянія.

Выясненіе этой коренной ошибки теорій, измѣряющихъ объемъ карательной власти пространствомъ дѣйствія уголовного закона, привело къ замѣнѣ ихъ другими, принимающими въ данномъ вопросѣ мѣриломъ *пространство дѣйствія нормы, санкціонируемой уголовнымъ закономъ*. Эти теоріи называются *реальными*, потому что нарушеніе нормы можетъ быть совершено только посягательствомъ на охраняемые ею блага. Для подчиненія преступнаго дѣянія карательной власти государства надо, чтобы объектомъ или предметомъ посягательства было благо, находящееся подъ охраной нормъ этого государства. Слѣдовательно, подсудность посягательства опредѣляется его объектомъ (*res*). Но какія же блага охраняются нормами государства? Этотъ вопросъ разрѣшается различно. По мнѣнію однихъ—только блага, находящіяся на террито-

рін государства; по мнѣнію другихъ—блага, принадлежація государству и его подданнымъ. Такимъ образомъ и тутъ получаютъ двѣ модификаціи и, притомъ, тѣ же самыя, что и примѣнительно къ теоріямъ, измѣряющимъ объемъ карательной власти пространствомъ дѣйствія уголовного закона—территориальная и національная ¹⁾. Конечно, эти двѣ разновидности реальной теоріи вызываютъ тѣ же въ сущности возраженія, что и выше разсмотрѣнныя теоріи, измѣряющія объемъ карательной власти непосредственно пространствомъ дѣйствія уголовного закона. Различіе тутъ сводится, въ сущности, къ тому, что территориальность или національность, вмѣсто субъекта, требуется отъ объекта преступнаго посягательства ¹⁾.

Какой бы видъ ни принимала такъ назыв. реальная теорія, сущность ея остается одна и таже. Она измѣряетъ объемъ карательной власти государства пространствомъ дѣйствія охраняемыхъ его уголовнымъ закономъ юридическихъ нормъ. Аргументація реальной теоріи въ общемъ можетъ быть резюмирована такъ: преступленіе есть посягательство на охраняемую уголовнымъ закономъ норму. Нарушить норму можно только посягая на охраняемая этой нормой блага (*Rechtsgüter*). Поэтому дѣйствію уголовного закона и *карательной власти* даннаго государства подлежитъ тотъ, кто посягаетъ на охраняемыя нормами этого государства блага, все равно—кто бы онъ ни былъ, подданный или иностранецъ, и гдѣ бы онъ ни совершалъ свое посягательство—внутри страны или за границей.

Не трудно убѣдиться, что реальная теорія приводитъ къ такимъ же несообразнымъ выводамъ, какъ и теоріи, измѣряющія объемъ карательной власти пространствомъ дѣйствія уголовного закона. Во первыхъ, она до невозможности расширяетъ сферу обязательной силы устанавливаемыхъ государствомъ

---

¹⁾ Rohland, Das internationale Strafrecht. 1877 S. 138.—Binding, Handbuch des Strafrechts, B. I, 1885 S. 370.

²⁾ Смори обстоятельную критику реальной теоріи, съ этой точки зрѣнія, у *Таланцева*, Лекціи, I, стр. 284.

ж. гр. и уг. пр. кн. I 1889 г.

нормъ. Уже Баръ справедливо замѣтилъ, что реальная теорія приводитъ къ наказуемости нарушенія такихъ нормъ, которыхъ нарушитель и знать не могъ. Биндингъ думаетъ отпарировать это возраженіе нелишнимъ остроуміемъ замѣчаніемъ, что вѣдь и пріѣзжая въ страну иностранецъ не изучаетъ же предварительно курсъ мѣстнаго уголовного права ¹⁾. Но дѣло въ томъ, что иностранецъ, живущій за границей, не только не можетъ, но и не долженъ вовсе знать нашего права. И возраженіе это должно быть обобщено. Дѣло заключается тутъ не въ неизвѣстности, а именно въ необязательности законовъ государства за предѣлами его власти. Когда я въ Россіи имѣю дѣло съ нѣмцемъ, для меня обязательны только русскіе законы. Требовать отъ русскаго, случайно попавшаго въ Германію, отвѣта за нарушеніе имъ нѣмецкихъ законовъ въ Россіи, хотя бы и въ отношеніи къ нѣмцу, значитъ вторгаться въ права русскаго верховенства, значитъ присвоивать нѣмецкимъ законамъ дѣйствіе и на русской территоріи. Мартитцъ, въ своемъ новомъ сочиненіи ²⁾, справедливо видитъ въ необходимости допустить наказаніе независимо отъ дозволенности или запрещенности дѣянія по законамъ мѣста совершенія—*reductio ad absurdum* реальной теоріи. Правда, Биндингъ рѣшается высказать съ свойственной ему послѣдовательностью и этотъ выводъ изъ принятой имъ теоріи, но очевидно и самъ чувствуетъ, что дѣло тутъ не ладно. На это указываетъ выбранный имъ совершенно неподходящій къ вопросу примѣръ. Многоженство, которое бы дозволилъ себѣ въ Турціи нѣмецъ, будетъ, говорить онъ, наказуемо въ Германіи. Безъ всякаго сомнѣнія! Но только основанія наказуемости въ данномъ примѣрѣ не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о наказуемости дѣяній, незапрещенныхъ законамъ мѣста ихъ совершенія. Многоженство, совершонное въ Турціи нѣмцемъ, будетъ наказуемо, во первыхъ, потому, что это преступленіе дѣлающееся; во вторыхъ и

---

¹⁾ Binding, Handbuch, I, S. 389.

²⁾ Martitz, Internationale Rechtshilfe in Strafsachen, I Abth. 1888, S. 49, Note

потому, въ особенности, что на основаніи капитуляцій нѣмецкіе подданные въ Турціи не подлежатъ дѣйствию мѣстныхъ уголовныхъ законовъ.

Другой, еще болѣе серьезный недостатокъ реальной теоріи заключается въ томъ, что она въ прямомъ противорѣчій съ историческою дѣйствительностью ограничиваетъ власть государства по охранѣ правъ только правами, основанными на собственныхъ законахъ государства. Представители этой теоріи какъ бы забываютъ, что уголовный искъ не единственная форма защиты правъ отъ нарушенія. И если принять какъ общее положеніе, что государство призвано защищать только блага, охраняемые его собственными нормами, то придется разрушить все международное частное право, да и международное общеніе сдѣлается совершенно невозможнымъ. При такомъ взглядѣ на дѣло, для русскихъ судовъ иностранцы, живущіе за границей, должны быть совершенно безправными существами. Затѣмъ, гражданскіе иски, основанные на иностранныхъ законахъ, должны быть признаны неподлежащими разсмотрѣнію нашей судебной власти. Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ какъ разъ обратное. Иностранцы и за границей не считаются безправными: гражданскіе иски и основанные на иностранныхъ законахъ принимаются къ разсмотрѣнію. И конечно внѣ этихъ условій международное общеніе было бы невысказано. Слѣдовательно нельзя сказать, чтобы государство было призвано охранять только *свои* правовыя блага. Нѣтъ, оно постоянно охраняетъ въ гражданскомъ судѣ и *чужія* правовыя блага. Рѣчь можетъ идти развѣ объ ограниченіи своими благами одной только спеціальной формы защиты—защиты уголовной. Въ такомъ случаѣ надо доказать, что при охраненіи государствомъ въ другихъ формахъ и чужихъ правъ, наказаніемъ оно можетъ охранять почему то только *свои* блага. Но такихъ доказательствъ мы не находимъ ни у одного изъ сторонниковъ реальной теоріи. Правда, Роландъ ¹⁾ ссылается въ объясне-

---

¹⁾ Das internationale Strafrecht, S. 12.

ніе предполагаемаго имъ существеннаго различія въ условіяхъ допустимости гражданскихъ и уголовныхъ исковъ на то, что въ гражданскомъ процессѣ судъ имѣетъ дѣло съ правовыми притязаніями частныхъ лицъ, которыя могутъ быть основаны и на иностранномъ законѣ. Въ процессѣ же уголовномъ дѣло идетъ о притязаніи государства, которое, можетъ быть основано только на его собственныхъ законахъ. Но это еще ничего не доказываетъ. Во первыхъ, и въ гражданскомъ процессѣ стороной можетъ быть и государство, и даже отвѣтчикомъ. Во вторыхъ, если бы указываемое Роландомъ различіе имѣло дѣйствительно такое рѣшающее значеніе, то послѣдовательно его развивая, пришлось бы признать, что въ отношеніи къ преступленіямъ частнымъ (Antragsdelikten) ограниченіе объема карательной власти посягательствами на блага, принадлежащія данному государству, не должно бы имѣть мѣсто.

Права охраняются не однимъ только наказаніемъ или гражданскимъ взысканіемъ. Полицейскія мѣры предупрежденія и слѣдственные дѣйствія также должны быть признаны мѣрами защиты правъ. Между тѣмъ никто не рѣшится утверждать, не утверждаютъ этого и представители реальной теоріи, чтобы государство не могло принять мѣръ пресѣченія возможности уклониться отъ суда, скрыть слѣды преступления, или собрать доказательства по дѣлу объ обвиненіи кого нибудь въ совершеніи преступления за границей противъ чужихъ для государства благъ. Напротивъ, Биндингъ прямо признаетъ выдачу преступниковъ допустимой и въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ не совершилъ посягательствъ на нормы даннаго государства. Но какъ бы мы ни смотрѣли на выдачу, признаемъ ли ее суррогатомъ суда и наказанія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ ней мѣры защиты государствомъ извѣстныхъ правъ и, притомъ, правъ публичныхъ.

Несостоятельность всѣхъ этихъ теорій приводитъ многихъ къ принятію такъ назыв. универсальной теоріи. Теорія эта, выставленная впервые Молемъ и Бульмеринкомъ, пользуется

въ настоящее время особенною популярностью въ нашей литературѣ ¹⁾). Она основана на признаніи необходимости не ограничивать карательную власть государства только преступленіями, совершенными на его территоріи, или его подданными, или противъ принадлежащихъ ему благъ. Международное общеніе требуетъ установленія болѣе широкихъ рамокъ для карательной власти государства. Поэтому теорія эта утверждаетъ, что не объемъ карательной власти измѣряется пространствомъ дѣйствія уголовного закона, а наоборотъ, самое пространство дѣйствія закона опредѣляется исторически установившимся объемомъ карательной власти. Государство, какъ участникъ международнаго общенія, должно удовлетворить всѣмъ его требованіямъ. должно, поэтому, и охранять своею карательною властью всѣ права, получившія международное признаніе. Для выполненія этого государство должно распространить дѣйствіе своихъ уголовныхъ законовъ на всѣ посягательства, гдѣ бы и кѣмъ бы они ни были совершены, если только объектомъ ихъ является право, получившее международное признаніе и не слишкомъ мало-важное.

Нетрудно показать, что универсальная теорія сводится, въ сущности, къ отрицанію какихъ бы то ни было опредѣленныхъ границъ дѣйствія уголовного закона ²⁾). Онъ оказывается дѣйствующимъ и на территоріи государства и за ея предѣлами, и для подданныхъ, и для иностранцевъ и, притомъ, для различныхъ преступленій различно. Для общихъ и значительныхъ—дѣйствіе уголовного закона распространяется и за предѣлы территоріи, и на иностранцевъ; для политическихъ—только на посягательства противъ даннаго государства; для маловажныхъ—только въ предѣлахъ территоріи. Мало того, дѣйствіе закона оказывается зависящимъ отъ совершенно случайныхъ условій. Если лицо, учинившее за границей

---

¹⁾ *Таланцевъ*, Лекціи, I, стр. 290; *Сергѣевскій*, Русское уголовное право, стр. 401; *Мартенсъ*, Международное право, II, стр. 361.

²⁾ Такъ и характеризуетъ ее Rohland, Das internationale Strafrecht, s. 3.

преступленіе, будетъ задержано въ странѣ, мѣстный законъ распространяетъ свое дѣйствіе на дѣяніе, совершенное, можетъ быть, задолго предъ этимъ за предѣлами территоріи. Удастся преступнику убѣжать—дѣйствіе мѣстнаго закона опять прекращается; задержать его снова, снова восстанавливается дѣйствіе закона и т. д. Понятно, что теорія дѣйствія закона, приводящая къ такимъ результатамъ, равносильна полному отрицанію всякой опредѣленной границы пространства дѣйствія уголовного закона. Универсальная теорія вытекаетъ, въ сущности, изъ сознанія полной невозможности рѣшить вопросъ о границахъ карательной дѣятельности государства на основаніи какой бы то ни было *опредѣленной* теоріи дѣйствія уголовного закона. Но вмѣсто того, чтобы въ силу такого сознанія признать необходимость отдѣленія другъ отъ друга двухъ, совершенно разнородныхъ вопросовъ, объ объемѣ карательной власти государства и о пространствѣ дѣйствія его уголовныхъ законовъ, послѣдователи универсальной теоріи приходятъ, напротивъ, къ совершенно неожиданному выводу, будто международное общеніе дѣлаетъ невозможнымъ существованіе какихъ либо опредѣленныхъ границъ дѣйствія уголовного закона.

Такимъ образомъ и универсальной теоріи не удалось разрѣшить неразрѣшимую въ дѣйствительности задачу: изъ опредѣленія пространства дѣйствія уголовного закона вывести опредѣленіе границъ карательной власти государства. Рѣшеніе, ею предлагаемое, есть, въ сущности, совершенное извращеніе вопроса. Всѣ другія теоріи объ объемѣ карательной власти государства измѣряютъ, такъ сказать, пространствомъ дѣйствія уголовного закона. Универсальная же теорія, наоборотъ, пространство дѣйствія уголовного закона думаетъ опредѣлить на основаніи исторически установившагося и крайне измѣнчиваго объема карательной власти отдѣльныхъ государствъ.

Каковъ же общій результатъ сдѣланнаго краткаго обзора всѣхъ этихъ теорій международного уголовного права? Онъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ. Территоріальная теорія совершенно правильно опредѣляла про-

странство дѣйствія уголовного закона. Какъ и всякій другой законъ, законъ уголовный дѣйствуетъ только на территоріи того государства, законодательною властью котораго изданъ. Ни одно государство не можетъ устанавливать законовъ для чужой территоріи. Ошибка же территоріальной теоріи заключалась единственно въ томъ, что она думала измѣрять пространствомъ дѣйствія закона объемъ карательной власти. Между тѣмъ эту ошибку критики вовсе не замѣтили, принявъ за безспорное совершенно неправильное предположеніе, будто бы границы карательной власти государства и границы дѣйствія его уголовныхъ законовъ должны всегда и непремѣнно совпадать. Благодаря этому, практически несостоятельные выводы территоріальной теоріи относительно объема карательной власти, были ошибочно приписаны неправильному якобы опредѣленію границы дѣйствія уголовного закона. Въ результатѣ явился цѣлый рядъ разнообразныхъ попытокъ какъ нибудь расширить эти границы, чтобы привести ихъ въ соотвѣтствіе съ границами карательной власти, попытокъ, дошедшихъ въ универсальной теоріи до совершеннаго отрицанія всякихъ опредѣленныхъ границъ дѣйствія уголовного закона.

Для правильной и простой, „прозрачной“, какъ говоритъ Иерингъ, конструкціи международнаго уголовного права требуется, прежде всего, отдѣлить другъ отъ друга два, безъ всякаго основанія смѣшиваемыхъ во едино, вопроса: объ объемѣ карательной власти и о соотношеніи разномѣстныхъ уголовныхъ законовъ. Первый изъ этихъ вопросовъ есть часть общаго вопроса о границахъ или объемѣ международной охраны правъ. Вопросъ этотъ чисто историческій. Онъ не допускаетъ общаго принципиальнаго рѣшенія. На различныхъ стадіяхъ развитія международнаго общенія онъ рѣшался различно. Было время когда всѣ вообще права вовсе не находили себѣ международной охраны, когда за предѣлами государственной территоріи не признавалось существованіе юридическаго порядка, когда иностранцы являлись вовсе безправными. Теперь это измѣнилось. Право находить себѣ охрану

не только со стороны данного отдѣльнаго государства, но и охрану международную. Однако международной охраной пользуются далеко еще не всѣ права, даже не всѣ гражданскія права. Промышленно-вещныя права, напримѣръ, подлежатъ международной охранѣ только на основаніи специальныхъ о томъ международныхъ соглашеній. Еще уже рамки международной охраны въ примѣненіи къ правамъ публичнымъ. Если гражданскія права по общему правилу подлежатъ международной охранѣ, для публичныхъ правъ примѣненіе международной охраны, напротивъ, составляетъ исключеніе. Публичныя права, въ большинствѣ носятъ на себѣ слишкомъ рѣзко выраженный національный и мѣстный отпечатокъ. Самое существованіе публичныхъ правъ непосредственно обусловлено даннымъ государственнымъ строемъ, данной организаціей управленія, данной сословной группировкой населенія. Такимъ образомъ и въ настоящее время не всѣ права находятъ себѣ международное признаніе. Понятно само собой, что права, не получившія международнаго признанія, и охраняются только тѣмъ государствомъ, въ которомъ они возникаютъ, а не другими членами международнаго союза. Поэтому и *международная уголовная репрессія*, какъ частный видъ охраны правъ противъ нарушеній, совершаемыхъ за границей, *примѣнима только къ нарушенію такихъ правъ, которыя уже получили международное признаніе*. Въ этомъ и заключается первое и основное начало, опредѣляющее объемъ карательной власти государства въ отношеніи къ дѣяніямъ, совершаемымъ за его предѣлами. Международнымъ признаніемъ пользуются теперь, какъ мы уже сказали, во первыхъ, всѣ гражданскія права—личныя, имущественныя, семейныя, наследственныя, за немногими специальными исключеніями, и во вторыхъ, нѣкоторыя, немногія, публичныя права. Поэтому и международная уголовная репрессія распространяется по общему правилу на всѣ преступленія противъ правъ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ и, въ видѣ изъятія, на нѣкоторыя преступленія противъ правъ публичныхъ, международное признаніе которыхъ въ чемъ либо специально выразилось, въ до-

говорахъ или законахъ. Изъ отсутствія общаго международнаго признанія правъ публичныхъ вытекаетъ нераспространеніе международной уголовной репрессіи: 1) на преступленія политическія; 2) на преступленія религіозныя и 3) на полицейскія правонарушенія, какъ нарушенія административнаго, слѣдовательно—публичнаго права.

Международное признаніе правъ можетъ быть *безусловнымъ*: такимъ является оно въ отношеніи рѣшительнаго большинства гражданскихъ правъ и нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, правъ публичныхъ (см. напр. ст. 577 улож. о нак.). Но международное признаніе можетъ быть установлено также и *подъ условіемъ взаимности*. Напримѣръ, наше законодательство подъ такимъ условіемъ устанавливаетъ наказуемость посягательства на жизнь иностраннаго монарха (ст. 260 улож.). Наконецъ, международное признаніе можетъ быть также обусловлено существованіемъ спеціальныхъ о томъ международныхъ соглашеній. Примѣромъ могутъ служить права авторскія.

Международнымъ признаніемъ могутъ пользоваться не только права, основанныя на иностранныхъ законахъ, но также и права непосредственно устанавлиаемыя нормами международного права и, притомъ, всѣ они пользуются такимъ признаніемъ.

Слѣдовательно можно сказать, что карательная власть государства объемлетъ:

- 1) всѣ преступленія противъ правъ, основанныхъ на мѣстныхъ законахъ;
- 2) всѣ преступленія противъ правъ, основанныхъ на международномъ правѣ, и
- 3) преступленія противъ получившихъ международное признаніе правъ, основанныхъ на иностранномъ законодательствѣ.

Сюда же, т. е. къ ученію о границахъ международного признанія правъ, долженъ быть отнесенъ и вопросъ о значеніи частныхъ и рѣшительныхъ опредѣленій иностранныхъ уголовныхъ судовъ. Значеніе это всецѣло зависитъ отъ исто-

рически мѣняющихся условій международнаго общенія. Теперь вообще признается, что приговоры иностранныхъ уголовныхъ судовъ исполняемы быть не могутъ. Однако лицо, оправданное или уже отбывшее наказаніе по приговору иностраннаго компетентнаго суда, признается уже не подлежащимъ вторичному уголовному преслѣдованію. Частныя опредѣленія о допросѣ свидѣтелей, объ осмотрахъ, объ истребованіи справокъ могутъ быть исполняемы. Но государство, конечно, не можетъ признать за иностраннымъ судомъ большую власть, чѣмъ за своимъ собственнымъ судомъ. Поэтому не подлежатъ исполненію, согласно постановленіямъ существующихъ карательныхъ конвенцій, опредѣленія о допросѣ свидѣтелей и т. п. по обвиненію кого либо въ такомъ дѣяніи, которое, по мѣстнымъ законамъ, не обложено наказаніемъ. Точно также государство не можетъ оказывать другому судебной помощи въ уголовной охранѣ правъ, не получившихъ международнаго признанія. Поэтому не подлежатъ исполненію частныя опредѣленія иностранныхъ судовъ по дѣламъ о преступленіяхъ политическихъ.

Международное признаніе права не есть единственное условіе распространенія международной уголовной репрессіи на нарушенія этого права. Рядомъ съ этимъ началомъ должно быть поставлено еще другое, имѣющее, правда, сравнительно второстепенное значеніе. Наказаніе есть только одно изъ возможныхъ послѣдствій правонарушенія и, притомъ, признаваемое наиболѣе тягостнымъ, соединяемое, потому, только съ особенно опасными посягательствами на чужое право. Опасность можетъ, съ теченіемъ времени, уменьшиться. Поэтому и уголовный искъ можетъ быть иногда прекращенъ давностью, когда гражданскій искъ, вытекающій изъ того же правонарушенія, продолжаетъ еще существовать. Подобно времени и разстояніе можетъ имѣть такое же дѣйствіе. Наказуемость можетъ уничтожаться какъ въ отношеніи къ *давнему* правонарушенію, такъ и въ отношеніи къ правонарушенію *далекому*. Отсюда получимъ второе начало, опредѣляющее границы международной уголовной репрессіи. Карательная

власть государства не распространяется на всѣ вообще мало-важныя преступныя дѣянія, совершенныя *вдали* отъ него, Именно *вдали*, а не просто *внѣ* его, потому что относительно полицейскихъ проступковъ, совершаемыхъ на границѣ двухъ государствъ, смежныя государства заключаютъ даже спеціальныя конвенціи, съ цѣлью совмѣстной организаціи ихъ преслѣдованія.

Если выдѣлить вопросъ объ объемѣ карательной власти государства, то дѣйствіе уголовного, какъ и всякаго другаго закона, опредѣлится тѣмъ общимъ началомъ, что каждый юридическій фактъ обсуждается на основаніи того закона, въ сферѣ дѣйствія котораго онъ совершился. При этомъ отдѣльными юридическими фактами должны быть признаваемы факты, влекущіе за собой установленіе, и факты, представляющіе осуществленіе права. Фактомъ, влекущимъ за собой установленіе въ отношеніи къ данному лицу права наказанія, служить преступное дѣяніе. Фактомъ, представляющимъ осуществленіе карательнаго права, является возбужденіе уголовного преслѣдованія, приводящее или къ суду и наказанію, или къ выдачѣ.

Факты каждой изъ этихъ двухъ категорій должны обсуждаться на основаніи того закона, въ сферѣ дѣйствія котораго они совершились. Поэтому *преступность* дѣйствія, какъ необходимое условіе установленія въ отношеніи къ данному лицу права наказанія, обсуждается на основаніи законовъ мѣста его совершенія (*lex delicti commissi*).

Но тутъ является вопросъ: что считать мѣстомъ совершенія преступленія? Если преступное дѣяніе всѣми своими элементами принадлежитъ одной и той же территоріи, вопросъ этотъ не порождаетъ затрудненій. Другое дѣло, когда отдѣльные его элементы находятся въ различныхъ территоріяхъ. Тутъ открывается широкое поле для разногласій. Можетъ случиться, напримѣръ, такъ, что объектъ преступнаго дѣянія находится въ одномъ государствѣ, а субъектъ въ—другомъ. или отдѣльные соучастники преступнаго дѣянія живутъ въ разныхъ территоріяхъ или, наконецъ, дѣяніе начато

въ предѣлахъ одного государства, а закончено въ предѣлахъ другаго. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ возникаютъ большія сомнѣнія, гдѣ считать преступное дѣяніе совершившимся?

Въ литературѣ уголовного права существуетъ нѣсколько различныхъ теорій по этому вопросу. Нѣкоторые криминалисты находятъ невозможнымъ установить какое либо общее правило относительно того, что считать въ сомнительныхъ случаяхъ мѣстомъ учиненія преступнаго посягательства. По ихъ мнѣнію вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшаемъ различно въ различныхъ случаяхъ ¹⁾. Такое воззрѣніе страдаетъ, конечно, полною неопредѣленностью и принять его можно только тогда, если будетъ доказана невозможность установить общее принципиальное рѣшеніе вопроса.

Другіе, принимая исключительно національную точку зрѣнія, думаютъ рѣшить этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что каждое преступное посягательство, хотя бы однимъ своимъ элементомъ,—все равно какимъ—принадлежащее данной территоріи, должно считаться совершеннымъ внутри страны ²⁾. Однако, если всѣ государства усвоятъ такой взглядъ, то получится совершенно неразрѣшимая коллизія уголовныхъ законовъ различныхъ государствъ, такъ какъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ преступленіе будетъ считаться учиненнымъ одинаково во всѣхъ территоріяхъ, съ которыми оно какъ нибудь соприкасается.

Остается, слѣдовательно, выбирать между признаніемъ мѣстомъ учиненія, преступнаго посягательства мѣста нахождения субъекта ³⁾ или мѣста нахождения объекта ⁴⁾. Каждое изъ этихъ двухъ воззрѣній можетъ привести за себя серьезные доводы и если видѣть тутъ вопросъ о томъ, гдѣ именно совершилось дѣяніе, то споръ едва ли не представится безысходнымъ. Дѣло въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ дѣяніе

---

¹⁾ Таганцевъ, Лекція, I, стр. 270.

²⁾ Binding, Handbuch, I, S 426.

³⁾ Ваг, Das internationale Privat und Strafrecht, S 555.—Роhlанд, Das internationale Strafrecht, S 29.—Мартенсъ, Междунар. право, II, стр. 373.

⁴⁾ Фойницкій, Курсъ уголовного судопроизводства. 1884, I, 534.

совершается дѣйствительно въ разныхъ государствахъ. Въ этомъ нѣтъ ничего несообразнаго. Дѣйствія людей обыкновенно занимаютъ собою извѣстное пространство, но если пространство все цѣликомъ находится въ одной территоріи, то протяженность дѣйствія не обращаетъ на себя вниманія, такъ какъ не представляетъ никакого юридическаго интереса. Когда же случится такъ, что граница двухъ государствъ пересѣчетъ пространство, занятое дѣяніемъ, то является затрудненіе. Дѣяніе заняло собою части двухъ территорій, совершилось въ двухъ различныхъ государствахъ. Но такъ какъ нельзя къ одному и тому же дѣянію примѣнять одновременно два различныхъ, быть можетъ, противорѣчащихъ другъ другу закона, то и приходится такіа дѣянія, въ дѣйствительности совершившіяся въ двухъ государствахъ, *считать* учиненными въ какомъ либо одномъ изъ нихъ и примѣнять къ нимъ законъ только этого государства. Вопросъ тутъ именно въ выборѣ между двумя возможными юридическими конструкціями, одинаково несоотвѣтствующими дѣйствительности. Если мы будемъ считать преступныя посягательства учиненными тамъ, гдѣ находится субъектъ посягательства, мы получимъ субъективную конструкцію; если тамъ, гдѣ объектъ — конструкцію объективную. Которая же изъ нихъ заслуживаетъ предпочтенія?

Достоинство юридической конструкціи зависитъ отъ того, какъ она разрѣшаетъ свою задачу. Удовлетворительнымъ можетъ быть признано только то рѣшеніе, которое представляется: 1) *полнымъ*, объемлющимъ все содержаніе даннаго вопроса; 2) *последовательнымъ*, не требующимъ исключеній и согласнымъ съ общими началами юридической теоріи и 3) *естественнымъ*, простымъ и яснымъ. Намъ и предстоитъ теперь изслѣдовать, — какая изъ двухъ возможныхъ конструкцій субъективная или объективная, оказывается болѣе, последовательнѣе и естественнѣе?

Начнемъ съ вопроса объ относительной полнотѣ этихъ конструкцій.

Наиболѣе простой случай принадлежности одного пре-

ступнаго дѣянія нѣсколькимъ территоріямъ, когда имѣется одинъ субъектъ и одинъ объектъ правонарушенія, одинаково полно разрѣшается и субъективной и объективной конструкціей. Будемъ ли мы считать мѣстомъ совершенія преступнаго дѣянія мѣсто нахождения субъекта или мѣсто нахождения объекта, при единствѣ объекта и субъекта, примѣнимымъ къ данному дѣянію окажется всегда только одинъ какой нибудь законъ. Совпаденія нѣсколькихъ законовъ тутъ получиться не можетъ. Другое дѣло — случаи болѣе сложнаго характера, когда имѣется нѣсколько субъектовъ или нѣсколько объектовъ преступнаго дѣянія. Изъ этихъ сложныхъ случаевъ субъективная конструкція даетъ рѣшеніе только для случая множественности объектовъ. Для случаевъ соучастія лицъ, живущихъ въ разныхъ государствахъ, она непригодна или, по крайней мѣрѣ, недостаточна, такъ какъ взятая сама по себѣ неизбежно приводитъ къ совмѣстному примѣненію къ одному и тому же дѣянію нѣсколькихъ различныхъ законовъ. Объективная конструкція одинаково достаточна и пригодна для разрѣшенія какъ случаевъ соучастія, такъ и случаевъ множественности объектовъ. Такъ какъ объективная теорія вообще не принимаетъ въ соображеніе мѣсто нахождения субъекта, то и фактъ нахождения соинициаторовъ въ разныхъ государствахъ ровно никакого значенія не имѣетъ. Но точно также и въ случаяхъ множественности объектовъ, объективная теорія ни къ какимъ несообразнымъ выводамъ, ни къ какой коллизіи законовъ не приводитъ. При множественности объектовъ, во всякомъ случаѣ имѣется совокупность, если не реальная, то хотя бы идеальная. При реальной совокупности, конечно, нѣтъ никакого неудобства считать *различныя* дѣянія совершившимися въ различныхъ территоріяхъ по мѣсту нахождения объектовъ и обсуждать ихъ преступность по различнымъ законамъ. Сомнѣнія могутъ возникнуть развѣ относительно случаевъ идеальной совокупности. Но такъ какъ по законамъ мѣста совершенія дѣянія обсуждается не наказуемость, а только преступность, то нѣтъ рѣшительно никакого неудобства въ томъ, чтобы преступность отдѣльныхъ элементовъ

идеальной совокупности обсуждалась на основаніи различныхъ законовъ, по мѣсту нахождения отдѣльныхъ объектовъ правонарушенія.

Проф. Таганцевъ утверждаетъ, что объективная конструкция также неполна, какъ и субъективная. „Нельзя, говоритъ онъ ¹⁾, опредѣлять понятіе учиненія преступнаго дѣянія на территоріи—мѣстомъ пребыванія объекта посягательства, того правоохраненнаго интереса, на который посягаетъ виновный, такъ какъ, напр., установленіе такого мѣста пребыванія для интересовъ идеальныхъ и, притомъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и общественныхъ, представляется невозможнымъ, а съ другой стороны, мы знаемъ, что существуютъ посягательства, считаемыя учиненными на территоріи Россіи, хотя они направлены противъ интересовъ государственныхъ или общественныхъ иностранныхъ державъ“.

Едва ли эти доводы можно признать убѣдительными при той постановкѣ вопроса, какую мы ему даемъ. Во-первыхъ, интересы, охраняемые юридическими нормами, конечно, не могутъ же быть ничьими интересами. А разъ имѣется субъектъ охраняемаго правомъ интереса, мѣсто его пребыванія можетъ въ сомнительныхъ случаяхъ считаться мѣстомъ нахождения объекта преступнаго посягательства. Во-вторыхъ, если и случится, что составляющій объектъ посягательства идеальный интересъ будетъ находиться и будетъ нарушенъ въ разныхъ территоріяхъ, то въ этомъ еще нѣтъ никакого препятствія для примѣненія объективной конструкции. Тутъ получится случай, аналогичный съ случаемъ множественности объектовъ. Если, напр., кто-нибудь совершаетъ диффамацию лица, имѣющаго дѣла въ разныхъ государствахъ, то можно, пожалуй, считать, что объектъ посягательства—добрая репутация—существуетъ во всѣхъ этихъ государствахъ. Но хотя бы уголовные законы однихъ изъ этихъ государствъ предусматривали диффамацию, а другіе—нѣтъ, изъ этого не проистекло бы никакихъ затрудненій. Диффамация, какъ преступное

---

¹⁾ Лекціи, I, 270.

дѣяніе, считалась бы тогда учиненной только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ она запрещена подѣ страхомъ наказанія. А такъ какъ закономъ мѣста совершенія, согласно нашей теоріи, опредѣляется *только преступность дѣянія*, а не наказуемость или подсудность, то рѣшительно все равно, въ какомъ именно изъ тѣхъ государствъ, законы которыхъ запрещаютъ диффамачію подѣ страхомъ наказанія, она будетъ считаться учиненною. Точное опредѣленіе мѣста совершенія дѣянія имѣетъ значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда законы различныхъ государствъ, могущихъ считаться мѣстомъ учиненія, различно рѣшаютъ вопросъ о преступности дѣянія. Если же законы всѣхъ этихъ государствъ одинаково признаютъ дѣяніе преступнымъ, незачѣмъ и опредѣлять, гдѣ именно оно должно считаться учиненнымъ.

Другое воззрѣніе проф. Таганцева противъ объективной конструкции заключается въ томъ, „что существуютъ посягательства, почитаемыя учиненными на территоріи Россіи, хотя они направлены противъ интересовъ иностранныхъ державъ“. Но весь вопросъ именно въ томъ, *слѣдуетъ ли* ихъ въ самомъ дѣлѣ „почитать учиненными въ Россіи“. Если принять объективную конструкцию, ихъ придется считать совершенными за границей. И въ этомъ нѣтъ никакого неудобства. Напротивъ, только при этомъ условіи вопросъ о преступности подобныхъ посягательствъ можетъ получить правильное разрѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если считать ихъ учиненными въ Россіи, то виновнаго придется наказать, хотя бы по законамъ той державы, противъ которой они направлены, они и не были вовсе запрещены подѣ страхомъ наказанія. При объективной же конструкции они будутъ подлежать уголовному преслѣдованію въ Россіи только подѣ условіемъ признанія ихъ преступными и по законодательству той страны, противъ которой они направлены, что, конечно, справедливѣе.

Не можетъ возникнуть сомнѣній и относительно наказуемости такихъ преступленій, какъ представляющихъ посягательство на публичныя права иностраннаго государства, потому что разъ эти посягательства специально предусмотрѣны

мѣстными уголовными законами, въ этомъ выражается признание распространения на нихъ карательной власти даннаго государства.

Посмотримъ же теперь, какая изъ двухъ возможныхъ конструкций болѣе *послѣдовательна*? Это качество конструкции можетъ быть обсуждаемо съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: въ отношеніи согласимости ея съ болѣе общими положеніями теоріи права и въ отношеніи къ возможности примѣнить данную конструкцию во всѣмъ частнымъ случаямъ, недопуская исключеній.

Нетрудно показать, во первыхъ, что субъективная конструкция не можетъ обойтись безъ весьма широкихъ исключеній. Прежде всего необходимо допустить исключеніе для *delicta omissionis*. Невозможно считать ихъ учиненными тамъ, гдѣ находится субъектъ, такъ какъ въ этомъ именно мѣстѣ при такихъ деликтахъ ровно ничего не совершается. Напротивъ, объектъ посягательства даже въ такихъ случаяхъ терпитъ отъ неисполненія установленной закономъ обязанности. Поэтому, даже Биндингъ, полагаящій, что каждое преступленіе, хотя бы однимъ какимъ-нибудь своимъ элементомъ принадлежало территории, должно считаться совершеннымъ въ странѣ, для *delicta omissionis* устанавливаетъ изъ этого исключеніе, признавая ихъ учиненными только тамъ, гдѣ должна быть исполнена обязанность, т. е. въ мѣстѣ нахождения объекта ¹⁾.

Затѣмъ, если за общее правило принять, что мѣстомъ совершенія дѣянія считается мѣсто нахождения субъекта и, слѣдовательно, преступность дѣянія обсуждается на основаніи закона того же самого мѣста, то придется допустить исключеніе въ отношеніи ко всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, представляющимъ посягательство противъ самого государства. Государство не можетъ допустить безнаказанность направленныхъ противъ него самого посягательствъ по той причинѣ, что въ мѣстѣ нахождения дѣятеля, быть можетъ въ враждебной ему державѣ, дѣянія эти не запрещены закономъ подѣ

¹⁾ Binding, Handbuch, I, 423.

ж. гр. и уг. пр. кн. I 1889 г.

страхомъ наказанія. И дѣйствительно, необходимость этого исключенія признають и сами сторонники субъективной конструкции ¹⁾.

Третье исключеніе, необходимое при субъективной конструкции относится къ тѣмъ случаямъ, когда по законамъ того мѣста, гдѣ находится объектъ, данное дѣяніе не преступно. Въ этомъ случаѣ и по мнѣнію сторонниковъ субъективной конструкции дѣятель не можетъ быть привлеченъ къ уголовной ответственности, хотя бы закономъ мѣста его нахождения и было запрещено подъ страхомъ наказанія ²⁾. Не послѣдовательнѣ ли будетъ, вмѣсто субъективной конструкции со многими и весьма значительными исключеніями, принять объективную конструкцию съ однимъ незначительнымъ исключеніемъ? Но мало того, и въ этомъ-то единственномъ исключеніи, въ сущности, нѣтъ никакой надобности. Иностранцы, находящіеся въ предѣлахъ государства, вообще приравняются въ отношеніи уголовной охраны къ подданнымъ. Они даже и называются временными *подданными* (*Subditi temporarii*). Поэтому, нѣтъ ничего несообразнаго, а, напротивъ, было бы даже послѣдовательнѣ посягательства, совершаемыя изъ за границы, на иностранцевъ, находящихся на нашей территоріи, т. е. посягательства на нашихъ временныхъ подданныхъ, разсматривать совершенно также, какъ и посягательства на нашихъ постоянныхъ подданныхъ. По соображенію ст. 172 съ 170 улож. о наказ. выраженіе „россійскій подданный“, въ ст. 172, можетъ быть толкуемо въ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ не только постоянныхъ, но и временныхъ подданныхъ. Если принять такой взглядъ, то объективная конструкция будетъ примѣнима ко всѣмъ возможнымъ случаямъ, *безъ всякихъ исключеній*.

---

¹⁾ Bar Das internationale Privat und Strafrecht, 1862, S. 541. *Мартенсъ*, Межд. право, II, стр. 373.

²⁾ Bar, Das intern. Privat und Strafrecht, s. 555. Jedoch muss dan die Strafe ausgeschlossen sein, wenn nach den Gesetzen des Ortes, wo nach der Absicht der Handelnden der Erfolg eintritt, dieser als ein erlaubter Zweck der Handlung zu betrachten sei.

Полная послѣдовательность конструкціи требуетъ ея согласія и съ болѣе общими положеніями юридической теоріи. И въ этомъ отношеніи объективная конструкція оказывается послѣдовательнѣе субъективной. Въ международномъ частномъ правѣ рѣшающее значеніе придается не мѣсту нахождения субъекта, а мѣсту нахождения объекта. Поэтому, если принять по интересующему насъ вопросу объективную конструкцію, она окажется только частнымъ примѣненіемъ общаго принципа. Напротивъ, если принять субъективную, она будетъ сама исключеніемъ изъ общаго правила, примѣнимаго ко всѣмъ другимъ юридическимъ фактамъ, кромѣ преступленія. И съ точки зрѣнія современной теоріи, отрицающей принципиальное различіе уголовной и гражданской неправды, допущеніе такого изыятія особенно неудобно. Гражданское взысканіе и уголовное наказаніе, при такомъ взглядѣ на дѣло, представляются только различными послѣдствіями одного и того же правонарушенія. А такъ какъ гражданское правонарушеніе считается совершившимся тамъ, гдѣ находится объектъ, то принятіе субъективной конструкціи приводитъ къ той несообразности, что одно и то же дѣяніе, въ отношеніи къ различнымъ его юридическимъ послѣдствіямъ, разсматривается совершившимся въ разныхъ мѣстахъ.

Кромѣ полноты и послѣдовательности отъ юридической конструкціи требуется также, чтобы она была *естественна*. Искусственность конструкціи непремѣнно вредитъ ея простотѣ и ясности. И вотъ именно съ этой точки зрѣнія и слышатся чаще всего возраженія противъ объективной конструкціи. Говорятъ, что неестественно считать человѣка дѣйствующимъ не тамъ, гдѣ онъ находится ¹⁾; что уголовный законъ, по существу своему, есть норма человѣческой дѣятельности, а не мѣра предупрежденія извѣстныхъ опасностей ²⁾.

Останавливаясь на первомъ изъ этихъ возраженій, мы замѣтимъ, во первыхъ, что положительно возможны случаи,

---

¹⁾ Rohland, Das internationale Strafrecht, 30.

²⁾ Bar, Das internationale Privat und Strafrecht, 555.

когда человѣкъ совершаетъ преступное дѣяніе не тамъ, гдѣ онъ находится. Напримѣръ, если кто либо пишетъ статью, содержащую въ себѣ клевету или оскорбленіе, въ одномъ государствѣ, печатаетъ ее въ другомъ, а самъ находится во время выхода статьи его въ свѣтъ въ третьемъ, то можно ли сказать, чтобы клевета въ печати была имъ совершена тамъ, гдѣ онъ находился въ моментъ выхода книги или журнала? Точно также нельзя сказать, чтобы человѣкъ, производящій взрывъ какого нибудь строенія въ Россіи изъ за границы, посредствомъ замыканія электрическаго тока въ проведенныхъ къ мѣсту взрыва проволокахъ, совершилъ этотъ взрывъ не въ Россіи, а за границей. Тоже самое примѣнимо и ко всѣмъ *delicta omissionis*, которыя не могутъ считаться совершенными тамъ, гдѣ находится субъектъ.

Затѣмъ останется рядъ случаевъ, когда одинаково можно считать дѣяніе учиненнымъ и тамъ, гдѣ находится объектъ, и тамъ, гдѣ находится субъектъ. Но, какъ мы уже говорили, вопросъ вовсе не въ томъ, гдѣ совершилось дѣяніе, а въ томъ, гдѣ *считаютъ* его совершившимся. Поэтому, объективная конструкция не можетъ быть выражаема въ такой отрицательной формѣ: дѣяніе совершается *не тамъ*, гдѣ находится дѣятель. Дѣяніе можетъ быть иногда совершено *и тамъ*, гдѣ находится субъектъ, но только считается оно учиненнымъ всегда въ мѣстѣ нахожденія объекта.

Болѣе серьезно другое возраженіе, усматривающее въ объективной конструкціи противорѣчіе самой природѣ уголовныхъ законовъ, какъ нормъ человѣческой дѣятельности.

Что уголовные законы, какъ всѣ юридическія нормы, суть правила человѣческой дѣятельности—это несомнѣнно. Но выводитъ отсюда, что они установлены не для устраненія тѣхъ опасностей и вреда, какія причиняются преступленіемъ, нѣтъ никакого основанія. Большинство уголовныхъ законовъ облагаетъ наказаніемъ тѣ или другія дѣянія только подъ условіемъ, что ими причиняется кому либо вредъ или опасность. Законы, устанавливающіе наказуемость дѣйствій независимо отъ причиненія ими вреда или опасности, занимаютъ въ уголов-

номъ правѣ самое второстепенное мѣсто. Однако и эти законы устанавливаютъ такую безусловную наказуемость извѣстныхъ дѣйствій только потому, что они обыкновенно, по общему правилу, являются опасными. Цѣль всякой нормы, что либо запрещающей, есть обезпеченіе того или другаго интереса. Уголовные законы, конечно, нормируютъ человѣческую дѣятельность, однако только ради обезпеченія тѣхъ или другихъ охраняемыхъ правомъ благъ, а не безцѣльно ¹⁾. По этому, всякое преступное дѣяніе заключаетъ въ себѣ посягательство на охраненный правомъ интересъ ²⁾. Но посягательство непременно есть посягательство на что нибудь, непременно имѣетъ объектъ, а слѣдовательно непременно и скажется тамъ, гдѣ этотъ объектъ находится. Мы имѣемъ, такимъ образомъ право утверждать, что каждое преступное дѣяніе совершается *и тамъ*, гдѣ находится его объектъ.

До сихъ поръ мы вовсе не касались такихъ случаевъ, когда преступное дѣяніе, развиваясь во времени, различными своими моментами принадлежитъ различнымъ территоріямъ, такъ какъ объектъ его послѣдовательно переходитъ изъ одного государства въ другое. Что же считать мѣстомъ совершенія такихъ дѣяній? Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, *когда* мы будемъ считать ихъ учиненными. Другими словами, тутъ вопросъ не столько о мѣстѣ, сколько о времени совершенія преступления. То мѣсто, гдѣ совершился моментъ, признаваемый моментомъ совершенія, и должно считаться мѣстомъ учиненія преступнаго дѣянія ³⁾.

Точно также разрѣшается и вопросъ о мѣстѣ учиненія дѣящихся преступленій. Онъ также сводится къ вопросу о времени ихъ совершенія. Такъ какъ они считаются учиняемыми во всѣхъ послѣдовательные моменты ихъ длительности, то и мѣстомъ ихъ совершенія могутъ одинаково считаться всѣ тѣ мѣста, гдѣ за это время находился объектъ посяга-

---

¹⁾ Binding, Normen, I 201.

²⁾ Таганцевъ, Лекціи I, 43.

³⁾ Таганцевъ. Лекціи I, 271.

тельства. Считать длящееся преступленіе совершеннымъ въ разныхъ мѣстахъ не представляется никакихъ неудобствъ, совершенно также какъ и относящимся къ различнымъ послѣдовательнымъ моментамъ времени ¹⁾).

Осуществленіе карательнаго права, какъ и всякаго другаго права, обсуждается на основаніи закона мѣста осуществленія, независимо отъ того, гдѣ совершился фактъ, установившій это право. Правило это примѣняется какъ къ самой допустимости осуществленія права, такъ и къ формамъ осуществленія. И вопросъ — *можно ли* въ данномъ мѣстѣ осуществить карательное право, и вопросъ — *какъ* его можно осуществлять, одинаково рѣшается на основаніи закона, дѣйствующаго въ мѣстѣ осуществленія. Хотя бы даннымъ лицомъ было учинено дѣяніе, преступное по закону мѣста его совершенія, его нельзя однако наказывать въ государствѣ, законы котораго не запрещаютъ это дѣяніе подъ страхомъ наказанія. Обыкновенно это выражаютъ такъ: человекъ можетъ быть наказанъ только подъ условіемъ наказуемости учиненнаго имъ дѣянія и по закону мѣста совершенія, и по закону мѣста суда. Основаніемъ тутъ служить то, что установленное въ отношеніи къ данному лицу право наказанія за дѣяніе, преступное по закону мѣста совершенія, не можетъ быть осуществляемо тамъ, гдѣ законъ не облагаетъ этого дѣянія уголовной карой.

Допустимость осуществленія права наказанія въ отношеніи къ данному лицу обусловливается наказуемостью по мѣстнымъ законамъ совершеннаго имъ дѣянія не только *in abstracto*, но также *in concreto*. Недостаточно, чтобы дѣянія извѣстнаго рода вообще были наказуемы: надо, чтобы они были наказуемы и при тѣхъ конкретныхъ условіяхъ, какія имѣются въ данномъ случаѣ. Если наказуемое по мѣстнымъ законамъ дѣяніе окажется совершеннымъ въ возрастѣ, исключаемомъ по этому законодательству возможность уголовного преслѣдованія, или окажется уже покрытымъ давностью, осущес-

---

¹⁾ *Татищевъ*, Лекція, I, 273.

ствленіе въ отношеніи къ нему карательнаго права въ данномъ государствѣ не можетъ имѣть мѣста.

Осуществленіе карательной власти слѣдуетъ при этомъ понимать не въ тѣсномъ смыслѣ непосредственнаго примѣненія наказанія, а въ смыслѣ вообще возбужденія уголовного преслѣдованія. Привлеченіе къ слѣдствію, преданіе суду, самый судъ, а также выдача— все это есть также осуществленіе карательной власти. Никто не станетъ оспаривать возможность видѣть осуществленіе карательной власти въ привлеченіи къ слѣдствію, въ преданіи суду, въ самомъ судѣ. Спорнымъ представляется это только относительно выдачи.

Вслѣдъ за Листомъ ¹⁾ нѣкоторые криминалисты ²⁾ и публицисты ³⁾ видятъ въ выдачѣ преступниковъ не осуществленіе карательной власти, а только актъ судебной помощи иностранному государству, подобный, напр., допросу свидѣтелей по дѣлу, производящемуся въ иностранномъ судѣ. При этомъ не только Листъ и его послѣдователи, но также и противники этого воззрѣнія ⁴⁾ представляютъ дѣло такъ, будто бы признаніе выдачи актомъ судебной помощи необходимо влечетъ за собою обсужденіе допустимости выдачи по законамъ государства, требующаго выдачи ⁵⁾. Такое заключеніе покоится, однако, на нѣкоторомъ недоразумѣніи, а именно—на ошибочномъ предположеніи, будто бы несомнѣнные акты судебной помощи, каковы напр. допросъ свидѣтелей по дѣлу, производящемуся въ иностранномъ судѣ, обсуждаются исключительно по законамъ мѣста суда. Въ дѣйствительности же всѣ конвенціи устанавливаютъ какъ разъ противоположное правило. Допросъ свидѣтеля по дѣлу, производящемуся въ иностранномъ судѣ, допускается лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы

---

¹⁾ Liszt, Sind gleiche Grundsätze des intern. Strafrechts anzustreben, s. 13.

²⁾ Binding, Handbuch, I, s. 397.

³⁾ Мартенсъ, Международное право, II, стр. 364; Martitz, Internationale Rechtshilfe, I, 1888, s. 441.

⁴⁾ Таганцевъ, Лекція, I, стр. 316.

⁵⁾ Liszt, Sind gleiche Grundsätze ect. s. 14; Мартенсъ, Международное право, II, стр. 382.

дѣяніе, въ которомъ обвиняется подсудимый, было наказуемо по законамъ того государства, гдѣ предполагается произвести допросъ ¹⁾). Слѣдовательно, станемъ ли мы считать выдачу осуществленіемъ карательной власти или актомъ судебной помощи, и въ томъ и въ другомъ случаѣ наказуемость дѣянія, за которое требуется выдача, согласно установившимся началамъ положительнаго международнаго права, должна обсуждаться по законамъ государства выдающаго. Конечно и начала положительнаго международнаго права могутъ быть подвергаемы критикѣ. Но для того, чтобы измѣнить установившуюся разъ международную практику нужны очень вѣсныя и серьезные доводы. Между тѣмъ, обыкновенно, у писателей, отстаивающихъ по данному вопросу противоположное установившейся практикѣ воззрѣніе, все дѣло ограничивается совершенно голословнымъ утвержденіемъ, будто допустимость актовъ судебной помощи должна обсуждаться по законамъ не помогающаго государства, а того, которому помогаютъ. Тѣ же писатели, которые не ограничиваются такой отвлеченной, логической аргументаціей, а хотя бы стараются пояснить свои выводы конкретными примѣрами, приходятъ въ непримиримое противорѣчіе сами съ собой. Такъ, проф. Мартенсъ, высказавъ на стр. 382, что „выдача должна послѣдовать за всѣ дѣянія, признаваемые преступными по законамъ мѣста ихъ совершенія, будутъ ли они, да или нѣтъ, наказуемы по законамъ мѣстопробыванія—все равно“, на слѣдующей страницѣ оговаривается, „что выдача лица, не совершившаго дѣянія преступнаго по законамъ государства, отъ котораго она требуется, явилась бы актомъ, противнымъ его уголовной совѣсти, всѣмъ его воззрѣніямъ—юридическимъ и нравственнымъ“. Но вѣдь одно другому противорѣчить? Очевидно, предусматривая это возраженіе, проф. Мартенсъ замѣ-

---

¹⁾ Bard, Précis du droit international, 1883, p. 116. Bulmerincq, Völkerrecht, 1884, s. 253. (Marquardsen's Handbuch, B. I, 2) Lammasch, Staatsverträge, betreffend Rechtshilfe und Auslieferung (Holtzendorf's Handbuch, B. III, № XXI) s. 576.

часть только, что это „соображеніе, конечно, разумно и справедливо, но рѣдко можетъ получить практическое примѣненіе, ибо дѣло касается взаимныхъ отношеній государствъ образованныхъ, европейскихъ, которыхъ понятія и законы уголовныя по существу и рѣзко не различаются“. Рѣдко?— допустимъ ¹⁾: но все же и между законами такихъ государствъ встрѣчаются существенныя различія и самый вопросъ о томъ, на основаніи какого закона слѣдуетъ обсуждать допустимость выдачи за данное дѣяніе, только тогда и возникаетъ, когда такое различіе существуетъ. А кромѣ того есть одинъ вопросъ уголовного права, различія по которому въ отдѣльныхъ законодательствахъ составляютъ, можно сказать, обычное явленіе. Это—опредѣленіе сроковъ давности. По какому же закону слѣдуетъ опредѣлять истеченіе давности? И на этотъ вопросъ проф. Мартенсъ даетъ два другъ другу противорѣчащихъ отвѣта.

„Большинство конвенцій высказывается за давность страны выдающей. Но правильнѣе опредѣлять ее по законамъ государства, требующаго выдачи. Впрочемъ мнѣніе это страдаетъ однимъ недостаткомъ: оно требуетъ отъ государства выдающаго нѣкотораго отреченія отъ своихъ нравственныхъ и юридическихъ воззрѣній, выражающихся въ уголовномъ законѣ. У насъ, напр., отцеубійство не погашается давностью. Вправдѣ ли русское правительство требовать, чтобы государство, въ которомъ находится лицо, совершившее это преступленіе, скажемъ лѣтъ 30 тому назадъ, согласилось на выдачу, если по его законамъ срокъ этотъ уже погасилъ возмездіе? Выдача такого преступника стала бы въ разрѣзъ съ юридическою совѣстью государства выдающаго“ ²⁾. Такимъ образомъ, весьма удачно выбраннымъ примѣромъ проф. Мартенсъ самъ дока-

¹⁾ Liszt, Sind gleiche Grundsätze etc., s. 15, на котораго въ этомъ мѣстѣ ссылается проф. Мартенсъ, утверждаетъ противоположное: „Trotz Uebereinstimmung in den Normen ist grösste Verschiedenheit der Strafgesetzgebung möglich; jene kann daher, wenn auf Uebereinstimmung der Gesetzgebung Gewicht gelegt werden soll, nicht zum Kriterium für die Zulässigkeit der Auslieferung gemacht werden.

²⁾ Мартенсъ, Международное право, II, стр. 424.

заль несостоятельность принятаго имъ взгляда, что выдача есть актъ судебной помощи и, потому, должна обсуждаться на основаніи законовъ державы, требующей выдачи.

Независимо отъ выводовъ, дѣлаемыхъ изъ признанія выдачи актомъ судебной помощи, и самое это признаніе представляется не подтвержденнымъ достаточно убѣдительными доводами. Листъ, выставляя свое положеніе, считалъ его безспорнымъ. Биндингъ, хотя и имѣетъ въ виду противоположное воззрѣніе, все таки ограничивается голословнымъ утвержденіемъ, что выдача совершенно однородна съ допросомъ свидѣтелей по дѣлу, производящемуся въ иностранномъ судѣ. Между тѣмъ спорный вопросъ въ томъ и заключается—однородна ли выдача съ подобными случаями судебной помощи.

Проф. Мартенсъ, высказавъ положеніе, что „выдача не есть „суррогатъ“ права наказанія и она не „замѣняетъ“ и не „пополняетъ“ судъ и наказаніе государства выдающаго“, прибавляетъ затѣмъ, въ видѣ поясненія: „право наказанія имѣетъ только то государство, которое находится въ какомъ либо юридическомъ отношеніи къ преступнику или къ преступленію“. Это могло бы служить доказательствомъ невозможности считать выдачу осуществленіемъ карательной власти только подъ тѣмъ условіемъ, если бы проф. Мартенсъ доказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда имѣется такое „юридическое отношеніе къ преступленію или преступнику“, выдача не допускается. Но онъ не только не попытался доказать это, а даже, напротивъ, нѣсколькими строками ниже отвергаетъ необходимую для аргументацію предпосылку, высказываясь за выдачу собственныхъ подданныхъ. На страницѣ же 363 его книги подданство какъ разъ отнесено къ юридическимъ отношеніямъ, обосновывающимъ право наказанія.

Обстоятельствѣ другихъ аргументируетъ свое положеніе Мартитцъ. Но и у него вся аргументація опирается на произвольно установленное имъ *ad hoc* положеніе, будто отправленіе правосудія охраняетъ исключительно національное

право ¹⁾: выдача имѣетъ дѣло съ чужимъ правомъ, слѣдовательно она не актъ правосудія, слѣдовательно она не есть осуществленіе карательнаго права.

Не трудно показать совершенную несостоятельность такой аргументаціи. Во первыхъ, стоитъ вспомнить международное частное право и убѣдиться, что правосудіе не ограничивается защитой только національнаго, туземнаго права. Мартитцъ тутъ, самъ того не замѣчая, приходитъ къ отвергаемой имъ ²⁾ реальной теоріи Биндинга. Во вторыхъ, и это важнѣе всего, осуществленіе карательной власти вовсе не всегда и не всецѣло совершается актами правосудія. Карательная власть можетъ быть осуществлена и административными актами. Актъ правосудія составляетъ, собственно, производство суда; примѣненіе же наказаніе на основаніи уже состоявшагося о томъ судебного приговора есть собственно административная мѣра, почему и относится къ компетенціи уже не судебныхъ, а административныхъ учреждений. Поэтому, хотя бы выдача и была административной мѣрой, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она не могла быть осуществленіемъ карательной власти.

Такимъ образомъ утвержденіе, будто выдача есть только актъ судебной помощи, во всякомъ случаѣ, голословно. Но и опровергнуть его не трудно. Выдачѣ предшествуетъ изслѣдованіе основательности заявленнаго противъ даннаго лица обвиненія, разсмотрѣніе представленныхъ доказательствъ, обыкновенно предварительный арестъ выдаваемаго. Все это, по существу своему, слѣдственные дѣйствія и они совершаются не въ интересѣ и не по требованію иностраннаго правительства. Интересъ государства, помогающаго выдачи, заключается только въ самой выдачѣ. Эти слѣдственные дѣйствія предпринимаются также не для того, чтобы облегчить иностранному суду постановку приговора, а для выясненія дѣла и постановленія рѣшенія по вопросу о выдачѣ органами государства выдающаго. Бываютъ случаи, когда

---

¹⁾ Martitz, Internationale Rechtshilfe, I, s. 449.

²⁾ Martitz, Intern. Rechtshilfe, I, 47.

выдача является актомъ судебной помощи: это выдача уже осужденныхъ. Но къ этимъ случаямъ и не примѣняется требованіе о предварительной повѣрки основательности обвиненія. Тутъ достаточно доказать, что имѣется вошедшій въ законную силу приговоръ компетентнаго суда и только. Существованіе такого различія, при однородности всѣхъ случаевъ выдачи, было бы рѣшительно непонятно. Если бы всѣ случаи выдачи были въ самомъ дѣлѣ однородны съ такими мѣрами судебной помощи, какъ напр. допросъ свидѣтеля по дѣлу, производящемуся иностранномъ судѣ, они бы должны подчиняться тѣмъ же условіямъ примѣненія. Въ дѣйствительности эти условія существенно различны. Для допустимости допроса свидѣтеля достаточно установить фактъ производства уголовного дѣла; повѣрки основательности обвиненія не требуется. Для выдачи необходима именно такая повѣрка. Затѣмъ допросъ свидѣтеля возможенъ и по обвиненію собственнаго подданнаго: выдачѣ собственные подданные не подлежатъ. Правда, француско-баварская конвенція 1869 года (актъ 12) не допускаетъ допроса свидѣтелей по обвиненію въ иностранномъ судѣ собственнаго подданнаго. Но это единственное исключеніе, признаваемое даже тѣми, для кого выдача есть только актъ судебной помощи, „довольно страннымъ ограниченіемъ“ ¹⁾. Конечно, важнѣе всего первое изъ указанныхъ различій. Если бы выдача была актомъ судебной помощи, а не осуществленіемъ права наказанія, тогда было бы совершенно непонятно, зачѣмъ при выдачѣ требуется доказать основательность обвиненія. Когда помогаешь другому въ его собственномъ дѣлѣ, то и руководишься тѣмъ, что онъ считаетъ нужнымъ. Разсмотрѣніе доказательствъ основательности обвиненія есть, по существу своему, слѣдственное дѣйствіе и, потому, не можетъ не составлять осуществленія права уголовного преслѣдованія. Постановленіе о выдачѣ есть актъ, совершенно однородный съ преданіемъ суду: различіе лишь въ томъ, что въ одномъ

---

¹⁾ *Мартенсъ*, Междунар. правс, II, 429.

случаѣ обвиняемый предается туземному суду, а въ другомъ иностранному.

Нельзя не обратить вниманія также и на то, что только признавая выдачу осуществленіемъ карательной власти выдающаго, можно объяснить общепринятое въ международномъ правѣ начало, по которому выданный можетъ быть судимъ только за дѣяніе, послужившее поводомъ къ выдачѣ. Если бы выдача была только актомъ судебной помощи, только устраненіемъ препятствія для осуществленія карательной власти требующаго выдачи, тогда было бы совершенно непонятно такое ограниченіе. Но если въ выдачѣ видѣть актъ, однородный съ актомъ преданія суду, то ограниченіе является не только вполне понятнымъ, но даже необходимымъ.

И такъ, слѣдуетъ признать, что выдача обвиняемыхъ есть осуществленіе карательной власти и, слѣдовательно, допустимость ея должна, какъ это и установилось въ международной практикѣ, обсуждаться на основаніи законовъ выдающаго государства. Выдача и судъ суть двѣ различныя формы осуществленія карательной власти государства ¹⁾. Допустимость ихъ и *in abstracto*, и *in concreto* обсуждается на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ—законовъ мѣстныхъ и, кромѣ того, допустимость ихъ одинаково ограничивается рамками международной уголовной репрессіи (см. выше).

Какъ самая допустимость, такъ и *формы* осуществленія карательной власти, опредѣляются законами мѣста осуществленія. Это положеніе представляется безспорнымъ. Никто не станетъ утверждать, чтобы процедура выдачи или уголовного суда и назначеніе наказанія опредѣлялось не мѣстными законами. Если иногда менѣе строгая наказуемость по закону мѣста совершенія и принимается въ соображеніе, то только на основаніи уполномочивающаго къ тому постановленія закона мѣста суда.

---

¹⁾ L a m m a s c h, Statsvetrage, betreffend Rechtshilfe und Auslieferung, im Holtzendorf's Handbuch, B. III, 1887, § 467.—*Таганцевъ*, Лекціи, I, стр. 310.

Мы свели, такимъ образомъ, всѣ основные вопросы между народнаго уголовного права въ весьма простой конструкціи и достигли этого только благодаря отдѣленію двухъ, обыкновенно смѣшиваемыхъ, вопросовъ объ объемѣ карательной власти и о соотношеніи разномѣстныхъ уголовныхъ законовъ.

Объемъ карательной власти государства въ отношеніи къ преступленіямъ, учиненнымъ за границей, опредѣляется исторически развивающимися условіями международнаго общенія. Общаго, всегда пригоднаго рѣшенія этотъ вопросъ не допускаетъ. Можно только сказать, что международная уголовная репрессія ограничивается посягательствами лишь на права, получившія международное признаніе и, притомъ, не распространяется на правонарушенія маловажныя.

Вопросъ о взаимномъ соотношеніи уголовныхъ законовъ различныхъ государствъ допускаетъ принципиальное общее рѣшеніе и разрѣшается тѣмъ общимъ началомъ, что каждый юридическій фактъ обсуждается на основаніи закона того мѣста, гдѣ онъ совершается. Поэтому установленіе права наказанія въ отношеніи къ данному лицу за учиненное имъ дѣяніе обсуждается по закону мѣста совершенія этого дѣянія, причемъ мѣстомъ этимъ слѣдуетъ всегда считать мѣсто нахожденія объекта.

Осуществленіе права наказанія, посредствомъ ли суда или посредствомъ выдачи обвиняемаго, обсуждается по закону мѣста осуществленія и, притомъ, какъ самая допустимость осуществленія, такъ и форма его.

Н. Коркуновъ.

ЗА МѢСЯЦЪ.

(Юридическая хроника).

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1886 г. въ связи съ отчетомъ за 1885 г.—Объ измѣненіи ст. 599 улож. о нак.—Объ установленіи отвѣтственности за совершеніе духовныхъ требъ для лицъ православнаго исповѣданія.—Измѣненіе порядка разсмотрѣнія судебными мѣстами дѣлъ о преступленіяхъ противъ православной вѣры.—Новый „союзъ криминалистовъ“.—Два слова читателямъ хроники.

Въ настоящей хроникѣ, прежде всего, мы займемся отчетомъ по главному тюремному управленію за 1886 г., но такъ какъ предшествовавшій ему отчетъ за 1885 г. не подвергался разсмотрѣнію въ нашемъ журналѣ, то мы, для большей рельефности картины тюремной жизни, будемъ пользоваться цифрами обоихъ отчетовъ.

Статистическія свѣдѣнія за 1886 г. разработаны по:

- 1) 703 тюремнымъ учрежденіямъ общаго устройства;
- 2) 120 тюрьмамъ и арестамъ губерній Привислянскаго края;
- 3) 34 исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ;
- 4) 12 каторжнымъ тюрьмамъ;
- 5) 6 пересыльнымъ тюрьмамъ.

Итого—по 875 мѣстамъ заключенія.

Изъ вѣдомостей, которыми начинается отчетъ, видно, что во всѣхъ мѣстахъ заключенія имперіи къ 1 января 1886 г. содержалось 99.973 арестанта, которые, по отдѣльнымъ категориямъ мѣстъ заключенія, распределялись слѣдующимъ образомъ:

1) Въ тюрьмахъ общаго устройства:

м. 64.494 } 70.978 или 71,00%
ж. 6.484 }

2) Въ тюрьмахъ и арестахъ Привислянского края:

м. 6.788 } 8.119 или 8,12%
ж. 1.331 }

3) Въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ:

м. 9.816 } 9.816 или 9,82%
ж. — }

4) Въ каторжныхъ тюрьмахъ:

м. 6.489 } 7.324 или 7,32%
ж. 835 }

5) Въ пересыльныхъ тюрьмахъ:

м. 3.308 } 3.736 или 3,74%
ж. 428 }

А всего м. 90.895 } 99.973
ж. 9.078 }

По категориямъ арестантовъ наличность тюремнаго населенія къ 1 января 1886 г. распределялась слѣдующимъ образомъ:

1) Состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ:

Во всѣхъ мѣстахъ заключенія къ 1 января 1885 г. содержалось 94.488 арестантовъ, которые, по отдѣльнымъ категориямъ мѣстъ заключенія, распределялись слѣдующимъ образомъ:

м. 62.172 } 68.578 или 72,58%
ж. 6.406 }

м. 6.790 } 8.116 или 8,59%
ж. 1.326 }

м. 7.823 } 7.823 или 8,28%
ж. — }

м. 5.786 } 6.531 или 6,91%
ж. 745 }

м. 2.717 } 3.440 или 3,64%
ж. 723 }

А всего м. 85.288 } 94.478
ж. 9.200 }

По категориямъ арестантовъ наличность тюремнаго населенія къ 1 января 1885 г. распределялась слѣдующимъ образомъ:

м. 25.888	{ 27.519или 27,53°/о	м. 24.626	{ 26.287или 27,28°/о
ж. 1.631		ж. 1.661	

2) Присужденныхъ къ заключенію на срокъ:

м. 45.490	{ 49.940или 49,95°/о	м. 42.143	{ 46.343или 49,05°/о
ж. 4.450		ж. 4.200	

3) Сильныхъ:

м. 12.787	{ 13.540или 13,55°/о	м. 11.582	{ 12.473или 13,20°/о
ж. 753		ж. 891	

4) Пересыльныхъ:

м. 4.894	{ 5.432или 5,43°/о	м. 5.093	{ 5.626или 5,95°/о
ж. 538		ж. 533	

5) Другихъ категорій и содержащихся по распоряженію админист. и полиц. властей.

м. 671	{ 692или 0,69°/о	м. 692	{ 716или 0,76°/о
ж. 21		ж. 24	

6) Добровольно слѣдующихъ за ссыльными и дѣтей:

м. 1.165	{ 2.850или 2,85°/о	м. 1.152	{ 3.043или 3,22°/о
ж. 1.685		ж. 1.891	

А всего	м. 90.895	{ 99.973	А всего	м. 85.288	{ 94.488
	ж. 9.078			ж. 9.200	

Въ теченіи отчетнаго года по всѣмъ мѣстамъ заключенія прибыло вновь арестантовъ 686.760, а именно:

1) Въ тюрьмы общаго устройства:

м. 468.739	{ 539.085или 78,50°/о
ж. 70.346	

2) Въ мѣста заключенія Приислянскаго края:

м. 35.349	{ 42.502или 6,19°/о
ж. 7.153	

ж. гр. и уг. кн. і 1889 г.

Въ теченіи отчетнаго года по всѣмъ мѣстамъ заключенія прибыло вновь арестантовъ 703.254, а именно:

м. 471.181	{ 539.650
ж. 68.463	

м. 38.957	{ 47.094
ж. 8.137	

10

3) Въ исправительныя арестантскія отдѣленія:

м. 8.603 } 8.618 или 1,25%
ж. 15 }

м. 8.790 } 8.852
ж. 62 }

4) Въ ваторжныя тюрьмы:

м. 4.790 } 5.276 или 0,77%
ж. 486 }

м. 5.395 } 6.086
ж. 691 }

5) Въ пересыльныя тюрьмы:

м. 75.746 } 91.279 или 13,29%
ж. 15.533 }

м. 83.854 } 101.572
ж. 17.718 }

А всего м. 593.227 } 686.760
ж. 93.533 }

А всего м. 608.183 } 703.254
ж. 95.071 }

Присоединяя прибыль арестантовъ къ остатку на 1 января 1886 г., оказывается, что въ теченіи всего 1886 г. въ тюрьмахъ содержалось:

1) Въ тюрьмахъ общаго устройства:

м. 533.233 } 610.063 или 77,54%
ж. 76.830 }

м. 533.359 } 608.228 или 76,25%
ж. 74.869 }

2) Въ мѣстахъ заключенія Привислинскаго края:

м. 42.137 } 50.621 или 6,44%
ж. 8.484 }

м. 45.747 } 55.210 или 6,92%
ж. 9.463 }

3) Въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ:

м. 18.419 } 18.434 или 2,34%
ж. 15 }

м. 16.613 } 16.675 или 2,09%
ж. 62 }

4) Въ ваторжныхъ тюрьмахъ:

м. 11.279 } 12.600 или 1,60%
ж. 1.321 }

м. 11.181 } 12.617 или 1,58%
ж. 1.436 }

5) Въ пересыльныхъ тюрьмахъ:

м. 79.054 } 95.015 или 12,08%
ж. 15.961 }

м. 86.571 } 105.012 или 13,16%
ж. 18.441 }

А всего м. 684.122 } 786.733
ж. 102.611 }

А всего м. 693.471 } 797.742
ж. 104.271 }

Суммы эта не означаютъ однако, замѣчаютъ составители отчета, что таково было дѣйствительное число арестантовъ, т. е. что столько было отдѣльныхъ лицъ, подвергнутыхъ заключенію въ тюрьмахъ, такъ какъ многіе арестанты, въ особенности пересыльные, переходя изъ одной тюрьмы въ другую, въ каждой изъ нихъ считаются вновь прибывшими, а потому если, напримѣръ, арестантъ, при пересылѣ, прополъ черезъ 10 тюремъ, то онъ показанъ 10 разъ вновь прибывшимъ, чѣмъ значительно увеличивается общее число арестантовъ. Нельзя не удивляться, добавимъ мы отъ себя, этому обстоятельству. Какое же значеніе могутъ имѣть статистическія данныя, которыя по заявленію самихъ составителей не согласны съ истиной? Но возвращаемся къ отчету.

Въ теченіи 1886 г. выбыло арестантовъ:		Въ теченіи 1885 г. выбыло арестантовъ:	
1) Изъ тюремъ общаго устройства:			
м. 464.909	} 534.651 или 78,52 ⁰ / ₀	м. 468.865	} 537,250
ж. 69.742		ж. 68.385	
2) Изъ мѣстъ заключенія Привислинскаго края:			
м. 35.015	} 42.138 или 6,19 ⁰ / ₀	м. 38.959	} 47,091
ж. 7.123		ж. 8.132	
3) Изъ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій:			
м. 7.198	} 7.213 или 1,06 ⁰ / ₀	м. 6.797	} 6,859
ж. 15		ж. 62	
4) Изъ каторжныхъ тюремъ:			
м. 4.836	} 5.230 или 0,77 ⁰ / ₀	м. 4.692	} 5,293
ж. 394		ж. 601	
5) Изъ пересыльныхъ тюремъ:			
м. 76.184	} 91.623 или 13,46 ⁰ / ₀	м. 82.263	} 101,276
ж. 15.439		ж. 18.013	
А всего	м. 588.142 } 680.855	А всего	м. 602.876 } 697,769
	ж. 92.713 }		ж. 95.193 }

Затѣмъ въ январѣ 1887 г.
въ мѣстахъ заключенія осталось
арестантовъ:

1) Въ тюрьмахъ общаго уст-
ройства:

м. 68.324 } 75.412 или 71,23%
ж. 7.088 }

2) Въ мѣстахъ заключенія при-
вислинскаго края:

м. 7.122 } 8.483 или 8,01%
ж. 1.361 }

3) Въ исправительныхъ арес-
тантскихъ отдѣленіяхъ:

м. 11.221 } 11.221 или 10,60%
ж. — }

4) Въ каторжныхъ тюрьмахъ:

м. 6.443 } 7.370 или 6,96%
ж. 927 }

5) Въ пересыльныхъ тюрьмахъ:

м. 2.870 } 3.392 или 3,20%
ж. 522 }

А всего м. 96.980 } 105.878
ж. 9.898 }

При сравненіи наличности
арестантовъ къ 1 января
1886 г. съ таковою же
наличностью къ 1 января
1887 г. замѣчается значитель-
ное увеличеніе, а именно:

Къ 1 января 1886 года содер-
жалось . . . 99.973 чел.

Къ 1 января 1887 года содер-
жалось . . . 105.878 чел.

т. е. болѣе на 5.904 чел.

Затѣмъ къ 1 января 1886 г.
въ мѣстахъ заключенія осталось
арестантовъ:

м. 64.494 } 70.978 или 71,00%
ж. 6.484 }

м. 6.788 } 8.119 или 8,12%
ж. 1.331 }

м. 9.816 } 9.816 или 9,82%
ж. — }

м. 6.489 } 7.324 или 7,33%
ж. 835 }

м. 3.308 } 3.736 или 3,54%
ж. 428 }

А всего м. 90.895 } 99.973
ж. 9.078 }

При сравненіи наличности
арестантовъ къ 1 января 1885 г.
съ таковою же наличностью
къ 1 января 1886 г. замѣчалось
также значительное увеличеніе, а
именно:

Къ 1 января 1885 г. содер-
жалось . . . 94.483 чел.

Къ 1 января 1886 г. содер-
жалось . . . 99.973 чел.

т. е. болѣе на 5.485 чел.

Затѣмъ къ 1 января 1887 г.			Затѣмъ къ 1 января 1886 г.		
осталось арестантовъ:			осталось арестантовъ:		
1) Состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ:					
м.	25.115	26.936или25,44°/о	м.	25.888	27.519или27,43°/о
ж.	1.821		ж.	1.631	
2) Присужденныхъ на срокъ:					
м.	51.503	56.355или53,23°/о	м.	45.490	49.940или49,96°/о
ж.	4.852		ж.	4.450	
3) Ссылныхъ:					
м.	12.532	13.186или12,45°/о	м.	12.787	13.540или13,54°/о
ж.	654		ж.	753	
4) Пересыльныхъ:					
м.	4.760	5.250или4,96°/о	м.	4.894	5.432или5,53°/о
ж.	490		ж.	538	
5) Другихъ категорій административныхъ					
м.	656	681или0,64°/о	м.	671	692или0,69°/о
ж.	25		ж.	21	
6) добровольно слѣдующихъ и дѣтей.					
м.	1.414	3.470или3,28°/о	м.	1.165	2.850или2,85°/о
ж.	2.056		ж.	1.685	
А всего			А всего		
	м. 95.980	105,878		м. 90.895	99,973
	ж. 9.898			ж. 9.078	

При разсмотрѣніи средняго ежедневнаго состава арестантовъ въ тюрьмахъ, относительное распредѣленіе ихъ по категоріямъ, по сравненію съ предшествующимъ годомъ, не представляетъ особыхъ измѣненій.

А именно: процентное отношеніе было слѣдующее:

	1886 г.	1885 г.
1. Состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ .	26,29	27,26
2. Присужденныхъ къ заключенію въ тюрьму .	35,15	34,63
3. Присужденныхъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія	14,82	12,99
4. Присужденныхъ къ аресту	1,05	0,94

5. Ссылно-ваторжныхъ	8,15	8,70
6. Ссылно-поселенцевъ	2,03	1,95
7. Ссылаемыхъ по суду въ Сибирь на водвореніе бродягъ	1,06	1,00
8. Ссылаемыхъ по суду на житье	0,32	0,37
9. Ссылаемыхъ въ Сибирь не принятыхъ обществами послѣ суда и наказанія	0,76	0,91
10. Удаляемыхъ въ Сибирь по приговорамъ обществъ	0,64	0,82
11. Удаляемыхъ въ Сибирь и отдаленныя губерніи по распоряженію административныхъ властей	0,06	0,11
12. Пересыльныхъ	5,46	5,99
13. Арестантовъ другихъ категорій и содержащихся по распоряженію административныхъ и полицейскихъ властей	0,75	0,71
14. Добровольно слѣдующихъ за ссыльными и дѣтей	3,46	3,62
Всего	100	100

Обращаясь къ разсмотрѣнію приведенныхъ цифръ, нельзя не обратить серьезнаго вниманія на невозможно большую цифру арестантовъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ. По отчету болѣе $\frac{1}{4}$ части арестантовъ числилось за судебными мѣстами, а въ дѣйствительности процентъ этотъ гораздо выше, если принять во вниманіе вышеуказанное, неправильное исчисленіе пересыльныхъ арестантовъ. Вопросъ о предварительномъ заключеніи подсудимыхъ и подслѣдственныхъ давно составляетъ большое мѣсто нашихъ судебныхъ порядковъ, въ чемъ неосновательно, впрочемъ, винить одни судебныя учрежденія, такъ какъ сплошь и рядомъ полиція—на требованіе судебного слѣдователя учредить надъ обвиняемымъ надзоръ, отвѣчаетъ слѣдователю, что обвиняемый опредѣленнаго мѣста жительства не имѣетъ, а потому надзоръ надъ нимъ учредить невозможно и обвиняемаго слѣдователь поневолѣ заключаетъ въ тюрьму. Правда и то, что нерѣдко просто въ видахъ удобства производить слѣдствіе, дабы обвиняемый

былъ всегда подъ рукой, а не скрылся, слѣдователи мѣрой пресѣченія избираютъ поручительство, впередъ зная, что обвиняемый такового представить не можетъ. Результатъ этой мѣры—безцѣльное и вредное во всѣхъ отношеніяхъ увеличеніе тюремнаго населенія на нѣсколько процентовъ. Второе обстоятельство, на которомъ нельзя не остановиться, это невѣроятное количество пересыльных арестантовъ. Конечно Россія велика, а способъ исчисленія пересыльных неправиленъ, но если даже убавить его на треть, то все таки количество пересыльных арестантовъ будетъ громадно. Болѣе точныя свѣдѣнія о количествѣ пересылаемыхъ видны изъ вѣдомости, въ которой указано число арестантовъ, пересылаемыхъ по желѣзнымъ дорогамъ—таковыхъ было въ 1886 г. 230.061. Что стоитъ эта пересылка видно изъ того, что однѣ издержки на отправку арестантовъ въ Сибирь, считая въ томъ числѣ одежду, продовольствіе и леченіе, составляютъ громадную сумму въ 1.148.269 р. 4 к., а въ 1885 г. для той же цѣли было израсходовано 1.209.647 р. и 77³/₄ к. Кромѣ того, для удешевленія перевозки арестантовъ между Нижнимъ Новгородомъ и Пермью, главное управленіе заключило контрактъ съ купцомъ Григорьевымъ, которому выдано въ безпроцентную субсидію 200.000 р. Въ эти суммы, истраченные на перевозку арестантовъ, не вошла стоимость перевозки ссыльно-каторжныхъ на островъ Сахалинъ. Нѣкоторая и не малая часть этихъ расходовъ падаетъ на бродягъ, которые путешествуютъ всю свою жизнь на казенный счетъ по Россіи, называясь уроженцами разныхъ мѣстностей и затѣмъ изъ Россіи въ Сибирь, откуда они непремѣнно возвращаются собственными средствами. Къ тому же съ пересылкой бродягъ не церемонятся подчасъ и судебные слѣдователи.

Женщины въ тюрьмахъ составляютъ среднимъ числомъ около 8%, причемъ въ различныхъ мѣстностяхъ этотъ % подвергается сильнымъ колебаніямъ. Напр. въ Калишской губерніи женщинъ преступницъ было 23%, въ Курляндской 22%, въ Плоцкой 20%. Между тѣмъ какъ на Кавказѣ онѣ

составляютъ всего $1\frac{1}{2}\%$, т. е. женщины Привислинскихъ губерній въ 40 разъ преступнѣе кавказскихъ и вдвое преступнѣе русскихъ женщинъ, такъ какъ, въ среднемъ выводѣ, за 6 лѣтъ, число арестованныхъ въ Привислинскомъ краѣ женщинъ составляетъ около 16% общаго числа арестантовъ, а въ остальныхъ мѣстахъ заключенія ровно половину этого числа, т. е. 8% . Высокій процентъ женщинъ арестантовъ въ Курляндской губерніи объясняется отчасти тѣмъ, что въ митавскій тюремный замокъ переводятся всѣ срочныя арестантки изъ г. Риги, Лифляндской губерніи. Что же касается до Привислинскаго края, то указанное явленіе заслуживаетъ особаго вниманія. Большинство женщинъ отбывало срочное тюремное заключеніе въ Калишской губерніи. Изъ имѣющихся у насъ подъ руками статистическихъ свѣдѣній видно, что изъ приговоренныхъ къ срочному аресту 1600 арестованныхъ было 400 слишкомъ женщинъ.

Затѣмъ, рассматривая арестантовъ по категоріямъ, нельзя не обратить вниманія на количество дорого стоющихъ правительству бродягъ, законодательство о которыхъ настоятельно требуетъ измѣненія, о чемъ много разъ указывалось въ печати. Отчетъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ справедливости мнѣнія, что бродяги нѣчто иные, какъ дѣти ссыльно-каторжныхъ ¹⁾. Въ 46 мѣстностяхъ изъ 97, бродяги составляютъ отъ одного до 10% ; въ 43 мѣстностяхъ (Кавказъ, Привислинскій и Прибалтійскій край по преимуществу) бродяги не превышали 1% ; болѣе же 10% они составляли лишь въ 8 мѣстностяхъ. Пять изъ послѣднихъ относятся къ губерніямъ сибирскимъ, а остальные—къ портовымъ городамъ: Кронштадту, Николаеву и Керчи, гдѣ бродяги считаютъ возможнымъ долѣе не попадаться и куда потому они охотнѣе идутъ. Затѣмъ въ сосѣдней съ Сибирью губерніи—Пермской, находится 10% бродягъ.

---

¹⁾ См. ст. Н. Селиванова „Бродяги, празднишатающіеся и нищіе“. Жур. гражд. и угол. права 1883 г.

Ознакомясь съ количествомъ арестантовъ и ихъ категоріями, переходимъ къ очень интересному отдѣлу отчета, касающемуся острова Сахалина и первоначальнаго и нынѣшняго его значенія.

Въ 1886 г. были отправлены на островъ Сахалинъ на пароходахъ добровольнаго флота „Кострома“ и „Нижній-Новгородъ“ двѣ партіи ссыльно-каторжныхъ мужчинъ, по 525 человѣкъ каждая, и на пароходѣ „Россія“ 115 ссыльно-каторжныхъ женщинъ; при нихъ одинъ мужъ, слѣдующій за своею женою, и 15 дѣтей и 73 жены и 119 дѣтей, изъ числа семействъ преступниковъ, слѣдующихъ добровольно въ ссылку.

Всѣ три вышеназванные парохода добровольнаго флота съ отправленными съ ними ссыльными и грузомъ достигли благополучно мѣста своего назначенія, причемъ пароходъ „Кострома“ прибылъ на Сахалинъ 18 мая (Корсаковский постъ), „Нижній-Новгородъ“ 17 августа и „Россія“ 8 октября (Александровскій рейдъ).

Уплачено обществу добровольнаго флота:

а) за провозъ изъ г. Одессы на островъ Сахалинъ 1050 ссыльно-каторжныхъ, съ продовольствіемъ во время пути	224.700 руб.
б) за провозъ 116 каторжныхъ женщинъ съ 6 дѣтьми, въ томъ числѣ одинъ взрослый	25.531 „
в) за провозъ съ продовольствіемъ на Сахалинъ семействъ, добровольно слѣдовавшихъ за преступниками	17.640 „
г) за обратный провозъ съ Сахалина въ Одессу семействъ ссыльно-каторжныхъ, умершихъ на островѣ	960 „

Всего . . . 268.831 руб.

И кромѣ того отправлено вещей и провіанта на 400 сѣмьомъ тысячъ рублей.

Островъ Сахалинъ до 1879 г. служилъ, главнымъ образомъ, мѣстомъ добычи угля въ дуйскихъ каменно-угольных копяхъ, для чего направлялись туда небольшія партіи каторж-

ныхъ, на время присужденнаго имъ срока работъ. Только въ 1879 г. былъ произведенъ первый опытъ болѣе значительной (до 600 чел.) посылки на островъ каторжныхъ и, притомъ, непосредственно морскимъ путемъ изъ Одессы, съ поселеніемъ ихъ притомъ навсегда на островѣ.

Такой способъ передвиженія каторжныхъ съ одной стороны, а съ другой—избраніе острова для постоянного водворенія тамъ ссыльныхъ оказались настолько практичными, что, согласно заключенію начальника главнаго тюремнаго управленія, командированнаго въ 1881—1882 г.г. въ Сибирь и на островъ Сахалинъ, было рѣшено удвоить ежегодную высылку каторжныхъ на островъ, признавъ его главнымъ пунктомъ сосредоточенія этой категоріи преступниковъ, первоначально для отбытія присужденнаго имъ срока работъ, а затѣмъ для окончательнаго поселенія на островѣ. Это послѣднее обстоятельство само собой обуславливало разнородные виды работъ по возведенію необходимыхъ построекъ для служащихъ, надзора заключенныхъ и поселенцевъ, по проведенію дорогъ, устройству поселеній, заведенію огородовъ, обработкѣ полей и проч. Для вѣщаго же упроченія быта ссыльныхъ было рѣшено посылать туда и семейства, изъявившія желаніе слѣдовать за преступниками, а также и преступницъ, приговариваемыхъ къ каторжнымъ работамъ, и подобная высылка семействъ и осужденныхъ женщинъ, начатая съ 1883 г., постоянно соблюдается съ тѣхъ поръ.

Островъ Сахалинъ дѣлится на три округа: Александровскій—по западную сторону главнаго хребта, обнимающій долины рѣкъ Александровки и Арковой, Тымовскій, образующій треугольникъ между рѣками Большой и Малой Тымью и Армуданомъ и Корсаковскій—на югѣ острова.

Общій характеръ заселенія острова Сахалина направляется по долинамъ рѣкъ, причемъ устанавливается первоначальная, естественная связь между поселеніями. Но каждое расширеніе культурнаго района влечетъ за собою необходимость упрочить эту связь и обезпечить ее отъ всякихъ случайностей. Отсюда заботы объ устройствѣ на островѣ грунтовыхъ путей

сообщенія. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важное значеніе имѣетъ соединеніе средняго Сахалина съ южною его частью— Корсаковскимъ округомъ, который былъ доселѣ въ неблагопріятныхъ условіяхъ, сравнительно съ прочими частями острова, вслѣдствіе своей разобщенности съ административнымъ центромъ. Въ этихъ цѣляхъ произведены были лѣтомъ 1885 г. частью чрезъ служащихъ на Сахалинѣ лицъ, частью чрезъ полковника генеральнаго штаба Гарнака, командированнаго въ томъ году въ распоряженіе начальника острова, изысканія, которыя увѣнчались полнымъ успѣхомъ, доказавъ возможность проведенія дороги отъ поселенія Рыковского къ югу, долиной р. Порунай, до залива Терпѣнья и далѣе, восточнымъ берегомъ Охотскаго моря, до устья р. Найбучи, оттуда же по заселеннымъ долинамъ рѣкъ Сусуя и Такоэ до поста Корсаковского. Такъ какъ однако проложеніе въ этомъ направленіи дороги, длиною до 500 верстъ, потребовало бы болѣе или менѣе продолжительнаго времени, то признано было ограничиться первоначально прорубкой просѣкъ, въ видахъ устройства телеграфной линіи. Съ этой цѣлью лѣтомъ отчетнаго года были снаряжены двѣ экспедиціи, изъ коихъ одна, при 150 ссыльно-каторжныхъ, работало на участкѣ отъ поселенія Рыковского до залива Терпѣнья, другая, тоже при 150 ссыльно-каторжныхъ, на южномъ участкѣ. На разстояніяхъ отъ 27—40 верстъ устраивались „станки“, т. е. станціонныя помѣщенія изъ деревянныхъ скелетовъ, обшитыхъ корьемъ, съ печами, вполне годныя для зимовья. Черезъ болѣе значительныя рѣчки и глубокія лощины перекинуты временныя мосты. Сверхъ того на р. Порунай разобраны два завала до 700 сажень толщины. Надъ этой работой, сдѣлавшей р. Порунай судоходною, трудились въ теченіи мѣсяца 40 чел. каторжныхъ. Результатомъ этихъ работъ было то, что зимняя почта изъ порта Корсаковского до поста Александровскаго доходила въ 9 дней, тогда какъ на это прежде требовалось болѣе мѣсяца.

Независимо отъ описанныхъ работъ, еще въ 1885 г. была построена дорога отъ мѣста выгрузки судовъ въ посту Александровскомъ до селенія Ново-Михайловскаго; она состоитъ

изъ двухъ путей: грунтовой дороги, шириною въ 3 сажени, поссировонной галькой, и узкоколейной конно-железной дороги; длина дороги 7 верстъ 115 саж. Въ томъ же году избрано направлѣніе и проложено новой грунтовой дороги 12 верстъ изъ поста Александровскаго въ гору, черезъ долину Аркову, далѣе опять черезъ гору въ долину Армудана въ селеніе Дербинское и до новаго селенія по р. Тыми. Въ томъ же году на югѣ острова построена широкая дорога отъ дер. Соловьевки до дер. Мицулевки на разстояніи 13 верстъ, въ обходъ худшаго горнаго участка. Въ лѣто отчетнаго года работы продолжались, какъ по соединенію Тымовскаго и Александровскаго округовъ, такъ равно и на югѣ острова, гдѣ устроенъ правильный колесный путь отъ поста Корсаковскаго до дер. Соловьевки и изысканы новыя направленія по всей линіи до селенія Галкина-Враскаго, въ обходъ затруднительныхъ мѣстъ настоящаго пути.

Наконецъ, въ отчетномъ году продолжались работы по улучшенію туннеля черезъ мысъ Жонкьеръ. Ширина его доведена до 4—5¹/₂ аршинъ, по высотѣ своей онъ вполне удобенъ для проѣзда; въ немъ имѣется повсемѣстно дневной свѣтъ; кромѣ того построены входныя арки изъ обожженнаго кирпича на порландскомъ цементѣ.

Въ связи съ вопросомъ о путяхъ сообщенія на Сахалинѣ не излишне упомянуть о работахъ по возможному улучшенію пристани въ посту Александровскомъ. Въ 1884 г. было приступлено къ сооруженію новыхъ ряжей (береговыхъ устоевъ), взамѣнъ пришедшихъ въ ветхость, частью же разбитыхъ моремъ въ 1882—1883 годахъ. Въ отчетномъ году возведенъ новый обширный и прочный ряжъ, чѣмъ пристань удлинена на 20 сажень, а вся длина ея равна теперь 118 саженьямъ. Новый ряжъ съ пролетомъ представляетъ площадь въ 180 кв. саж.; на немъ впереди устроенъ павильонъ, отопляемый печью, съ плитой и мѣднымъ кубомъ для кипятка. Внутри ряжа, подъ поломъ, помѣщается резервуаръ въ 300 ведеръ для прѣсной воды, накачиваемой въ паровыя катеры, причемъ сдѣлано приспособленіе, благодаря которому катеры

могутъ запасаться водою при всякой погодѣ. На этомъ же ряжѣ установлены желѣзныя шлюпбалки для подъема малаго пароваго катера и двѣ металлическія лебедки для разгрузки грузовъ изъ баржъ. При этомъ слѣдуетъ встать и однажды заразъ замѣтить, что какъ эти строительныя работы, такъ и *все* вообще разнообразныя работы, производимыя на Сахалинѣ, исполняются исключительно ссыльно-каторжными и ссыльно-поселенцами, безъ всякаго участія вольныхъ рабочихъ, которыхъ на островѣ и не имѣется.

По важности своей въ колонизаціонномъ отношеніи слѣдующая за проложеніемъ путей сообщенія работа была, несомнѣнно, раскорчевка земли. Въ отчетномъ году количество раскорчеванной земли было слѣдующее:

ВЪ ОКРУГАХЪ	Подъ хлѣбомъ		Подъ овощами		Итого пашни		Подъ сѣнокосамъ		Всего.	
	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
Александровскомъ	400	—	209	—	609	—	765	—	1374	—
Тымовскомъ	387	—	266	—	653	—	1687	—	2340	—
Корсаковскомъ	113	—	23	—	136	—	265	—	401	—
Всего	900	—	498	—	1398	—	2717	—	4115	—

Успѣхъ корчеванной работы выясняется изъ сравненія приведенныхъ данныхъ съ свѣдѣніями въ предъидущій годъ, помѣщаемыми здѣсь для большей наглядности въ общихъ итогахъ:

	Года.	Раскорчевано земли.						Вновь раскорче- вано.	
		Подъ хлѣбомъ и овощами.		Подъ сѣнокосомъ.		Итого.			
		дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
По тремъ округамъ острова Сахалина.	1884	614	355	1418	1190	2032	1545	—	—
	1885	1015	600	1832	1286	2847	1886	811	341
	1886	1398	—	2717	—	4115	—	1167	314

Такимъ образомъ въ 1885 и 1886 годахъ раскорчевано было 2082 дес. 658 саж. земли подъ пашню и сѣнокосъ.

Заведеніе правильнаго сельскаго хозяйства въ мѣстности мало или же недостаточно изслѣдованной въ климатическомъ отношеніи и по условіямъ своимъ во многомъ отличающейся отъ родины поселенцевъ, невозможно безъ разныхъ опытовъ, имѣющихъ цѣлью выработать подходящія къ мѣстнымъ требованіямъ формы полевой и огородной культуры.

Въ этихъ видахъ еще въ декабрѣ 1880 г. устроена была у поста Александровскаго, въ Корсаковской слободѣ, *первая* метеорологическая станція, а затѣмъ въ декабрѣ 1885 года открыта вторая станція въ селеніи Рыковскомъ. Обѣ станціи находятся подъ ближайшимъ наблюденіемъ завѣдывающаго медицинскою частью на островѣ, доктора медицины Супруненко. Входя въ общую по имперіи метеорологическую сѣть, сахалинскія станціи сообщаютъ свои наблюденія въ главную физическую обсерваторію, но такъ какъ ближайшая ихъ задача заключается въ опредѣленіи климатическихъ условій острова въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, то при нихъ ведутся разные наблюденія, выходящія за предѣлы метеорологии. Первый опытъ разработки этихъ наблюденій сдѣланъ докторомъ Супруненко въ представленномъ имъ отчетѣ за 1886 г., каковой отчетъ, въ виду интереса дѣла, и приводится ниже сего.

Сверхъ того, въ отчетномъ году было сдѣлано распоряженія объ учрежденіи на островѣ образцовыхъ фермъ, причемъ открыто по одной фермѣ въ Александровскомъ и Тымовскомъ округахъ. Задача, которую поставило себѣ управленіе островомъ, состояла въ томъ, чтобы создать типъ образцоваго хозяйства при той самой обстановкѣ, какою имѣетъ каждый ссыльно-поселенецъ. Съ этою цѣлью на каждую ферму отведено подъ посѣвъ по шести десятинъ земли и для травосѣянія по двѣ десятины. При каждой фермѣ имѣется изба для рабочихъ, гумно для хлѣба, сарай для сѣна. Фермы снабжены, каждая, общимъ плугомъ съ двумя запасными лемехами, бороною, четырехколесною телѣгою, двумя парными

ярмами, однимъ топоромъ, одной желѣзной лопатой, другой деревянной, двумя мотыгами, двумя серпами, двумя косами, одной кайлой и однимъ ломомъ. Рабочая сила на каждой фермѣ состоитъ изъ двухъ рабочихъ быковъ и двухъ чело-вѣкъ работниковъ мужчинъ, изъ числа ссыльно-ваторжныхъ.

Изъ приложенныхъ въ отчету наблюдений, произведенныхъ на двухъ метеорологическихъ станціяхъ острова Сахалина и общихъ сельско-хозяйственныхъ и климатическихъ свѣдѣній и наблюдений по животному и растительному міру видно, что колонизація Сахалина представляется вполне возможной. На болѣе возвышенныхъ мѣстахъ почва состоитъ изъ наносной глины, смѣшанной съ рѣчнымъ иломъ, и покрыта слоемъ растительнаго чернозема до двухъ вершковъ толщины. Мѣста болѣе низкія—болота, но и они, даже при самомъ примитивномъ дренажѣ, настолько осушаются, что обработанные подъ огороды и посѣвы даютъ прекрасные урожаи. Около поселка Рыковского имѣется большая, низменная заливная мѣстность, покрытая лѣтомъ роскошною, гигантскихъ размѣровъ, травянистою растительностью, которая служитъ прекраснымъ мѣстомъ для покоса. Изъ древесныхъ породъ на Сахалинѣ встрѣчаются различные виды ивъ, береза, ольха, ясень, тополь, черемуха, малина, калина, красная смородина и проч., а горные склоны покрыты хвойнымъ лѣсомъ, почти исключительно елью и пихтой. Относительно животнаго міра сдѣланы слѣдующія наблюденія: „ласточки прилетаютъ въ первыхъ числахъ апрѣля и въ концѣ сентября начинаютъ собираться въ стада. Вальдшнепы же держатся до конца октяб-ря, что конечно говорить о мягкомъ климатѣ. Очень жаль, что въ отчетѣ не помѣщены свѣдѣнія, хотя бы о среднихъ температурахъ временъ года. За мягкость климата говорить и то, что въ 1886 г. всѣ огородныя овощи дали отличный урожай, а нѣкоторыя изъ нихъ отличались значительной величиной, напр въсѣ кочна капусты достигалъ до 20 фун. Картофель же даетъ урожай самъ 20. Хлѣбъ также хорошо родится. Если прибавить въ этому, что на Сахалинѣ имѣются залежи каменнаго угля, то дѣлается очевиднымъ, что

колонизація острова вполнѣ возможна. Конечно, по отчету нельзя судить о томъ, какихъ въ дѣйствительности результатовъ достигла въ колонизаторскомъ отношеніи администрація острова, тѣмъ болѣе, что отчетъ за 1886 г. въ этомъ отношеніи далеко не полонъ. Нельзя однако не обратить вниманія на слѣдующія мѣры, обѣщающія привести къ хорошимъ результатамъ: 1) облегченіе поселенцамъ обсѣмененія воздѣлываемыхъ ими участковъ, путемъ выдачи имъ кратковременной ссуды на приобрѣтеніе сѣмянъ; 2) приобрѣтеніе въ казну продуктовъ хозяйства ссыльно - поселенцевъ; 3) увеличеніе паровой мельницы, устроенной въ посту Александровскомъ, и 4) устройство паровой лѣсопильни.

Свѣдѣній о ссыльно-каторжныхъ и поселенцахъ отчетъ за 1886 г. не далъ вовсе и, потому, мы беремъ эти свѣдѣнія изъ отчета прошлаго года; они собраны по распоряженію Пріамурскаго генераль-губернатора, инспекторомъ по тюремной части Каморскимъ и наиболѣе существенные изъ этихъ данныхъ выясняютъ слѣдующее:

	Ссыльно-каторжныхъ.	Ссыльно-поселенцевъ
Состояло къ 1 января		
1885 года	3006 м. и 404 ж.	1292 м. 278 ж.
Въ теченіи 1885 года		
поступило	1428 „ 140 „	861 „ 98 „
Въ теченіи 1885 года		
выбыло	1054 „ 155 „	320 „ 27 „
Состояло къ 1 января		
1886 года	3380 „ 389 „	1833 „ 349 „
Всего	3.769 чел.	2.182 чел.

Интересно распредѣленіе ссыльно - каторжныхъ по возрастнымъ группамъ:

	Ссыльно-каторжныхъ.	Ссыльно-поселенцевъ.
до 20 лѣтъ	338 м. 70 ж.	14 м. 9 ж.
отъ 21 до 30 лѣтъ	1.633 „ 160 „	234 „ 100 „
„ 31 „ 40 „	928 „ 66 „	671 „ 150 „
„ 41 „ 50 „	317 „ 26 „	372 „ 67 „

отъ 51 до 60 лѣтъ	144 м.	1 ж.	133 м.	10 ж.
„ 61 „ 70 „	18 „	1 „	21 „	1 „
„ 71 „ 80 „	10 „	0 „	6 „	0 „
неизвѣстныхъ лѣтъ	22 „	65 „	382 „	12 „

Итого 3.380 м. 389 ж.=3.769 1.833 м. 349 ж.=2.182

Особенно грустныя размышленія вызываетъ цифра малолѣтнихъ ссыльно-каторжныхъ, которая, судя по статистическимъ даннымъ министерства юстиціи, не уменьшается, а напротивъ, увеличивается. Что касается до поведенія ссыльныхъ—то нѣкоторое о томъ понятіе даетъ количество административныхъ взысканій и преданій суду.

Въ 1885 г. было наказано административно:

Ссыльно-каторжныхъ: тѣлесно 298, иными мѣрами 36

Ссыльно-поселенцевъ: — 64 — — 8

Предано суду 77 чел. ссыльно-каторжныхъ и 6 ссыльно-поселенцевъ.

Не смотря на трудность побѣговъ съ острова Сахалина, число бѣжавшихъ составляетъ 5% всего числа ссыльно-каторжныхъ, а именно 187 чел. Изъ нихъ поймано и добровольно возвратилось 147 чел. Найдено мертвыми и убито при преслѣдованіи 14 чел. Такимъ образомъ удалось бѣжать всего 26 чел.

Нельзя не пожалѣть, что отчетъ не даетъ никакихъ свѣдѣній объ исправительномъ значеніи ссылки на Сахалинъ.

Что касается до санитарнаго состоянія мѣстъ заключенія на Сахалинѣ, то таковое явствуетъ изъ движенія ссыльнаго населенія въ больницахъ (въ 1885 г.). Больныхъ было: ссыльно-каторжныхъ 4513 муж., 298 женщ.; ссыльно-поселенцевъ 208 м. и 17 ж. Изъ числа первыхъ выздоровѣло 4440 м. и 298 ж.,—изъ вторыхъ 184 м. и 14 ж. Умерло ссыльно-каторжныхъ 73 м. и 12 ж. и ссыльно-поселенцевъ 56 м. и 10 ж., на 1 января 1886 г. оставалось 225 ссыльно каторжныхъ и 18 ссыльно-поселенцевъ.

Переходя къ статьямъ отчета, касающимся общихъ тюремъ, мы остановимся прежде всего на чрезвычайно важномъ

вопросъ тюремной организаціи, а именно—на работахъ арестантовъ.

Въ отчетѣ за 1885 г. было упомянуто о внесенномъ въ государственный совѣтъ представленіи объ организаціи тюремнаго труда; 6 января 1886 г. состоялось по этому представленію Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта.

Въ исполненіе этого законоположенія и впредь до выработки подробной инструкціи, министръ внутреннихъ дѣлъ, циркуляромъ отъ 25 апрѣля 1886 г., преподаль губернаторамъ необходимыя указанія относительно способовъ къ скорѣйшему развитію арестантскаго труда. Затѣмъ циркуляромъ отъ 8 августа 1886 г. преподаны были формы отчетности по арестантскимъ работамъ и указаны сроки представленія этой отчетности въ контрольныя палаты.

Относительно Высочайше утвержденныхъ правилъ нельзя не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія. Едва ли справедливо лишать потерпѣвшихъ отъ преступленія—нерѣдко лишившихся послѣдняго куска хлѣба, или лишенныхъ возможности зарабатывать таковой,—права на полученіе вознагражденія, присужденнаго въ ихъ пользу судебными рѣшеніями, изъ арестантскаго заработка, какъ то устанавливаетъ 22§. Напротивъ, часть заработанныхъ арестантами денегъ непремѣнно должна идти въ пользу этихъ пострадавшихъ. Возраженіе о крайней трудности организаціи тюремнаго труда, если часть заработной платы не поступаетъ въ собственность арестантовъ—не убѣдительно, такъ какъ заработокъ можетъ вмѣсто трехъ частей, какъ это дѣлается теперь, дѣлиться на четыре части: арестанту, потерпѣвшему, если онъ не вознагражденъ, въ доходъ государственнаго казначейства и въ доходъ тюрьмы.

Оборотъ суммъ, вырученныхъ трудомъ арестантовъ—за первую половину 1886 г.=102.452 руб. Изъ этой суммы израсходовано на наемъ мастеровъ и надзоръ 3323 руб. На матеріалы и инструменты 21.220 руб.; выдано въ вознагражденіе арестантовъ 41.019 руб. и остатокъ—36.890 руб. Въ 1885 г. оборотъ суммъ, вырученныхъ трудомъ арестантовъ,

былъ слѣдующій: валоваго дохода 104.931 руб. расходъ на наемъ мастеровъ и надзоръ 2578 руб., за матеріалы и инструменты 6915 руб. вознагражденіе арестантовъ 43.715 руб. Изъ сравненія этихъ цифръ видно, что важный вопросъ развитія арестантскаго труда идетъ крупными шагами и за первую половину 1886 г. валовой доходъ почти равнялся доходу за весь 1885 г. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что валовой доходъ отъ арестантскаго труда, сравнительно съ числомъ арестантовъ, пока является совершенно ничтожнымъ.

Вина за это всецѣло падаетъ на мѣстные тюремные комитеты и на крайне слабый личный составъ тюремныхъ смотрителей. Главное тюремное управленіе, при всемъ своемъ желаніи, при самыхъ энергичныхъ усиліяхъ, многого тутъ подѣлать не можетъ.

Что касается до внутренней тюремной жизни въ общихъ и исправительныхъ тюрьмахъ, то по этому предмету можно извлечь нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній—только по отношенію къ с.-петербургскимъ мѣстамъ заключенія, находящимся въ непосредственномъ завѣдываніи главнаго тюремнаго управленія. При каждой изъ петербургскихъ тюремъ имѣется особая наблюдательная коммисія, которая, не участвуя въ управленіи ввѣренной ей попеченію тюрьмой, наблюдаетъ за всѣми сторонами тюремнаго управленія и хозяйства, принимаетъ отъ арестантовъ жалобы, входитъ въ сношенія съ различными обществами и лицами. Обязанности коммисіи опредѣлены особой инструкціей, приводить которую мы здѣсь не будемъ. Что главное управленіе серьезно на дѣлѣ, а не на словахъ только, рѣшилось ввести въ петербургскихъ тюрьмахъ дисциплину—это видно изъ того, что принимаемая имъ по этому предмету мѣры встрѣчены были со стороны заключенныхъ попытками къ насильственному сопротивленію, дабы отстоять порядки, установившіеся въ прежнее время и сохранить разныя льготы, не допускаемыя при правильной дисциплинѣ. Особенно серьезны были такіе протесты, доходящіе до покушенія на жизнь надзира-

телей въ петербургскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи. Но въ 1886 г. намѣченная цѣль была достигнута и безпорядковъ болѣе не было. Въ петербургскихъ тюрьмахъ принимались мѣры для развитія дѣятельности тюремныхъ мастеровъ и организованы тюремныя школы. Въ послѣднихъ занятія распредѣляются между священникомъ, учителемъ и учительницей, по принадлежности, и происходятъ преимущественно по вечерамъ (отъ 5 до 7 ч.) ежедневно, продолжаясь не менѣе 2 часовъ. Школу въ литовскомъ замкѣ обязаны посѣщать всѣ заключенные до 30 лѣтъ, если они заключены на срокъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ классы же священника обязательно посылались всѣ православные и выше 30 лѣтъ, въ томъ случаѣ, если они не знаютъ молитвъ и заповѣдей. На изученіе послѣднихъ обращено особое вниманіе и, по удостовѣренію отчета, полученные результаты представляются вполнѣ удовлетворительными. Въ пересыльной тюрьмѣ, гдѣ не представлялось возможности завести правильную школу, устроены религіозно нравственныя чтенія.

Судя по тѣмъ трудностямъ, съ которыми пришлось бороться, вводя дисциплину въ петербургскихъ тюрьмахъ, есть основаніе полагать, что въ остальныхъ россійскихъ тюрьмахъ дисциплина оставляетъ многого желать, что вполнѣ согласно и съ нашими личными наблюденіями надъ нѣсколькими десятками тюремъ центральной Россіи. Отчетъ объ этомъ упоминаетъ лишь вскользь, перечисляя количество происшествій въ тюрьмахъ и совершенныхъ изъ нихъ побѣговъ. Оказывается, что въ 1886 г. изъ тюремъ общаго устройства бѣжало 117 человекъ, а въ 1885 г. - 119; изъ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій въ 1886 г.—15, а въ 1885 г.—9. Въ тюремъ (во время пересылки) бѣжало въ 1886 г.—62 арестанта тюремъ и 70 арестантовъ исправительныхъ отдѣленій, а въ 1885 г.—59 арестантовъ тюремъ и 80 арестантовъ исправительныхъ отдѣленій. Изъ числа всѣхъ бѣжавшихъ арестантовъ (397)—поймано было 196—а 201 скрылись безслѣдно. Безпорядковъ въ тюрьмахъ было совершено въ 1886 г.—66 и въ 1885 г.—71. Въ числѣ этихъ безпоряд-

ковъ за 1886 г., между прочимъ, значится убійствъ 5; нанесеній ранъ—7; преступленій противъ чиновъ управленій—10; поджоговъ—1; пожаровъ—2; самоубійствъ и покушеній на оныя—9. Довольно оригинально это отнесеніе самоубійствъ къ безпорядкамъ. При прекращеніи безпорядковъ и при поимкѣ арестантовъ было убито въ 1886 г.—2 арестанта, а въ 1885 г.—17. ранено 10 и 32. 1885 г. въ этомъ отношеніи былъ очень несчастливъ для арестантовъ, такъ какъ при указанныхъ обстоятельствахъ, за три года (1883, 1884 и 1886) было убито меньше арестантовъ (13 чел.) и ранено за тѣ же три года 23 арестанта. Едва ли по этимъ цифрамъ, составленнымъ на основаніи донесеній мѣстныхъ властей, можно судить о дѣйствительномъ количествѣ происшедшихъ въ тюрьмахъ безпорядковъ. Тюремное начальство не можетъ любить такихъ сообщеній, такъ какъ отвѣтственность за нихъ падетъ на него же, поэтому доносятъ поневолѣ, лишь о выходящихъ изъ ряда вонъ случаяхъ, свѣдѣнія о которыхъ могутъ дойти до начальства и помимо тюремной администраціи.

Въ заключеніе возьмемъ нѣсколько свѣдѣній изъ отчета 1886 г. относительно того, что стоитъ государству содержаніе арестантовъ и тюремной администраціи. Всего на эти расходы по смѣтѣ было издержано 12.925.046 руб. Изъ нихъ на содержаніе центральнаго тюремнаго управленія пошло 75.954 р 44 к. Уплачено за перевозку арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ 546 222 р. 11 к. добровольному флоту за перевозъ ссыльно-каторжныхъ и казенныхъ грузовъ—382.000 рублей.

Вотъ во что обходятся государству порочные элементы общества! Даже матеріальный интересъ государства и тотъ требуетъ, чтобы было обращено серьезное вниманіе не только на борьбу съ преступникомъ, но и на средства борьбы съ преступленіемъ. Къ сожалѣнію этотъ послѣдній вопросъ у насъ, да и не у насъ однихъ—еще находится въ зародышѣ. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаютъ работы

предстоящаго тюремнаго конгресса, на программу котораго, помѣщенную въ настоящей книгѣ, мы обращаемъ особое вниманіе читателей.

Примѣненіе на практикѣ статьи 599 улож. о наказ., предусматривающей подлоги и утайки по частнымъ золотымъ, серебрянымъ и платиновымъ промысламъ, подложное веденіе шнуровыхъ книгъ и переводы золота изъ одного прииска, высшаго по взиманію податей, въ другой—низшаго разряда, вызывало значительныя затрудненія, благодаря неясности редакціи означенной статьи. По буквальному смыслу перваго отдѣла сей статьи, хозяева частныхъ золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ промысловъ, изобличенные въ вышеуказанныхъ преступленіяхъ, подвергались наказаніямъ, опредѣленнымъ за подлоги въ ст. 1690 улож. о наказ., и сверхъ того лишались права на всѣ свои приiski и всего добытаго ими золота. Такая редакція приведеннаго законоположенія даетъ право признать, что владѣльцы серебряныхъ и платиновыхъ промысловъ, въ случаѣ совершенія ими упомянутыхъ преступленій, не могутъ быть приговариваемы къ лишенію добытыхъ ими металловъ. Между тѣмъ въ уставѣ горномъ установлены совершенно одинаковыя правила какъ о порядкѣ отысканія и разработки золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ приисковъ (ст. 1672 уст. горн. изд. 1857 г. и ст. 1673 того же устава по прод. 1886 года), такъ и о количествѣ уплачиваемой горной подати и порядкѣ ея взысканія, съ нѣкоторою лишь разностью относительно приисковъ серебряныхъ (ст. 520 и 532 уст. горн. изд. 1857 года и ст. 494, 534 и 563 того же устава по прод. 1886 года). Равнымъ образомъ и всѣ законоположенія главы IV раздѣла VII улож. о наказ., предусматривающія нарушенія уставовъ горныхъ (ст. 591—622), не устанавливаютъ никакихъ исключительныхъ правилъ для золота, въ отличіе отъ другихъ, поименованныхъ выше, благородныхъ металловъ, воспрещая лишь въ статьѣ 612, продажу, покупку и вывозъ за границу зо-

лота въ самородкахъ и песчаномъ видѣ, безъ надлежащаго разрѣшенія, а также продажу и покупку золота въ слиткахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи. Статьи же 592 и 593, опредѣляющія, сверхъ наказанія виновныхъ, отобраніе въ пользу казны незаконно добытыхъ благородныхъ металловъ. содержатъ въ себѣ совершенно одинаковыя правила о конфискаціи какъ золота, такъ и серебра и платины.

Въ виду указанной неравномѣрности взысканій за нарушенія горныхъ уставовъ въ упомянутыхъ въ статьѣ 599 улож. о наказ. случаяхъ, по существу своему вполнѣ однородныхъ, и принимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіе, что введенное впервые въ названную статью закономъ 24 мая 1870 года правило о конфискаціи металла, какъ оно изложено нынѣ, можетъ быть объяснено лишь редакціоннымъ недосмотромъ — былъ возбужденъ въ законодательномъ порядкѣ вопросъ объ измѣненіи статьи 599 улож. о наказ. и, какъ мы слышали, уже состоялось измѣненіе статьи 599, которая будетъ изложена такъ:

За подлоги и утайки по частнымъ золотымъ, серебрянымъ и платиновымъ промысламъ, подложное веденіе шнуровыхъ книгъ и переводъ золота изъ одного пріиска, высшаго по взиманію податей, въ другой, низшаго разряда, виновные подвергаются:

Наказаніямъ за подлоги опредѣленнымъ въ статьѣ 1690 сего уложенія. И сверхъ того, когда въ оныхъ изобличены сами хозяева промысловъ, то они лишаются права на всѣ свои пріиски и всего добытаго ими золота, серебра и платины, хотя бы утайка, подлогъ или переводъ были обнаружены только въ одномъ изъ нихъ.

Если эти преступленія учинены, безъ вѣдома хозяевъ, опредѣленными отъ нихъ прикащиками и иныхъ званій людьми, то сами виновные подвергаются наказаніямъ по вышепостановленнымъ правиламъ, а хозяева за ихъ несмотрѣніе подвергаются:

денежному взысканію вдвое противъ цѣны утаеннаго,

переведеннаго или присвоеннаго чрезъ подлогъ приващиками или другими людьми ихъ.

Въ 1885 году архіепископомъ казанскимъ, по порученію святѣйшаго синода, приглашены были въ гор. Казань архіереи поволжскихъ и сѣверо-восточныхъ епархій для совмѣстнаго обсужденія вопроса о причинахъ неудовлетворительнаго религіознаго состоянія инородческихъ православныхъ приходовъ и замѣчаемаго въ означенныхъ епархіяхъ развитія раскольничьей пропаганды, съ цѣлю выработать общія для всѣхъ тѣхъ епархій мѣры какъ къ ослабленію и пресѣченію пагубнаго вліянія магометанской и раскольничьей пропаганды на православное населеніе, такъ и къ развитію и укрѣпленію православія въ приходахъ инородческихъ. Въ числѣ прочихъ мѣръ, направленныхъ къ сей цѣли, собраніе преосвященныхъ остановилось на необходимости изданія особаго закона, карающаго раскольничьихъ жесвященниковъ за совершеніе ими бракосочетаній сектантовъ съ лицами православнаго исповѣданія, недостижными возраста, опредѣленнаго для вступленія въ бракъ. Кромѣ того названнымъ собраніемъ выражена была желательность установленія того правила, чтобы лица, входящія въ составъ суда, разсматривающаго дѣла о преступленіяхъ противъ православной вѣры, а также поддерживающія по симъ дѣламъ обвиненіе на судѣ, были обязательно православнаго исповѣданія.

Соображенія, высказанныя названнымъ собраніемъ по поводу первой изъ проектированныхъ имъ мѣръ, сводятся къ тому, что безнаказанность раскольничьихъ жесвященниковъ за совершеніе бракосочетаній указаннаго рода, на ряду съ отвѣтственностью, установленною закономъ для православныхъ священниковъ за повѣнчаніе лицъ, недостижныхъ опредѣленнаго возраста, нерѣдко служитъ поводомъ къ уклоненіямъ въ расколъ, такъ какъ лица, коимъ православное духовенство отказываетъ въ повѣнчаніи, обращаются къ раскольничьимъ жесвященникамъ, предпочитая вступле-

ніе въ бракъ чрезъ раскольничье повѣнчаніе состоянію въ сожитіи безъ всякаго вѣнчанія. Эти соображенія заслуживаютъ, конечно, вниманія, но обращаясь къ разсмотрѣнію изъясненныхъ предположеній собранія преосвященныхъ и останавливаясь, прежде всего, на вопросѣ о необходимости изданія особаго законоположенія, въ силу котораго раскольничьи лжесвященники подвергались бы извѣстной отвѣтственности за совершеніе бракосочетаній сектантовъ съ лицами православнаго исповѣданія, недостижими возраста, опредѣленнаго закономъ для вступленія въ бракъ, нельзя не замѣтить, что допущеніе преслѣдованія раскольничьихъ лжесвященниковъ за обвѣнчаніе лицъ, не достигшихъ извѣстнаго возраста, едва ли представлялось бы вполне удобнымъ. Законодательство наше не придаетъ юридическаго значенія бракамъ, совершаемымъ лицами раскольничьей лжеіерархіи (ст. 78 зак. гражд.). При такомъ условіи не было бы основанія требовать, чтобы означенныя лица соблюдали при бракосочетаніи извѣстныя, установленныя закономъ правила, и подвергать ихъ затѣмъ отвѣтственности собственно за нарушеніе этихъ правилъ. Преступность указанныхъ выше дѣйствій лжесвященниковъ заключается, главнымъ образомъ, въ самомъ повѣнчаніи православныхъ, хотя бы въ данномъ случаѣ и не встрѣчалось законныхъ препятствій къ браку. Въ виду этого нельзя не признать предпочтительнымъ установленіе особой отвѣтственности для раскольничьихъ лжесвященниковъ вообще за совершеніе всякаго рода требъ для лицъ православнаго исповѣданія, въ каковомъ случаѣ и обвѣнчанія подлежали бы наказанію наравнѣ съ прочими требованиями, исполняемыми раскольниками для православныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя требы, а равно и обвѣнчанія, указанныя выше, являются однимъ изъ средствъ къ совращенію православныхъ въ расколъ. Поэтому, если уголовные законы караютъ раскольниковъ, дозволившихъ себѣ публично проповѣдывать свое лжеученіе православнымъ или склонять и привлекать ихъ въ свою ересь, хотя бы эти дѣйствія и не имѣли послѣдствіемъ отпаденія кого либо изъ православныхъ

въ расколъ (ст. 196 улож. о наказ.), то равнымъ образомъ должны быть караемы и помянутыя дѣйствія раскольниковъ и жесвященниковъ, направленныхъ къ той же цѣли—сворачиванію православныхъ въ расколъ. Установленіе такой отвѣтственности раскольниковъ было бы тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, что духовныя лица другихъ христіанскихъ исповѣданій подлежатъ строгимъ взысканіямъ за исполненія духовныхъ требъ для православныхъ (ст. 193 улож. о наказ.), а равно и за совершеніе бракосочетаній, даже между лицами православнаго и лицами другаго христіанскаго исповѣданія (ст. 1576). Что касается наказанія за упомянутыя противозаконныя дѣянія раскольниковъ и жесвященниковъ, то оно могло бы быть приравнено къ наказанію, опредѣленному за публичное проповѣдываніе раскольниковъ и жесвященниковъ. Наказаніе это состоитъ въ первый разъ въ лишеніи нѣкоторыхъ, на основаніи ст. 50 улож. о наказ., особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, во второй—въ заключеніи въ крѣпости на время отъ 2 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ, также съ лишеніемъ нѣкоторыхъ, по ст. 50 улож., особенныхъ правъ и преимуществъ, и въ третій—въ лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ 1½ до 2½ лѣтъ.

Что касается до втораго предположенія собранія пресвященныхъ, относительно установленія правила, чтобы лица, входящія въ составъ суда, рассматривающаго дѣла о преступленіяхъ противъ православной вѣры, а также поддерживающія по симъ дѣламъ обвиненія на судѣ, были обязательно православнаго исповѣданія, то правило это, являясь по существу своему весьма цѣлесообразнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовало бы и постановленіямъ статей 1009 и 1323 уст. угол. судопр. Въ силу первой изъ этихъ статей, по дѣламъ о преступленіяхъ противъ православной вѣры, подлежащимъ разсмотрѣнію въ окружныхъ судахъ съ участіемъ присяж-

ныхъ засѣдателей, послѣдніе должны быть избираемы исключительно изъ лицъ православнаго исповѣданія; согласно же статьѣ 1323, относящейся къ судопроизводству въ губерніяхъ варшавскаго судебного округа, по дѣламъ того же рода, подлежащимъ разсмотрѣнію въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, судьи должны быть также изъ лицъ православнаго исповѣданія. Распространеніе послѣдняго правила на судей всей имперіи, а равно и на лицъ прокурорскаго надзора, путемъ дополненія указанныхъ выше статей уст. угол. судопр., а также ст. 571 зак. суд. угол. (т. XV ч. 2 св. зак.), воспреещающей лицамъ магометанскаго исповѣданія, занимающимъ должности членовъ и секретарей въ губернскихъ и уѣздныхъ судебныхъ мѣстахъ, участвовать въ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ по дѣламъ, касающимся преступленій противъ христіанской вѣры и церковныхъ установленій, представлялось бы тѣмъ болѣе соотвѣтственнымъ, что лицъ неправославнаго исповѣданія несравненно менѣе между чинами прочихъ судебныхъ округовъ, чѣмъ въ округѣ варшавской судебной палаты. Съ установленіемъ упомянутаго правила для всѣхъ мѣстностей имперіи ст. 1323 уст. угол. суд., въ которой приведено законоположеніе по сему предмету въ видѣ изъятія дѣйствующаго лишь въ варшавскомъ округѣ, должна быть отмѣнена.

Мы слышали, что состоялось въ законодательномъ порядкѣ измѣненіе вышеуказанныхъ статей закона, которыя будутъ изложены такъ:

1) Послѣдняя часть статьи 196 уложенія о наказаніяхъ:

Раскольникъ, дозволившій себѣ публично проповѣдывать свое лжеученіе православнымъ или склонять и привлекать ихъ въ свою ересь, или совершать духовныя требы для лицъ православнаго вѣроисповѣданія, когда сіи дѣйствія не имѣли послѣдствіемъ отпаденія кого либо изъ православія въ расколъ. подвергается наказаніямъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 189 сего уложенія, за привлеченіе православныхъ проповѣдью или сочиненіемъ въ иное, хотя и христіанское вѣроисповѣданіе, или же въ еретическую секту или раскольническій толкъ.

2) Статья 1009 устава уголовного судопроизводства. По дѣламъ о преступленіяхъ противъ православной вѣры судьи и чины прокурорскаго надзора должны быть изъ лицъ православнаго исповѣданія. Изъ такихъ же лицъ должны быть избираемы и присяжные засѣдатели, по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію съ ихъ участіемъ.

3) Статья 1323 того же устава будетъ отмѣнена.

4) Въ дополненіе къ статьѣ 571 законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ (т. XV ч. 2 св. зак., изд. 1876 г.) будетъ постановлено, что лица иновѣрныхъ исповѣданій, занимающія должности губернскихъ и областныхъ прокуроровъ и ихъ товарищей, а также членовъ и секретарей губернскихъ, областныхъ, уѣздныхъ и окружныхъ судебныхъ установленій, не участвуютъ въ направиленіи и разрѣшеніи дѣлъ, касающихся преступленій противъ православной вѣры.

Не можемъ не подѣлиться съ нашими читателями только что полученными интересными свѣдѣніями. Профессоръ уголовного права въ марбургскомъ университетѣ Францъ Листъ, амстердамскій профессоръ ванъ-Гамель и бельгійскій ученый, генеральный инспекторъ тюремъ королевства Бельгіи, Адольфъ Пренсъ (Prins) учреждаютъ ученое общество, задачей котораго должна заключаться въ выясненіи наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ борьбы съ преступленіемъ и преступниками. Уставъ этого „Союза криминалистовъ“, разосланный недавно нѣкоторымъ изъ русскихъ юристовъ, имѣетъ слѣдующее содержаніе:

I. Международный союзъ уголовного права исходить изъ того убѣжденія, что преступность и средства борьбы съ нею должны обсуждаться не съ юридической только, но и съ социологической точки зрѣнія. Союзъ стремится къ распространенію этого начала и проведенію вытекающихъ изъ него послѣдствій въ наукѣ уголовного права и въ законодательствахъ.

II. Въ своей дѣятельности союзъ руководствуется слѣдую-

щими основными положеніями: 1) задача уголовного права состоитъ въ борьбѣ съ преступностью, какъ однимъ изъ явленій общественной жизни; 2) наука уголовного права и законодательство должны принять въ соображеніе результаты антропологическихъ и соціологическихъ изслѣдованій; 3) наказаніе составляетъ самое дѣйствительное средство для борьбы съ преступностью, коимъ располагаетъ государственная власть; но наказаніе не составляетъ единственнаго средства такой борьбы; поэтому не слѣдуетъ разсматривать наказаніе въ связи съ другими средствами для борьбы съ преступностью и, въ особенности, не должно забывать о предупредительныхъ мѣрахъ; 4) какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, имѣетъ существенное значеніе раздѣленіе случайныхъ преступниковъ и преступниковъ привычныхъ; на этомъ дѣленіи должны быть основаны постановленія уголовного закона; 5) такъ какъ уголовное правосудіе и исполненіе наказанія преслѣдуютъ одну и ту же цѣль и такъ какъ все значеніе осужденія состоитъ въ послѣдующемъ исполненіи наказанія,—существующее нынѣ раздѣленіе между уголовнымъ судомъ и учрежденіями, завѣдывающими исполненіемъ наказаній, неправильно и вредно; 6) принимая во вниманіе, что въ современной карательной системѣ наказаніе лишеніемъ свободы занимаетъ, по справедливости, первое мѣсто, союзъ будетъ относиться съ особеннымъ вниманіемъ ко всему, касающемуся улучшенія тюремъ и связанныхъ съ ними учреждений; 7) тѣмъ не менѣе, по отношенію къ краткосрочному заключенію, союзъ приходитъ къ убѣжденію въ возможности и желательности замѣны такого лишенія свободы другими, не менѣе дѣйствительными карательными мѣрами; 8) по отношенію къ долгосрочному заключенію, союзъ считаетъ справедливымъ, чтобы срокъ заключенія опредѣлялся въ зависимости не только отъ матеріальной и нравственной тяжести совершеннаго преступленія, но и отъ результатовъ исполненія наказанія; 9) по отношенію къ неисправимымъ, привычнымъ преступникамъ, союзъ исходитъ изъ той мысли, что задача карательной системы въ примѣненіи къ нимъ должна, независимо отъ тя-

жести правонарушенія, даже при повтореніи самѣхъ незначительныхъ проступковъ, состоятъ, главнымъ образомъ, въ пресѣченіи подобнымъ лицамъ впредь возможности причинять вредъ другимъ на самое продолжительное время.

III. Всѣ члены союза присоединяются къ вышеприведеннымъ основнымъ положеніямъ.

Кандидаты въ члены союза предлагаются его комитету письменно, однимъ изъ дѣйствительныхъ членовъ. Комитетъ рѣшаетъ относительно избранія предложеннаго кандидата по большинству голосовъ, безъ объясненія основанія рѣшенія.

IV. Въ видѣ общаго правила, ежегодно назначается по одному сѣзду членовъ союза. Въ случаѣ необходимости сѣзды могутъ быть назначаемы чрезъ менѣе продолжительные сроки. Мѣсто и время перваго сѣзда, долженствующаго собраться въ 1889 г., будутъ указаны комитетомъ сѣзда.

V. Комитетъ устанавливаетъ программу занятій сѣзда и принимаетъ мѣры къ подготовленію преній докладами. Каждому сѣзду комитетомъ представляется отчетъ о движеніи уголовного законодательства въ разныхъ государствахъ со времени предшествовавшаго сѣзда. Означенный отчетъ, а равно выписки изъ протоколовъ засѣданій печатаются подъ наблюденіемъ комитета.

VI. Общее собраніе избираетъ членовъ комитета. Оно указываетъ также для каждаго сѣзда языки, на которыхъ дозволяются пренія, имѣя при этомъ въ виду возможное облегченіе сихъ послѣднихъ. По вопросамъ, вошедшимъ въ программу занятій сѣзда, голосованіе не производится. Но въ случаѣ предложенія собранію какаго-либо тезиса, съ которымъ согласятся двѣ трети изъ числа членовъ, участвующихъ въ голосованіи, этотъ тезисъ включается въ число основныхъ положеній, исчисленныхъ въ статьѣ II.

VII. Собраніе рѣшаетъ по большинству голосовъ. Отсутствующіе члены союза могутъ подавать свой голосъ письменно. Для измѣненія настоящаго устава необходимо большинство изъ двухъ третей участвующихъ въ голосованіи членовъ.

VIII. Комитетъ состоитъ изъ трехъ членовъ, распределяющихъ между собою обязанности предсѣдателя, секретаря и казначея. Комитетъ можетъ назначить помощника секретаря. Комитетъ назначаетъ изъ своей среды предсѣдателя общаго собранія съѣзда.

IX. Количество ежегоднаго членскаго взноса опредѣляется въ 5 франковъ или 4 марки. Взносы взимаются казначеємъ.

Было бы конечно желательно, чтобы наши юристы сочувственно отнеслись къ этому новому обществу, такъ какъ имена ученыхъ, во главѣ его стоящихъ, ручаются за то, что „Союзъ криминалистовъ“ — предпріятіе серьезное, много обѣщающее въ будущемъ. Вопросъ о борьбѣ съ преступленіемъ требуетъ серьезнаго вниманія. Чтобы ни говорили о новыхъ школахъ уголовного права (итальянской и нѣмецкой), какъ бы ни была ошибочна ихъ дѣятельность, а выводы скороспѣлы, все же нельзя отнять у нихъ той заслуги, что онѣ поставили широко вопросъ объ изученіи преступника и о борьбѣ съ преступленіемъ. Представители новой итальянской школы лично жаловались намъ на полную невозможность найти въ иностранныхъ литературахъ какія либо точныя и опредѣленныя свѣдѣнія о нашей юстиціи. Конечно, для новаго „Союза криминалистовъ“ эти свѣдѣнія будутъ не менѣе интересны и, вѣроятно, къ сообщенію таковыхъ, а равно къ вступленію въ союзъ, русскіе юристы отнесутся сочувственно.

Въ виду того, что настоящая хроника появится въ январской книгѣ журнала, мы считаемъ умѣстнымъ обратиться съ покорнѣйшей просьбой къ тѣмъ провинціальнымъ судебнымъ дѣателямъ, которые, удостоивая вниманіемъ нашъ журналъ, не обходятъ и его юридической хроники. По мѣрѣ умѣнья, мы прилагаемъ всѣ усилія, чтобы придать хроникѣ возможно живой интересъ, но безъ участія провинциальныхъ судебныхъ дѣателей хроника наша поневолѣ принимаетъ характеръ обзорѣнія дѣятельности исключительно петербургскихъ учреждений, что отнюдь нежелательно.

Когда намъ случается получать отчеты провинціальныхъ судовъ, мы охотно ими пользуемся, но такъ какъ отчеты получаютъ случайно, то и обзоръ дѣятельности судовъ носитъ случайный характеръ. Поэтому мы и просимъ не отказывать намъ въ присылкѣ судебныхъ годовыхъ отчетовъ, а въ особенности копій съ опредѣленій общихъ собраний отдѣльныхъ судовъ, въ которыхъ нерѣдко разсматриваются юридическіе вопросы, имѣющіе большой интересъ. Кроме того, крайне важно имѣть свѣдѣнія о дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, о ихъ взглядахъ на тѣ или другія преступленія. Какъ на примѣръ возможной рѣзкой перемѣны во взглядахъ присяжныхъ засѣдателей на одно и то же преступленіе, мы можемъ указать на слѣдующій фактъ. До 1886 г. въ петербургскомъ окружномъ судѣ почти не было обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ о злостныхъ банкротствахъ. Теперь, наоборотъ, по дѣламъ этимъ почти нѣтъ оправдательныхъ приговоровъ. Подобныя явленія чрезвычайно важны. За всякое сообщеніе, хотя бы въ сыромъ, необработанномъ видѣ, относительно обстоятельствъ, въ данную минуту интересующихъ дѣателей того или другаго судебного округа, мы будемъ искренно признательны и смѣемъ думать, что подобныя сообщенія придадутъ хроникѣ ту живость и тотъ интересъ, которыхъ мы пока тщетно добиваемся.

Z.

ЗАМѢТКИ.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО КАССАЦІОННАГО РѢШЕНІЯ.

Примѣненіе 375 ст. уст. угол. суд. вызываетъ два существенныхъ вопроса: первый—общій, о томъ, какимъ значеніемъ правило, выраженное въ этой статьѣ, должно пользоваться на практикѣ въ періодъ производства предварительнаго слѣдствія, и второй—частный, имѣетъ ли 375 ст. примѣненіе по отношенію къ похищенному или вообще добытому преступнымъ путемъ имуществу, заложенному въ учрежденія для заклада движимыхъ имуществъ, будь то учрежденія казенныя или частныя, дѣйствующія по уставамъ, утвержденнымъ правительствомъ. Первый вопросъ, въ виду недавно опубликованнаго рѣш. общ. собр. касс. департ. правит. сената отъ 16 марта 1887 года за № 10, сводится прямо къ вопросу—быть или не быть 375 ст. Этимъ мы прежде всего и займемся.

Случай, послужившій поводомъ для указаннаго рѣшенія, заключался въ томъ, что отставной прапорщикъ Потоловъ подалъ кассационную жалобу на приговоръ съѣзда мировыхъ судей пензенскаго округа, коимъ утверждался приговоръ мирового судьи 2 участка, о признаніи Потолова по суду оправданнымъ въ покупкѣ у Дербасова швейной машинки, съ знаніемъ о неправомерности ея продавцу и объ отобраніи у Потолова этой машинки съ возвращеніемъ ея компаніи Зингеръ.

При разсмотрѣніи въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ дѣла по этой жалобѣ Потолова, возникъ вопросъ относительно примѣненія установленнаго 126 ст. уст. угол. суд. и соотвѣтствующей 777 ст. того же устава правила объ отобраніи, для возвращенія

ж. гр. и уг. пр. кн. 1 1889 г. 1

шенія хозяину, добытыхъ преступнымъ способомъ вещей, въ тѣхъ случаяхъ, когда вещи пріобрѣтены законнымъ способомъ отъ лица, добывшаго ихъ посредствомъ преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго 177 ст. уст. о нак., налаг. мир. суд., и 1681—1682 ст. улож. о нак.

Въ виду діаметрально противоположныхъ рѣшеній этого вопроса уголов. кассац. депар. (рѣш. 1885 г. № 4) и гражд. кассац. департ. (рѣш. 1878 г. № 25) было признано необходимымъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе общаго собранія кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената, которое и опредѣлило, что 126 и 777 ст. уст. угол. суд. не уполномочиваютъ уголовный судъ возвращать потерпѣвшему похищенные у него или присвоенныя вещи, когда таковыя взяты къ дѣлу отъ третьихъ лицъ и что въ этихъ случаяхъ, равно какъ и въ случаяхъ оправданія обвиняемаго въ похищеніи или присвоеніи оныхъ, требованіе о возвратѣ вещей можетъ быть заявлено только суду гражданскому. Давая такое разъясненіе занимающаго насъ вопроса, общее собраніе кассационныхъ департаментовъ основываетъ его на слѣдующихъ соображеніяхъ: статьи 777 и 126 уст. угол. суд. имѣютъ въ виду, какъ явствуетъ изъ второй части первой изъ сихъ статей, такіе предметы, которые пріобщены къ уголовному производству порядкомъ 105, 371, 372 и 375 ст. уст. угол. суд. въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ и относительно которыхъ уголовный судъ постановляетъ опредѣленіе какъ о законныхъ послѣдствіяхъ преступленія (ст. 776 того же устава). На этомъ основаніи, когда пріобщены къ дѣлу, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, вещи, взятые у обвиняемаго въ похищеніи или присвоеніи оныхъ, или у кого либо изъ лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности по тому же дѣлу, то судъ обязанъ возвратить ихъ потерпѣвшему; но если дѣяніе, служившее предметомъ судебного производства, будетъ признано непроступнымъ, или обвиняемый будетъ оправданъ, то взятые у него къ дѣлу вещественныя доказательства должны быть возвращены ему, какъ находившіяся у него не вслѣдствіе преступленія и проступка.

Судъ, въ данномъ случаѣ, говорится дальше, не имѣетъ права касаться спорнаго вопроса объ имущественномъ правѣ сторонъ, такъ какъ разрѣшенію его подлежатъ лишь такіе гражданскіе иски, которые вытекаютъ изъ событія преступленія, какъ предмета уголовного производства, и исполняетъ постановленіе 777 и 126 ст. возвращеніемъ вещи оправданному обвиняемому, какъ хозяину

онихъ въ моментъ ихъ отобранія у него, а противной стороной предоставляет разобраться въ своихъ правахъ на эти вещи гражданскимъ порядкомъ.

Наконецъ, читаемъ мы далѣе, если такимъ образомъ возвращеніе потерпѣвшему вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ у обвиняемыхъ, обусловливается признаніемъ судомъ факта преступнаго изыятія ихъ изъ владѣнія потерпѣвшаго и виновности въ томъ обвиняемаго, то тѣмъ болѣе возвращеніе такихъ вещей потерпѣвшему не можетъ имѣть мѣста въ томъ случаѣ, когда вещи эти отобраны отъ третьихъ лицъ, приобрѣвшихъ оныя законнымъ способомъ и вполне добросовѣстно, хотя бы и отъ лица, привлеченнаго къ отвѣтственности въ похищеніи или присвоеніи ихъ; въ этомъ случаѣ, говоритъ сенатъ, признаніе уголовнымъ судомъ виновности сего послѣдняго не можетъ служить основаніемъ къ возвращенію такихъ вещей потерпѣвшему, такъ какъ такое дѣйствіе суда было бы равносильно разрѣшенію гражданского иска потерпѣвшаго объ имущественномъ правѣ по отношенію къ лицу, никакого участія въ дѣлѣ не принимавшему.

Таково рѣшеніе сената по постановленному вопросу, уничтожающее, упраздняющее, по нашему мнѣнію, въ корень постановленія 375 ст. уст. угол. суд., 1664 ст. улож. о нак. и 1512 ст. зак. гражд. т. X св. зак.

Какъ, спрашивается, возвращать, на основаніи 375 ст., потерпѣвшему вещи, добытыя преступленіемъ, въ періодъ производства предварительнаго слѣдствія, когда даже въ дальнѣйшемъ производствѣ суда право возвращенія такихъ вещей потерпѣвшимъ прямо отрицается сенатомъ въ отношеніи вещей, отобранныхъ у третьихъ лицъ и обусловливается признаніемъ факта преступленія и виновности подсудимаго въ отношеніи вещей, отобранныхъ у этого послѣдняго? Какъ же поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый въ похищеніи, напр., вовсе не могъ быть обнаруженъ и дѣло подлежитъ прекращенію по 277 ст.? Неужто только въ силу недостаточности у судебной власти средствъ къ обнаруженію похитителя, а въ иныхъ случаяхъ—неумѣлости полиціи, въ силу, такъ сказать, чисто случайныхъ обстоятельствъ, нарушенныхъ преступленіемъ права потерпѣвшихъ лицъ останутся безъ возстановленія ихъ? Потерпѣвшій, говоритъ сенатъ, можетъ возстановить свои права на вещь въ граждан-

скомъ порядкѣ, но путь этотъ для взятаго нами примѣра не пригоденъ, такъ какъ разрѣшеніе иска, проистекающаго, въ данномъ случаѣ, изъ преступнаго дѣянія, стоитъ въ зависимости отъ признанія судомъ уголовнымъ факта преступления, что не можетъ имѣть мѣста въ виду прекращенія слѣдствія по 277 ст. за необнаруженіемъ виновнаго (ст. 6 уст. гражд. судопр.). Кромѣ того, если виновный въ похищеніи не обнаруженъ, то и доказать приобрѣтеніе третьимъ лицомъ похищенной вещи отъ вора не представляется возможнымъ, разъ это третье лицо задался намѣреніемъ противождать отобранію у него краденой вещи, приобрѣтенной имъ добросовѣстно. Наконецъ, практика показываетъ, что отобраніе похищенныхъ вещей у третьихъ лицъ обуславливается, въ большинствѣ случаевъ, своевременностью такого отобранія; при обращеніи же въ гражданскій судъ, хотя бы даже при условіи обезпеченія иска путемъ предварительнаго ареста вещи, можно навѣрно сказать, время для послѣдняго будетъ въ большинствѣ случаевъ пропущено и вещь исчезнетъ.

Право и даже обязанность судебной власти—въ частности судебного слѣдователя—отобранія предметовъ, добытыхъ путемъ преступления и возвращенія ихъ потерпѣвшимъ предусмотрѣны 375, 777 и 126 ст. уст. угол. суд., 1664 ст. улож. о наказ. и 1512 ст. зак. гражд. т. X. На основаніи указанныхъ законовъ, право это выражено законодателемъ столь категорично и ясно, что сомнѣваться въ немъ едва ли, казалось бы, возможно; не сомнѣвался въ этомъ правѣ до сихъ поръ и сенатъ, если принять во вниманіе цѣлую серію его кассационныхъ рѣшеній по этому вопросу (рѣш. уголовного кассационнаго департамента 1875 года за № 302 по дѣлу Колемина, 1869 года за № 1030 по дѣлу Давидлова и Дмитріева, 1870 года за № 505, общаго собр. кассацион. деп.—въ 1884 года за № 42 и 1885 года за № 4 по дѣлу Орлова), которыми право отобранія и возвращенія вещей, преступнымъ образомъ изъятыхъ изъ владѣнія потерпѣвшихъ, каждый разъ только подтверждалось и лишь рѣш. общаго собр. касс. деп.—та 29 октября 1884 года за № 42 право это отрицается, но и то только въ отношеніи безымянныхъ 5 процентныхъ билетовъ государственнаго банка, билетовъ 5 процентныхъ государственнаго внутренняго съ выигрышами займовъ, или же иныхъ кредитныхъ бумагъ, выданныхъ на предъявителя. Такое исключеніе допускается не на основаніи юридическихъ соображеній, а съ точки зрѣнія государствен-

ной политики, чтобы не подорвать основного значенія денежных знаковъ.

Рѣшеніе сената 1887 года, ни разу не упоминаетъ о 375 ст. и о связанномъ съ нею правѣ слѣдователя возвратить похищенное или отнятое имущество потерпѣвшему, коль скоро въ приобщеніи его къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства не представляется надобности; кромѣ того сенатъ все время говоритъ о такихъ вещахъ, которыя приобщены къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ и игнорируетъ другой разрядъ преступленіемъ добытаго имущества, которое не имѣетъ значенія вещественныхъ по дѣлу доказательствъ и, какъ таковое, не приобщено къ дѣлу порядкомъ 370, 371 и 105 ст. уст. угол. судопр., между тѣмъ насъ интересуетъ въ данный моментъ именно то: какъ поступить слѣдователю въ томъ случаѣ, когда ему извѣстно, что предметъ преступленія находится въ обладаніи третьяго лица, совершенно добросовѣстно его приобрѣвшаго однимъ изъ законныхъ способовъ приобретенія, если въ приобщеніи его къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства нѣтъ никакой надобности? Если слѣдователь, руководствуясь цитируемымъ опредѣленіемъ сената, оставить предметъ преступленія во владѣніи третьяго лица, онъ прямо нарушитъ требованіе 375 ст., обязывающей его возвратить такое имущество подѣ росписку тому, у кого оно было похищено или отнято, произведя предварительно оцѣнку этого имущества; если же слѣдователь поступитъ согласно требованію 375 ст. уст. угол. суд. и 1664 ст. улож. о наказ., согласно которой „все похищенное имущество, по открытіи онаго, немедленно возвращается тѣмъ, у кого оно было похищено“, то его можно упрекнуть въ томъ, что онъ не руководствуется преподаваемыми сенатомъ разъясненіями.

Опредѣленіе 16 марта 1887 года говоритъ все время о правѣ возвращенія, а не объ отобраніи преступленіемъ изъятаго имущества; слѣдовательно, въ правѣ отобранія, хотя бы подѣ предложомъ приобщенія къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, на основаніи напр. 357 ст. уст. угол. суд., не можетъ быть и рѣчи. Далѣе опредѣленіе беретъ два случая: первый—когда вещи отобраны у самого обвиняемаго, и второй—когда они отобраны у третьихъ лицъ, непривлеченныхъ къ отвѣтственности. Въ первомъ случаѣ право суда на возвращеніе вещи потерпѣвшему, разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, подѣ условіемъ призна-

нія факта преступнаго изыятія этой вещи изъ владѣнія потерпѣвшаго и виновности въ томъ подсудимаго и въ отрицательномъ смыслѣ—если дѣяніе будетъ признано не преступнымъ, или обвиняемый будетъ оправданъ. Во второмъ случаѣ право на возвращеніе вещи потерпѣвшему безусловно отрицается, безотносительно къ тому, какой будетъ постановленъ по дѣлу приговоръ.

Этими-то двумя положеніями мы и будемъ руководствоваться въ своихъ соображеніяхъ.

Если въ первомъ случаѣ судимое дѣяніе будетъ отвергнуто судомъ или признано не преступнымъ, то само собою разумѣется вопросъ о правѣ на отобранное у обвиняемаго имущество является вопросомъ спорнымъ, подлежащимъ рѣшенію гражданскаго суда, почему и вопросъ о возвращеніи теряетъ свое основаніе.

Если же подсудимый только оправданъ, то это обстоятельство, какъ чисто случайное на судѣ съ присяжными, не даетъ еще права признавать отобранное у подсудимаго имущество спорнымъ, разъ только слѣдствіемъ—предварительнымъ и судебнымъ—принадлежность его потерпѣвшему была установлена и въ особенности, если, какъ это бываетъ довольно часто, самъ подсудимый не оспариваетъ права собственности потерпѣвшаго. Мало ли какими внутренними, неподдающимися изслѣдованію, мотивами обусловливается оправдательный вердиктъ присяжныхъ, при полной, иногда, очевидности совершенія подсудимымъ преступления, за которое онъ судился. А разъ принадлежность отобраннаго у обвиняемаго имущества потерпѣвшему не возбуждаетъ сомнѣнія, то нѣтъ мѣста и для отыскиванія со стороны потерпѣвшаго своихъ правъ на это имущество гражданскимъ судомъ. Высказываемый нами взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе въ текстѣ первой части 777 ст. уст. угол. судопр., по силѣ которой „вещи, добытыя чрезъ преступное дѣяніе, возвращаются ихъ хозяину, *хотя бы онъ и не представлялъ никакого иска*“; подчеркнутое нами выраженіе прямо указываетъ на обязанность суда придти на помощь потерпѣвшему, не заставляя его въ дѣлѣ возвращенія своего имущества подвергаться судебной волокитѣ съ ея неизбѣжными расходами, при условіи обращенія къ гражданскому суду. Наконецъ, употребленное въ томъ же выраженіи слово „искъ“ наводитъ на слѣдующую мысль: искъ есть юридическое понятіе, присущее гражданскому судопроизводству, а потерпѣвшій на судѣ не всегда является гражданскимъ истцомъ, а потому, если бы законодатель

имѣлъ въ виду необходимость предъявленія въ судѣ уголовномъ для возвращенія преступно добытаго имущества особаго иска, то это было бы оговорено въ законѣ на случай оправданія подсудимаго или на случай пропуска установленнаго 7 ст. уст. угол. суд. срока на подачу иска. Напротивъ того, постановленіе суда о вещахъ, добытыхъ преступнымъ дѣяніемъ, составляетъ, по силѣ 776 ст., необходимую часть общаго приговора и оставленіе такихъ вещей во владѣніи обвиняемаго или возвращеніе ихъ ему должно нарушить цѣльность или полноту приговора, въ ущербъ цѣлямъ уголовного правосудія, которое призвано не къ одной только карательной дѣятельности во имя отвлеченной идеи, но и для возстановленія нарушеннаго преступленіемъ порядка.

Слово „искъ“ въ 777 ст., очевидно, употреблено не въ строго юридическомъ, такъ сказать, техническомъ смыслѣ, а въ смыслѣ особаго на каждый разъ ходатайства, требованія, такъ какъ въ уставѣ уголовного судопроизводства указано по какимъ предметамъ и когда въ судѣ уголовномъ предъявляется искъ въ смыслѣ термина гражданского судопроизводства, а именно—6 и 7 ст. уст. угол. судопр., указываютъ, что гражданскій искъ можетъ быть предъявленъ въ судѣ уголовномъ лишь о вознагражденіи за вредъ и убытки, разрѣшеніе котораго на основаніяхъ гражданского судопроизводства и должно составлять, по силѣ 776 ст. уст. угол. судопр., часть общаго приговора; но нигдѣ въ законѣ не указано, чтобы для возвращенія вещи, добытой преступленіемъ, допускалось бы въ судѣ уголовномъ предъявленіе формальнаго иска, иначе каждый бы потерпѣвшій, вопреки 6 ст. уст. угол. суд., являлся бы гражданскимъ истцомъ, съ обязанностью заявить, на основаніи 7 ст. уст. угол. судопр., свой искъ о возвратѣ вещи до открытія судебного по дѣлу засѣданія, подъ угрозой потерять право на вчинаніе иска порядкомъ уголовнымъ.

Наконецъ, еще одно соображеніе: защищаемое нами положеніе о томъ, что требованію о возвращеніи преступно добытаго нельзя придавать значенія иска, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ сопоставленіи 777 ст. уст. угол. суд. съ 4 ст. уст. гражд. суд., такъ какъ по 4 ст. уст. гражд. суд. производство гражданскихъ дѣлъ обусловливается просьбой о томъ лицѣ, до коихъ тѣ дѣла касаются, между тѣмъ 777 ст. предписываетъ суду постановлять рѣшеніе о возвратѣ преступленіемъ добытыхъ вещей и безъ предъявленія такой просьбы, вслѣдствіе чего возвращеніе такихъ

вещей не должно слѣдовать и подчиняться общему порядку производства гражданскихъ дѣлъ, а имѣть характеръ особый, установленный закономъ *ipso jure* обязанности уголовного суда возстановлять нарушенныя преступленіемъ права потерпѣвшаго, пользующіяся охраной правительства, а потому, въ случаѣ оправданія подсудимаго, при отсутствіи сомнѣнія въ событіи преступленія и принадлежности вещи потерпѣвшему, отсылать этого послѣдняго въ гражданскій судъ нѣтъ, по нашему мнѣнію, законнаго основанія.

Тоже необходимо сказать и о второмъ случаѣ, когда имущество, подлежащее возвращенію, отобрано не у обвиняемаго, а у третьихъ лицъ. Мѣсто открытія преступленіемъ добытаго имущества не можетъ играть никакой роли, въ виду того, что законъ въ подлежащихъ статьяхъ не даетъ опредѣленія мѣстъ отысканія или открытія такого имущества, какъ условія осуществленія права возвратитъ имущество потерпѣвшему, а употребляетъ безотносительныя выраженія: „по отысканіи“ (375 ст. уст. угол. суд.), „по открытіи онаго“ (ст. 1664 улож.).

Все недоразумѣніе по занимающему насъ вопросу, какъ намъ представляется, заключается въ томъ, что сенатъ, въ рѣшеніи 16 марта 1887 года, обуславливая возвращеніе вещи предьявленіемъ гражданскаго иска потерпѣвшаго къ лицу, у котораго оказалось его имущество, подчиняетъ, такъ сказать, возвращеніе такого имущества правиламъ иска или, лучше сказать, требованіе о возвращеніи похищеннаго напр. имущества отождествляетъ съ предьявленіемъ въ уголовномъ судѣ гражданскаго иска и, беря это за отправную точку своихъ соображеній, совершенно правильно заключаетъ, что признаніе уголовнымъ судомъ виновности привлеченнаго къ отвѣтственности по обвиненію въ похищеніи или присвоеніи отобранныхъ у третьяго лица вещей, не можетъ служить основаніемъ къ возвращенію ихъ потерпѣвшему, такъ какъ такое дѣйствіе было бы равносильно разрѣшенію гражданскаго иска потерпѣвшаго объ имущественномъ правѣ по отношенію къ лицу, никакого участія въ дѣлѣ не принимавшему.

Но въ томъ то и дѣло, что потерпѣвшій никакого иска не предьявлялъ къ третьему лицу объ имущественномъ правѣ на похищенное у него имущество, принадлежность ему котораго безспорно установлена слѣдствіемъ; онъ только ожидалъ, безъ всякаго съ своей стороны побужденія, возвращенія ему его вещей, кото-

рыя онъ видѣлъ передъ собою на столѣ вещественныхъ доказательствъ, какъ осуществленія судомъ прямой его обязанности возстановить его нарушенныя права на эти вещи на точномъ основаніи 777 ст. уст. угол. суд., безъ всякаго даже требованія съ его стороны.

Не потерпѣвшій обязанъ отыскивать свои права на похищенную у него вещь, найденную у третьяго лица, а это послѣднее, если имѣетъ какое либо притязаніе на эту вещь, должно принять на себя инициативу возбужденія вопроса о правѣ на эту вещь, путемъ предъявленія уже чисто гражданскаго иска о вознагражденіи за убытки и не къ потерпѣвшему, ни въ чемъ неповинному, а къ обвиняемому, похитившему вещь и сбывшему ее третьему лицу.. Въ сказанномъ насъ убѣждаетъ текстъ 1512 ст. зак. гражд., по силѣ которой, если движимое имущество куплено безъ поручительства, хотя, впрочемъ, не завѣдомо краденое, но впослѣдствіи оно окажется краденымъ, *„то покупатель подвергается лишенію оного и отобранію въ пользу настоящаго хозяина, и ему предоставляется заплаченные деньги искать на продавца“*.

Совершенно безошибочно разсуждаетъ уголовный кассационный департаментъ въ рѣшеніи 1885 года за № 4 по дѣлу Орлова, что „за правильнымъ со стороны суда устраненіемъ третьяго лица (общества для заклада движимыхъ имуществъ) отъ участія въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскаго истца (рѣш. угол. касс. департ. 1877 года № 47), уголовный судъ вовсе не имѣлъ основанія входить въ какое либо сужденіе о правѣ третьяго лица (общества) на отобранное имущество, но долженъ былъ, на точномъ основаніи 778 ст. уст. угол. суд., предоставить ему обратиться къ разбирательству суда гражданскаго, буде оно имѣетъ какое либо притязаніе къ добытому подсудимымъ (Орловымъ) чрезъ преступленіе имуществу“.

Наконецъ, если обуславливать возвращеніе вещей, добытыхъ преступленіемъ, искомъ, то какое же право имѣетъ судъ постановлять въ приговорѣ о возвращеніи спорной вещи третьему лицу, когда оно, вопреки 4 ст. уст. гражд. суд., вовсе объ этомъ и не просило?!

Этимъ мы оканчиваемъ наши соображенія по первому вопросу, приходя къ тому заключенію, что право отбирать и возвращать похищенное или отнятое имущество потерпѣвшему, безотносительно къ тому, гдѣ бы оно ни было найдено или обнаружено, должно неотъемлемо принадлежать судебной власти, пока подлежа-

ція статьи закона, указанныя выше, сохраняютъ силу и не отмѣнены установленнымъ на то порядкомъ.

Обращаясь ко второму вопросу о томъ, имѣетъ ли примѣненіе 375 ст. въ отношеніи похищеннаго или отнятаго имущества, когда таковое будетъ заложено въ какихъ либо учрежденіяхъ, казенныхъ или частныхъ, дѣйствующихъ на основаніи утвержденнымъ правительствомъ уставовъ,—необходимо замѣтить, что при томъ разрѣшеніи общаго вопроса, которое мы предположили выше, настоящий частный вопросъ потому только и получаетъ значеніе вопроса, возбуждаетъ сомнѣнія при примѣненіи 375 ст., что ссудныя учрежденія подъ заклады имущества, дѣлаютъ нерѣдко затрудненія въ выдачѣ заложенныхъ вещей, оказавшихся добытыми преступленіемъ, по требованію судебной власти, въ частности—судебныхъ слѣдователей, ссылаясь при этомъ на свои уставы, утвержденныя правительствомъ, чѣмъ и лишаютъ слѣдственную власть возможности осуществить обязанность, предписываемую 375 ст.

Въ практикѣ пишущаго эти строки былъ случай, когда с.-петербургскій частный ломбардъ отказалъ ему выдать заложненное тамъ серебро, оказавшееся похищеннымъ, причемъ серебро это, какъ точно было установлено предварительнымъ слѣдствіемъ, составляло собственность потерпѣвшаго. Ломбардъ, отказывая въ исполненіи требованія о доставленіи указаннаго серебра, ссылаясь на свой уставъ, согласно которому отобраніе заложennaго въ немъ имущества, буде такое окажется краденымъ, можетъ быть осуществлено со стороны судебной власти только по судебному опредѣленію.

Обращаясь въ кассационной практикѣ по этому вопросу, мы нашли рѣшеніе гражд. касс. деп. 1870 года за № 38 по дѣлу Арванити, которое подтверждаетъ положеніе устава частнаго ломбарда, говоря, что право покупателя не завѣдомо краденаго имущества—или вообще добросовѣстнаго пріобрѣтателя такого имущества, въ данномъ случаѣ заимодавца, искать заплаченныя и выданныя въ ссуду за краденое имущество деньги на продавцѣ или залогодателѣ возникаетъ, по смыслу 1512 ст. зак. гражд., только тогда, когда онъ лишонъ этого имущества вслѣдствіе доказанности ея преступнаго пріобрѣтенія отъ потерпѣвшаго, что можетъ послѣдовать лишь при посредствѣ суда.

Такое рѣшеніе этого вопроса намъ кажется неправильнымъ и вотъ по какимъ соображеніемъ:

1) Положеніе ссудныхъ учреждений по отношенію къ занимающему насъ вопросу, тождественно съ положеніемъ всякаго третьяго лица, у котораго найдена похищенная вещь, и которую онъ приобрѣлъ законнымъ способомъ и вполне добросовѣстно, не завѣдомо краденой, а разъ мы склоняемся къ тому, что по силѣ 375, 777 и 126 ст. уст. угол. суд., 1664 ст. улож. о нак. и 1512 ст. зак. гражд., третье лицо не освобождается отъ обязанности отдать похищенную вещь судебной и слѣдственной власти для возвращенія ея потерпѣвшему, то къ тому же обязано и ссудное учреждение, по тождеству своего положенія съ положеніемъ третьяго лица. Соображенія о томъ, что при подобномъ порядкѣ вещей ссудныя учрежденія будутъ терпѣть большіе убытки и не будутъ въ состояніи функционировать, не могутъ быть принимаемы во вниманіе, разъ существуетъ 1511 ст. зак. гражд., указывающая на способы обезпеченія покупателя или вообще приобретателя движимаго имущества.

2) Если буквально понимать выраженіе устава частнаго ломбарда „по судебному опредѣленію“, т. е. въ смыслѣ приговора окружнаго или мирового суда, то при такомъ условіи требованіе 375 ст., относящейся къ дѣятельности слѣдователя,—дѣятельности, предшествующей судебному разбирательству, сводилось бы къ кулю, что врядъ ли могъ имѣть въ виду законодатель при составленіи устава ломбарда, такъ какъ этимъ онъ лишалъ бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ потерпѣвшаго навсегда возможности возстановить свои права на похищенное у него имущество иначе, какъ подъ условіемъ выкупа имъ заложеннаго на свой счетъ, чѣмъ усугублялось бы только положеніе потерпѣвшаго, какъ напр. въ такихъ случаяхъ, когда дѣло ограничивается однимъ слѣдственнымъ производствомъ по необнаруженію виновнаго или за его смертью, возстановленіе своихъ правъ въ гражданскомъ порядкѣ немислимо, такъ какъ, по силѣ 6 ст. уст. гражд. судопр., гражданскій судъ по такому иску приступаетъ къ производству не прежде, какъ по окончаніи уголовного по тому предмету, изъ коего искъ происходитъ.

3) Выраженію „по судебному опредѣленію“ должно, по нашему мнѣнію, придавать значеніе постановленія вообще судебной власти, каковой, на основаніи закона, является и власть слѣдственная—

судебный слѣдователь, считающійся, по силѣ 79 ст. учр. суд. уст., судьей. Высказанному опредѣленію этого выраженія не будетъ противорѣчить и указанное рѣш. гражд. касс. деп. 1870 г. за № 38, согласно которому лишеніе покупателя вещи краденой, обуславливается доказанностью ея похищенія при посредствѣ суда, такъ какъ доказанность похищенія вещи можетъ имѣть мѣсто и въ періодѣ производства предварительнаго слѣдствія, производимаго, какъ извѣстно, судебнымъ слѣдователемъ, т. е. значить—тоже при посредствѣ суда или судебной слѣдственной власти, которая отобраніе вещи и возвращеніе ея потерпѣвшему, примѣнительно къ 472 ст. уст. угол. суд., облекаетъ въ форму постановленія, копія съ котораго для обжалованія или для другихъ цѣлей можетъ быть выдана тому, у кого послѣдовало отобраніе.

4) По силѣ 1664 ст. 1 п. зак. гражд. т. X., „не дѣйствителенъ закладъ чужаго движимаго имущества, заложеннаго безъ позволенія его хозяина; въ семь случаѣ оно возвращается сему послѣднему, а займодавцу предоставляется взыскивать деньги, по акту залога, съ закладчика“. Приведеннымъ, столь категорично выраженнымъ закономъ, разрѣшается всякое сомнѣніе въ существованіи права слѣдователя сдѣлать выемку заложеннаго краденаго имущества, съ которымъ и поступить согласно требованію 375 ст. уст. угол. суд., такъ какъ если предварительнымъ слѣдствіемъ будутъ точно установлены условія недѣйствительности заклада, указанныя въ приведенной статьѣ 1664 зак. гражд., то договоръ заклада *ipso iure* уничтожается, дѣлается *nullum*, вслѣдствіе чего и судъ, не входя въ разсмотрѣніе правъ на такое имущество въ порядкѣ гражданскаго, судопроизводства, прямо возвращаетъ его, на точномъ основаніи 777 ст. уст. угол. суд., потерпѣвшему, разъ только въ принадлежности ему этого имущества не возникаетъ сомнѣнія.

5) Лежащій предъ нами уставъ с.-петербургскаго общества для заклада движимыхъ имуществъ, въ ст. 56 тоже употребляетъ выраженіе „судебный приговоръ“, допуская возвратъ заложенныхъ обществу чужихъ вещей не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы вещи эти были признаны похищенными судебнымъ приговоромъ. Употребленное въ этомъ уставѣ выраженіе „судебный приговоръ“ уже болѣе точно указываетъ на то, что право отобранія съ возвращеніемъ вещи потерпѣвшему признается только за судомъ, а не за слѣдователемъ, но тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся оспаривать

ограничительное значеніе этого выраженія по основаніямъ, изложеннымъ въ предшествующихъ пунктахъ настоящей статьи, такъ какъ иначе явилась бы рѣзкая коллизія законовъ частныхъ, опредѣляющихъ дѣятельность названныхъ частныхъ учреждений, съ закономъ общимъ, изложеннымъ въ 375 ст. уст. угол. судопр.

6) Единственное исключеніе и то по отношенію общаго вопроса о возвратѣ краденыхъ вещей, заложенныхъ въ ссудныхъ кассахъ, устанавливаетъ 28 ст. положенія о ссудныхъ кассахъ разд. IX уст. кред., томъ XI ч. 2 св. зак. изд. 1887 г., по силѣ которой дѣйствіе 1664 ст. зак. гражд. разрушается и заложенные тамъ вещи, хотя бы и краденныя, не возвращаются потерпѣвшему, которому предоставляется лишь право ихъ выкупа.

Изъ всего вышеизложеннаго, во всякомъ случаѣ, усматривается коллизія законовъ и которому закону слѣдуетъ отдать преимущество — представляется вопросомъ небезынтереснымъ и, потому, заслуживающимъ рѣшительнаго разъясненія.

В. Харламовъ.

УСЛОВІЯ ПРИЕМА ВЪ ПРИСЯЖНЫЕ ПОВѢРЕННЫЕ ¹⁾.

Естественные опекуны малолѣтнихъ и совѣтники взрослыхъ— вотъ названіе, которое даетъ адвокатамъ Ліувиль, одинъ изъ почтеннѣйшихъ и талантливѣйшихъ представителей французской адвокатуры ²⁾. Повидимому точно также смотрѣли на адвокатуру и составители судебныхъ уставовъ Императора Александра II, ставя необходимымъ условіемъ правильной организаціи установленія присяжныхъ повѣренныхъ—средства къ водворенію и поддержанію среди этого института чувства правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности предъ правительствомъ и обществомъ. Въ числѣ такихъ средствъ они считали главнѣйшимъ—условія приема въ присяжные повѣренные, условія, которыя бы гарантировали то, „чтобы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ представляло самое вѣрное ручательство правственности, знанія и честности

---

¹⁾ Печатаемая замѣтка—послѣдній изъ трудовъ, переданныхъ редакціи М. Г. Гребенщиковымъ, посвящена предмету, которымъ покойный авторъ занимался съ особенною любовью. *Примѣч. редакціи.*

²⁾ Félix Liouville, De la profession d'avocat. Paris. 1864, стр. 16.

убѣжденій“ ¹⁾). Первымъ условіемъ пріема, въ виду этого, законъ поставилъ высшее юридическое образованіе, которое, по справедливому замѣчанію г. Арсеньева, не можетъ быть замѣнено никакимъ практическимъ знакомствомъ съ дѣлами. „Допущеніе отставныхъ чиновниковъ, не получившихъ юридическаго образованія, разсуждали составители судебныхъ уставовъ, будетъ имѣть болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ послѣдствій; принятіе въ число присяжныхъ повѣренныхъ прежнихъ ходатаевъ по дѣламъ,—сразу уронитъ значеніе этого установленія и надолго замедлитъ установленіе его кредита“. Г. Арсеньевъ, изучившій вопросъ объ адвокатурѣ не только теоретически, но и практически, видитъ въ разбираемомъ требованіи еще и то, что для сословія присяжныхъ повѣренныхъ, какъ цѣлаго, весьма важно, „чтобы оно состояло исключительно изъ лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе“. Съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться, такъ какъ связь, которую устанавливаетъ общность образованія, является наилучшимъ средствомъ для утвержденія той солидарности, безъ которой немыслима ни одна корпорація ²⁾).

Другимъ условіемъ для принятія въ присяжные повѣренные законъ поставилъ, сверхъ юридическаго образованія, пятилѣтнюю практическую подготовку. Противъ этого требованія принципиально возражать, по нашему мнѣнію, довольно трудно. Ниже мы увидимъ, что жизнь на практикѣ превратила это правило въ бесполезное стѣсненіе, сплошь и рядомъ совершенно не гарантирующее наличность опытности кандидата въ присяжные повѣренные. Само собою разумѣется, что человѣкъ, сошедшій съ университетской скамьи, еще не есть адвокатъ, такъ какъ веденіе судебныхъ дѣлъ требуетъ знанія цѣлой массы такихъ формальностей и пріемовъ, которые могутъ быть пріобрѣтены только на практикѣ. Но, какъ замѣчаетъ г. Арсеньевъ, „опытность и знаніе растутъ соразмѣрно не съ числомъ лѣтъ“.

Затѣмъ законъ, желая допускать въ присяжные повѣренные лишь лицъ, ничѣмъ не запятнавшихъ своей репутаціи, предоставилъ совѣтамъ право отказывать въ званіи присяжнаго повѣреннаго на основаніи собранныхъ о просителѣ неблагопріятныхъ свѣдѣній. Право это подвергалось неоднократной критикѣ въ нашей

---

¹⁾ Судеб. уст. изд. государствен. канц., т. III, стр. 212.

²⁾ *Ив. Арсеньевъ. К. Запѣтки о русской адвокатурѣ. С.-П.-Б. 1875 г. стр. 7—15.*

периодической печати. Но нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ г. Арсеньева, что можно сомнѣваться въ томъ, чтобы это правило удерживало отъ вступленія въ корпорацію кого либо, исключая тѣхъ, кто самъ знаетъ за собою такіе поступки, которые пятнають репутацію человѣка ¹⁾).

Возвращаясь къ принципамъ адвокатуры, выработаннымъ на западѣ, мы видимъ, что на первый планъ всегда выдвигается независимость и свобода ихъ дѣятельности. Свобода и независимость адвокатуры выставляются необходимыми условіями рѣшительно всѣми лучшими представителями науки. Но эту свободу и независимость не слѣдуетъ понимать исключительно въ смыслѣ основъ организаціи адвокатскаго сословія. Прежде всего адвокатъ долженъ быть лично свободенъ и независимъ. Этотъ принципъ также раздѣлялся составителями судебныхъ уставовъ и, въ силу его, было установлено (ст. 355 учр. суд. уст.), что присяжными повѣренными не могутъ быть состоящіе на службѣ отъ правительства или по выборамъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто занимаетъ почетныя должности. Составители прямо мотивировали это правило тѣмъ, что лица, состоящіа на службѣ, не могутъ, въ качествѣ подчиненныхъ своему начальству, имѣть той независимости, которая требуется отъ адвоката. По этому поводу можно замѣтить лишь одно, что вообще всякое совмѣстительство является неудобнымъ. Въ интересахъ службы законъ нашъ уже ограничилъ сильно виды совмѣстительства и поступилъ болѣе, чѣмъ справедливо.

И такъ, вотъ тѣ основныя условія, которыми законъ хотѣлъ гарантировать обществу въ томъ отношеніи, что адвокатура будетъ пополняться лицами не только вполне честными, но и знающими и опытными. Условія эти, приблизительно, были заимствованы, вмѣстѣ съ организаціей, отъ адвокатуры французской. Но жизнь всегда передѣлываетъ по своему то, что придумываютъ люди, хотя бы въ формѣ закона. Далѣе мы увидимъ насколько гарантируютъ знаніе и опытность установленныя закономъ условія. Увидимъ также и то, какъ они примѣнились у насъ на практикѣ.

Въ обществѣ очень часто слышатся до сихъ поръ сѣтованія, что доступъ въ присяжную адвокатуру затрудненъ, что она представляетъ собою касту, которая стремится къ монополіи и самоуправству. Къ сожалѣнію, иногда эти взгляды проникали даже и

---

¹⁾ Арсеньевъ, стр. 19—21.

въ правительственныя сферы, что не могло не отзываться вредно на внутренней жизни сословія, тѣмъ болѣе, что его самоуправленіе не есть что либо безконтрольное и строго корпоративное.

Адвокатъ—это совѣтникъ, защитникъ и ходатай по всѣмъ дѣламъ судебного характера. Съ нимъ консультируются передъ началомъ процесса и намѣреваясь заключить гражданскій договоръ, къ его краснорѣчію и знанію прибѣгаютъ во время судоговоренія, ему же поручаютъ у насъ полнѣйшую подготовку дѣла, начиная отъ собиранія документовъ и справокъ до составленія техническихъ бумагъ. Врядъ ли есть болѣе сложная обязанность, чѣмъ обязанность адвоката. Судья, прокуроръ, нотариусъ имѣютъ довольно опредѣленный кругъ дѣятельности, опредѣлить же все то, что приходится выполнять адвокату, почти невозможно. Только серьезное и широкое высшее образованіе можетъ дать адвокату возможность ориентироваться въ его обширной и многосторонней дѣятельности. Юридическіе вопросы также разнообразны и сложны, какъ сама жизнь. Какъ бы ни набилъ себѣ руку въ судебныхъ дѣлахъ человѣкъ, какимъ бы крючкотворомъ онъ ни сдѣлался, запасшись знаніемъ казуистики, онъ никогда не будетъ въ состояніи рѣшить тѣхъ вопросовъ, которые требуютъ пониманія духа законовъ, подойти къ которымъ лишь можно съ философской подготовкой,—подготовкой, даваемой лишь университетомъ и только имъ однимъ.

Но мало одной юридической подготовки: ни одинъ судебный вопросъ не бываетъ чисто юридическимъ: вытекая изъ жизни, они касаются всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ сторонъ, которыя имѣетъ послѣдняя. Выяснить житейскую сторону дѣла также важно на судѣ, какъ и выяснить сторону юридическую. Судъ не поднимаетъ вопроса о томъ, какая нужна въ дѣлѣ экспертиза, не въ состояніи знать тѣхъ чисто житейскихъ обстоятельствъ дѣла, которыя могутъ дать настоящую окраску юридическимъ вопросамъ. Адвокатъ и прокуроръ—волей не волей—должны быть энциклопедистами и ужъ во всякомъ случаѣ въ широкомъ смыслѣ социологами ¹⁾. Однимъ изъ лучшихъ и серьезнѣйшихъ русскихъ адвокатовъ считается В. Д. Спасовичъ. Прочтите его рѣчи и вы увидите, какую разносторонность и основательность знанія онѣ представляютъ:

---

¹⁾ Мысль эта подробно развита у Пальховскаго, въ его книгѣ „О правѣ представительства на судѣ“. 1876 г.

тутъ и психіатрія, и исторія, и философія, и изящная литература. Тоже мы видимъ въ судебныхъ рѣчахъ Гамбетты, Жюль Фавра, Ше-д'Эсть-Анжа и другихъ. Если судьи могутъ положиться на то, что покажутъ эксперты и выяснять стороны, то адвокату необходимо ознакомиться серьезно съ вопросомъ, возникающимъ на судѣ не только съ юридической стороны, но и со сторонъ специальныхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что задачи адвокатуры не такъ просты, какъ это кажется съ перваго взгляда.

I.

Прежде нежели разсматривать подробно условія приѣма въ присяжные повѣренные у насъ, посмотримъ каковы эти условія на западѣ. Юридическое образованіе представляетъ непремѣнное условіе для вступленія въ адвокаты во всѣхъ странахъ. Нѣсколько иначе поставленъ вопросъ о практической подготовкѣ. Во Франціи и Бельгіи для поступленія въ адвокаты требуется трехлѣтнее пребываніе стажеромъ, которое, однако, можетъ и сокращаться. Въ женевскомъ кантонѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, стажъ длится только два года. Въ Англіи лица, имѣющія университетскую степень, принимаются въ адвокаты послѣ трехлѣтняго пребыванія въ одной изъ корпорацій, называемыхъ *inns of court*. Въ Брауншвейгѣ не требуется никакой подготовки и въ число адвокатовъ допускается всякій, кто выдержалъ установленное испытаніе. Напротивъ, въ Австріи званіе присяжнаго повѣреннаго приобрѣтается полученіемъ степени доктора правъ, семилѣтней практикой и особымъ испытаніемъ въ установленной для этого экзаменаціонной комисіи. Въ число семилѣтней практики необходимо должны входить три года занятій у присяжнаго повѣреннаго ¹⁾.

Во Франціи и Бельгіи стажъ не пропадаетъ даромъ: будущій присяжный повѣренный обязанъ посѣщать колонны, конференціи и судебныя засѣданія. Въ главѣ колонны стоятъ обыкновенно два члена совѣта, которые и собираютъ стажеровъ три раза въ годъ и объясняютъ на этихъ собраніяхъ обычаи, правила, обязанности и права адвокатской профессіи. Въ Англіи *inns of court* находятся также подъ управленіемъ старѣйшихъ адвокатовъ.

На несомвѣстимость нѣкоторыхъ занятій съ адвокатурою на западѣ также смотрятъ нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ. Во Франціи

---

¹⁾ А. Фомъ-Резонъ. Объ австрійскихъ судахъ. Журн. гражд. и угол. права. 1883 г. № 3, стр. 62 и 63.— *Арсеньевъ*, стр. 45.

ж. гр. и уг. пр. кн. I 1889 г.

и Бельгіи, напрімѣръ, въ силу самаго закона, признаются несовмѣстимыми съ званіемъ адвоката торговля и коммисіонерство, тогда какъ нашъ законъ объ этомъ ничего не говоритъ. Если нашими совѣтами и признается торговля несовмѣстною съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго, то это дѣлается совершенно вопреки закону, который точно и подробно указалъ всѣхъ лицъ, которые не могутъ быть присяжными повѣренными. Правда, г. Арсеньевъ считаетъ, что совѣты вправѣ признавать извѣстные виды торговли несовмѣстными съ состояніемъ членомъ присяжной адвокатуры, но юридически это врядъ ли справедливо. Мы вполне согласны съ тѣмъ, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что профессія адвоката и профессія кабатчика совершенно исключаютъ одна другую; но законъ все таки этого не предусмотрѣлъ и, слѣдовательно, не запретилъ.

Во Франціи законъ о несовмѣстимости адвокатуры съ торговлею есть результатъ устарѣлаго предразсудка. Мы склонны думать, что если нашъ законъ избѣжалъ этого предразсудка, то совѣтамъ нѣтъ никакой нужды его устанавливать вопреки закону и ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи должна ограничиваться лишь преслѣдованіемъ недобросовѣстныхъ дѣйствій по торговлѣ со стороны присяжныхъ повѣренныхъ. Возраженія, что съ торговыми занятіями неразравно связаны привычки, приемы, взгляды, далеко не согласные съ тѣми, которые свойственны адвокатской профессіи, не выдерживаютъ критики. Торговля на раціональныхъ основаніяхъ ничего подобнаго не требуетъ, а если кто склоненъ къ недобросовѣстности, тотъ и безъ торговли найдетъ примѣненіе этой склонности, справедливо недопускаемой въ адвокатѣ. Наконецъ, мы полагаемъ, что случаи совмѣстительства торговли съ адвокатскою практикою на дѣлѣ могутъ встрѣчаться такъ рѣдко и въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, что о нихъ не стоило бы и поднимать вопроса.

Наоборотъ, профессура считается у насъ, какъ государственная служба, несовмѣстимою съ званіемъ присяжнаго повѣреннаго, тогда какъ во Франціи въ число адвокатовъ допускаются всѣ профессора юридическихъ наукъ, удовлетворяющіе остальнымъ требованіямъ закона. Въ Италіи и Англіи званіе профессора юридическихъ наукъ *ipso jure* даетъ право быть и присяжнымъ повѣреннымъ. Въ Австріи, гдѣ защитниками по уголовнымъ дѣламъ могутъ быть далеко не всѣ дѣеспособныя лица, а лишь тѣ, кто занесенъ въ

особые списки, въ послѣдніе заносятся ех офіціо всѣ доктора правъ, состоящіе профессорами или доцентами юридическихъ факультетовъ.

II.

Обратимся къ болѣе подробному разсмотрѣнію условій приѣма въ присяжные повѣренные по нашему законодательству и установившейся практикѣ. Судебные уставы опредѣляютъ условія предварительной подготовки довольно неясно. Статья 354 учр. суд. уст. говоритъ: „присяжными повѣренными могутъ быть лица, имѣющія аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, или о выдержаніи экзамена въ сихъ наукахъ, если они, сверхъ того, прослужили не менѣе пяти лѣтъ по судебному вѣдомству въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, или также не менѣе пяти лѣтъ состояли кандидатами на должности по судебному вѣдомству, или же занимались судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ“, Статья эта является весьма неполной и неясной. Что такое, на примѣръ, должности, при исправленіи которыхъ лицо можетъ пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ? Гдѣ критерій для точнаго обозначенія, какая должность подходитъ подъ это опредѣленіе и какая нѣтъ? Петербургскій совѣтъ, на примѣръ, не призналъ такою должностью службу въ кассѣ окружнаго суда. Петербургская же судебная палата съ этимъ не согласилась. Напротивъ, тотъ же совѣтъ никогда не затруднялся приѣмомъ въ присяжные повѣренные лицъ, служившихъ по военно-судебному вѣдомству и принималъ въ присяжные повѣренные чиновника распорядительнаго отдѣленія министерства юстиціи ¹⁾.

Еще менѣе выяснено—что такое помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Законъ ихъ называетъ лицами, занимающимися судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ. Очевидно составители судебныхъ уставовъ подразумѣвали подъ такими занятіями отнюдь не исключительное бѣганье за справками или письменныя занятія на дому у патрона, которыя только и доступны по закону 25 мая 1874 года тѣмъ помощникамъ, которые не имѣютъ свидѣтельствъ, установленныхъ для частныхъ повѣрен-

---

¹⁾ Неизвѣстно нашей адвокатуры. Недѣля, 1886 г. № 6.

ныхъ. По логическому толкованію ст. 354 слѣдовало бы полагать, что помощникъ присяжнаго повѣреннаго не имѣетъ права выступать на судѣ иначе, какъ по порученію своего патрона; съ введеніемъ же закона 25 мая они просто были превращены или, лучше сказать, допущены въ частные повѣренные. Получилось нѣчто совершенно противорѣчащее закону о помощникахъ. На практикѣ правила 25 мая были поняты такъ, что суды не допускаютъ работать подъ руководствомъ патроновъ тѣхъ помощниковъ, которые не состоятъ частными повѣренными. Но разъ помощникъ взялъ свидѣтельство, онъ обыкновенно ничѣмъ не стѣсненъ въ самостоятельныхъ занятіяхъ адвокатурой, номинально числится при своемъ патронѣ и отнюдь не готовится подъ его руководствомъ къ будущему званію. Послѣ номинальнаго пятилѣтняго стажа, иногда соединеннаго съ частнымъ ходатайствомъ, иногда нѣтъ, помощникъ принимается въ присяжные повѣренные: въ Петербургѣ и Москвѣ—при извѣстныхъ условіяхъ, въ провинціи—безъ всякихъ условій ¹⁾. Но и условія, поставленныя, напримѣръ, петербургскимъ совѣтомъ, не представляютъ особыхъ гарантій знанія и опытности. Петербургскіе помощники, чтобы быть принятыми въ присяжные повѣренные, должны участвовать два года въ конференціяхъ, представить на послѣднихъ три реферата и имѣть не менѣе десяти уголовныхъ защитъ по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Но что такое эти три реферата, двухлѣтнее участіе въ конференціяхъ и десять уголовныхъ защитъ? К. К. Арсеньевъ, которому принадлежала инициатива устройствъ въ Петербургѣ конференцій, предполагалъ, что группъ будетъ не менѣе десяти и въ каждой группѣ будетъ не болѣе десяти помощниковъ ²⁾. На дѣлѣ въ группахъ участвуетъ обыкновенно гораздо большее количество помощниковъ и связь между ними и руководителями весьма слаба. Тотъ же г. Арсеньевъ предполагалъ, что помощники будутъ обращаться къ руководителямъ за разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, встрѣтившихся въ ихъ практикѣ. Это тоже имѣетъ въ настоящее время самое незначительное осуществленіе. Все таки, даже самыя лучшія,

---

¹⁾ *Арсеньевъ, К. К.*, ib. стр. 29—49.—*Л. Н. Нисселовичъ*, *Наша присяжная адвокатура*. С.-П.-Б. 1881 г. стр. 89.—*„Судебный Вѣстникъ“* 1869 г. № 210, О настоящемъ положеніи адвокатской корпораціи въ Россіи.—*„Страна“* 1881 г. № 80, *„Наша присяжная адвокатура“*.

²⁾ *Ib.* стр. 42.

по своей организаціи, конференціи не могут замѣнить судебной практики, которая пріобрѣтается иногда съ большимъ трудомъ, чѣмъ теорія. Если прибавить къ этому, что, по словамъ г. Муравьева ¹⁾, теоретическая подготовка нашей университетской молодежи оказывается въ большинствѣ случаевъ недостаточною, „обыкновенно не отличается ни глубиною, ни серьезностью, ни основательностью“; что среди *кандидатовъ правъ* встрѣчаются такіе, которые въ попадающихся имъ казусахъ не могутъ отличить „покушенія отъ приготовленія, совокупности отъ повторенія, разбоя отъ грабежа, клеветы отъ лжедоноса“, смѣшиваютъ кассацію съ апелляціей, приговоръ съ рѣшеніемъ, поручительство съ залогомъ, называютъ дознаніе слѣдствіемъ и не умѣютъ опредѣлить толкомъ ни одного гражданскаго института, то окажется, что ст. 354 отнюдь не представляетъ гарантій знанія ни теоретическаго, ни практическаго, о которыхъ справедливо такъ заботились составители судебныхъ уставовъ.

С.-Петербургскій совѣтъ говоритъ, что „если съ самаго введенія судебныхъ уставовъ положеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ представлялось въ высшей степени неопредѣленнымъ, то еще большую неопредѣленность внесъ въ это положеніе законъ о частныхъ повѣренныхъ“. „Званіе помощника обратилось въ одну фикцію. Помощникъ числится помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, не состоя въ дѣйствительности таковымъ“. Въ виду этого совѣтъ выработалъ особые правила для помощниковъ, которые были приняты въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ 17 февраля 1885 года и 18 марта того же года переданы въ судебную палату для представленія въ министерство юстиціи. Правила эти, устанавливая надъ помощниками и ихъ дѣятельностью серьезный и дѣйствительный контроль, все таки, по нашему мнѣнію, являются недостаточной гарантійей знанія, такъ какъ они рѣшительно не вводятъ никакого критерія того, какая степень опытности обязательна для кандидата въ присяжные повѣренные.

Въ началѣ своей дѣятельности, какъ извѣстно, петербургскій совѣтъ практиковалъ особые испытанія для кандидатовъ въ присяжные повѣренные. Мѣра эта обсуждалась въ литературѣ и имѣла много противниковъ. Но въ числѣ ея защитниковъ былъ К. К.

---

¹⁾ „Кандидаты на судебныя должности“. Москва, 1886 г. стр. 47—49.

Арсеньевъ, справедливо указывавшій на то, что испытанія прямо согласны даже съ буквою закона, требующей подготовки ко всѣмъ главнымъ сторонамъ адвокатской дѣятельности. Онъ столь же справедливо указывалъ на то, что, напримѣръ, „лицо, занимавшееся въ продолженіи пяти лѣтъ исключительно производствомъ предварительныхъ слѣдствій, можетъ быть столь же несвѣдуще по части гражданского права и процесса, какъ и лицо никогда не служившее по судебному вѣдомству ¹⁾“.

Намъ могутъ сказать, что, установивъ контроль совѣта и патроновъ за помощниками, будетъ не трудно, при помощи этого же контроля, опредѣлить и степень опытности каждаго изъ нихъ. Но вѣдь установленіе контроля не создастъ ео ipso для помощниковъ практики. Четырехлѣтній, проектируемый стажъ можетъ пройти почти безъ всякой практики или въ веденіи какихъ нибудь весьма несложныхъ дѣлъ, вродѣ взысканій по протестованнымъ векселямъ и другимъ безспорнымъ обязательствамъ, защитѣ четвертыхъ кражъ и выселеній изъ квартиръ. Испытанія для помощниковъ были замѣнены представленіемъ въ конференціи трехъ рефератовъ и это было большою ошибкою. Если что могло бы избавлять помощника отъ экзамена, такъ это развѣ его отчеты, удостоверяющіе разносторонность его практики.

Въ присяжные повѣренные, по закону, принимаются и кандидаты на судебныя должности, пробывшіе въ этомъ званіи пять лѣтъ. Но насколько такое формальное требованіе является гарантіей знанія и опытности—это рисуетъ прекрасная книга г. Муравьева, которую мы уже цитировали. Г. Муравьевъ говоритъ, что „бесплодность кандидатскаго служенія въ столицахъ бываетъ до того ощутительна, что иногда сами кандидаты bona fide забываютъ о своемъ кандидатствѣ“. Кандидаты очень часто, по его словамъ, послѣ пяти лѣтъ, въ теченіи которыхъ занимались неизвѣстно гдѣ и неизвѣстно чѣмъ, являются въ давно забывшее ихъ мѣсто кандидатскаго служенія за своими бумагами и на основаніи ихъ требуютъ себѣ званія присяжнаго повѣреннаго. Отказать имъ по закону, при отсутствіи экзамена, представляется невозможнымъ ²⁾. Но какія же знанія могутъ быть у такого лица?

---

¹⁾ Ib. ч. I, стр. 23—29.

²⁾ Ib. стр. 1—42.

Мы видимъ, такимъ, образомъ, что существующій законъ совершенно не гарантируетъ того, чтобы въ число присяжныхъ повѣренныхъ не попадали лица, лишенные практической подготовки и того знанія, которое необходимо адвокату и которое имѣли въ виду составители судебныхъ уставовъ. Немудрено, поэтому, что среди присяжныхъ повѣренныхъ попадаются такіе, которые не знаютъ, что рѣшеніе окружнаго суда, постановленное въ отсутствіи истца, не считается заочнымъ, что копіи съ приговоровъ мирового съѣзда не посылаются подсудимому; не знаютъ, куда подаются частныя жалобы, какія лица привилегированныя и какія нѣтъ ¹⁾).

III.

Въ практикѣ нашихъ совѣтовъ бывали случаи отказа въ приѣмѣ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ по нравственнымъ ихъ качествамъ. Въ 1869 году петербургскій совѣтъ постановилъ, что „такъ какъ званіе помощниковъ служить предварительною подготовкою для лицъ, желающихъ посвятить себя адвокатурѣ и поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ, то на нихъ должны быть распространяемы тѣже требованія добродѣтели, какъ и на присяжныхъ повѣренныхъ ²⁾“. Указанные случаи довольно плохо вяжутся съ этимъ постановленіемъ. Если требованія добродѣтели одинаковы для присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, то какимъ образомъ можетъ происходить то, что лицо, терпимое въ одной корпораціи, недостойно вступить въ другую? Хотя въ законѣ и не говорится ничего о дисциплинарномъ контролѣ совѣта надъ помощниками, хотя такой контроль и отрицается, на примѣръ, с.-петербургскою судебною палатою, но *de facto* онъ существуетъ: въ отчетахъ совѣтовъ мы постоянно встрѣчаемъ дѣла помощниковъ. Если поступки помощника таковы, что являются въ будущемъ препятствіемъ для поступленія въ присяжные повѣренные, то онъ не можетъ быть терпимъ и среди помощниковъ, въ силу вышеприведеннаго постановленія, тѣмъ болѣе, что въ 1873 году тотъ же совѣтъ постановилъ, что „если кандидатъ въ присяжные повѣренные не можетъ быть принятъ по своимъ нравственнымъ качествамъ въ это званіе, то онъ не можетъ быть терпимъ и въ средѣ помощниковъ, потому

---

¹⁾ *Архивъ*, ib. ч. I, стр. 24 и вышеуказан. статья „Невѣжество нашей адвокатуры“.

²⁾ Журналъ 11 декабря.

что единственное назначеніе званія помощника заключается въ томъ, чтобы служить приготовленіемъ къ званію присяжнаго повѣреннаго.¹⁾“ Но если во время стажъ обнаруживается, что онъ негоденъ для званія присяжнаго повѣреннаго, то зачѣмъ же ему и продолжать готовиться къ этому званію для того, чтобы быть исключеннымъ тогда, когда онъ захочетъ его получить. Скажутъ, что иногда нравственнымъ препятствіемъ является совокупность разныхъ поступковъ; отдѣльно же взятые они не могутъ влечь исключенія. Но вѣдь эта совокупность создается задолго до попытки поступить въ присяжные повѣренные, а разъ она создалась, то о какомъ же дальнѣйшимъ стажѣ можетъ идти рѣчь. Или можетъ быть совѣтъ не исключаетъ помощниковъ, дурно зарекомендовавшихъ себя рядомъ поступковъ, въ надеждѣ на ихъ исправленіе? Тогда чѣмъ же объяснить, что иногда за проступки, совершенные помощникомъ въ началѣ стажъ, онъ оказывается непринатымъ въ присяжные повѣренные.

Помимо противорѣчія собственнымъ взглядамъ совѣта, непринятіе помощника въ присяжные повѣренные, влекущее исключеніе и изъ помощниковъ, является крайне жестокимъ. Зачѣмъ заставлять человѣка питать ложныя надежды, когда они уже разрушены наличностью фактовъ, извѣстныхъ совѣту? Человѣкъ теряетъ напрасно годы, которые бы онъ могъ употребить на достиженія чего либо другаго и, по прошествіи самой лучшей поры своей жизни, долженъ избирать новую карьеру.

Нельзя согласиться и съ такими постановленіями совѣтовъ какъ, напримѣръ, слѣдующее. Бывшій помощникъ присяжнаго повѣреннаго, исключенный по состоявшемуся о немъ въ дисциплинарномъ порядкѣ приговору, просилъ опринятія его въ присяжные повѣренные на основаніи позднѣйшей его службы по судебному вѣдомству, причемъ просилъ засчитать въ срокъ пятилѣтія и прерванный исключеніемъ стажъ. „Совѣтъ не нашолъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство, такъ постановленіе совѣта объ исключеніи извѣстнаго лица изъ числа помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ доказываетъ, что занятія его въ званіи помощника не соотвѣтствовали условіямъ правильной подготовки къ званію присяжнаго повѣреннаго²⁾“.

Совѣтъ могъ бы отказать въ приемѣ просителю въ силу того про-

---

¹⁾ Журналъ 23 октября.

²⁾ Журналъ 16 ноября 1885 г.

ступка, за который тотъ былъ исключенъ, но утверждать, чтобы этотъ проступокъ оказалъ вліяніе на всю предшествовавшую адвокатскую дѣятельность кандидата, лишалъ ее значенія той практики, которую требуетъ законъ, это уже натяжка и весьма неискусная.

Вообще взгляды на значеніе института помощниковъ и стажъ даже въ совѣтской практикѣ является столь же неопредѣленнымъ, какъ и законъ о нихъ.

Между тѣмъ институтъ помощниковъ играетъ весьма важную роль на практикѣ по отношенію къ присяжной адвокатурѣ, которая пополняется почти исключительно помощниками. С.-петербургскимъ совѣтомъ изъ магистратуры и прокуратуры принято: въ 1877—1878 году—двое, въ 1878—1879—пятеро, въ 1879—1880—семеро, 1880—1881—одинъ, въ 1881—1882—семеро, въ 1882—1883—одинъ, въ 1884—1885—восемь, въ 1885—1886—пять. Процентъ этотъ, по сравненіи съ числомъ принятыхъ въ присяжные повѣренные, оказывается весьма незначительнымъ.

Мы всегда были сторонниками самаго строгаго контроля надъ помощниками, который одинъ можетъ выработать изъ молодаго человѣка не привилегированнаго ходатая, а того идеальнаго адвоката, котораго имѣлъ въ виду законодатель и лучшіе представители адвокатуры. Но строгость не должна переходить въ несправедливость. Послѣдняя только способна уменьшить число помощниковъ. Но соглашаясь даже съ г. Арсеньевымъ, что „адвокатура—не лучшая школа для молодаго человѣка, вступающаго въ жизнь прямо съ университетской скамьи“¹⁾, мы видѣли выше, что такой школы нѣтъ, что служба въ качествѣ кандидата на судебную должность еще менѣе, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, можетъ подготовить къ серьезному званію присяжнаго повѣреннаго. Во Франціи адвокатура исключительно пополняется стажерами, точно также и въ Англіи множество молодыхъ людей посвящаютъ себя прямо со школьной скамьи адвокатурѣ и это, какъ говоритъ тотъ же г. Арсеньевъ, „несколько не мѣшаетъ адвокату сословію занимать высокое мѣсто въ англійскомъ или французскомъ обществѣ“. Все дѣло заключается въ организаціи.

Но и при теперешней плохой организаціи помощниковъ, опредѣленіе нравственныхъ качествъ послѣднихъ гораздо легче, чѣмъ

---

¹⁾ Иб. ч. I, стр. 31.

остальных кандидатов. Помощникъ, обнаружившій наклонности, несомнѣстимыя съ званіемъ адвоката, всегда можетъ быть удаленъ изъ сословія, тогда какъ о кандидатѣ, къ сословію не принадлежащемъ, иногда невозможно навести рѣшительно никакихъ серьезныхъ справокъ. Въ одномъ отношеніи помощничество является даже наилучшей школой для будущаго присяжнаго повѣреннаго. Только проведя нѣсколько лѣтъ въ качествѣ помощника, человекъ можетъ вступить въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, уже проникнутый корпоративнымъ духомъ и усвоившій себѣ истинныя задачи и цѣли новой профессіи, выраженные въ законѣ и его мотивахъ.

IV.

Мы уже сказали выше, что законъ въ весьма общихъ выраженіяхъ опредѣлилъ условія принятія въ присяжные повѣренные лицъ, прослужившихъ пять лѣтъ въ судебномъ вѣдомствѣ, причемъ включилъ въ число ихъ и кандидатовъ на судебныя должности. Еще г. Арсеньевъ указывалъ, доказывая необходимость испытаній, на то, что „служебныя занятія часто знакомятъ только съ одной стороной, съ однимъ небольшимъ отдѣломъ права или судопроизводства“. Онъ совершенно справедливо ставилъ въ примѣръ лицо, занимавшееся въ продолженіи пяти лѣтъ исключительно производствомъ предварительныхъ слѣдствій и которое, очевидно, можетъ быть „столь же несвѣдуще по части гражданскаго права и процесса, какъ и лицо никогда, не служившее по судебному вѣдомству“. ¹⁾ Можно было бы доказать примѣрами, что нѣкоторые адвокаты, составившіе себѣ имя уголовными защитами, оказывались весьма слабыми повѣренными въ гражданскихъ дѣлахъ. Понятно, что каждая ошибка такихъ лицъ тяжело ложится на интересахъ тяжущихся и является несомнѣстною съ тѣмъ довѣріемъ, которымъ должны пользоваться присяжные повѣренные. Въ дисциплинарныхъ производствахъ совѣтовъ очень часто встрѣчаются случаи, въ которыхъ весьма трудно отличить небрежность отъ простаго незнанія.

Но практика совѣтовъ пошла еще дальше и стала подводить подъ службу по судебному вѣдомству и такія, какъ служба по военно-судебному и по военно-морскому судебному вѣдомствамъ.

---

¹⁾ Ib. стр. 26.

Очевидно, что такое широкое толкованіе закона открываетъ доступъ въ присяжные повѣренные лицамъ, которыя никоимъ образомъ не могутъ имѣть того опыта, который требуется отъ адвоката и который имѣли въ виду составители судебныхъ уставовъ. Послѣдніе особенно настаивали въ своихъ мотивахъ на томъ, что въ присяжные повѣренные надлежитъ допускать только лицъ, практически подготовленныхъ къ этому званію, допускать съ разборчивымъ и строгимъ выборомъ ¹⁾. Допущеніе лицъ, завѣдомо незнакомыхъ практически съ процессомъ при участіи присяжныхъ засѣдателей, съ гражданскимъ судопроизводствомъ и правомъ, прямо идетъ въ разрѣзъ съ требованіями разборчиваго и строгаго выбора.

Мы отнюдь не стоимъ за безповоротное и абсолютное недопущеніе въ присяжные повѣренные всѣхъ вышеуказанныхъ лицъ. Опытъ военнаго судьи или прокурора, пополненный посѣщеніемъ судебныхъ засѣданій судовъ гражданскихъ, чтеніемъ кассационныхъ рѣшеній и нѣсколькими защитами въ дѣлахъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, вполне можетъ замѣнить тотъ, который требуетъ ст. 354; но опытность въ гражданскомъ правѣ и процессѣ такого кандидата должна быть чѣмъ нибудь доказана и провѣрена, т. е., конечно, опять таки испытаніемъ серьезнымъ, а не формальнымъ.

Не менѣе произвольно и другое правило, установленное 29 сентября 1884 г. петербургскимъ совѣтомъ. По 375 статьѣ учр. суд. уст., „никакое постановленіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ не можетъ имѣть силы, когда въ немъ участвовало менѣе половины членовъ совѣта“. Между тѣмъ петербургскій совѣтъ установилъ упомянутымъ правиломъ, что „въ случаѣ, если по вопросу о принятіи кого-либо въ присяжные повѣренные нѣтъ между членами совѣта единогласія объ удовлетвореніи ходатайства просителя, рѣшеніе о принятіи или отказѣ можетъ послѣдовать только въ засѣданіи, въ которомъ будутъ присутствовать двѣ трети всѣхъ членовъ совѣта“. Прежде всего мы полагаемъ, что такое правило можетъ быть установлено только законодательнымъ порядкомъ. Порядокъ производства дѣлъ въ совѣтѣ строго опредѣленъ судебными уставами и ст. 367 учр. суд. уст., устанавливающая обязанности и права совѣтовъ, отнюдь не предоставляетъ имъ измѣнять

---

¹⁾ Суд. уст. изд. госуд. канц. т. III, стр. 219.

этотъ порядокъ. Соображенія совѣта о важности для сословія присяжныхъ повѣренныхъ принимать въ корпорацію только лицъ вполне способныхъ и достойныхъ носить это званіе, совершенно не выдерживаютъ критики. Соображенія эти были въ виду и у составителей судебныхъ уставовъ, но составители не нашли нужнымъ устанавливать ничего подобнаго правиламъ 29 сентября, и совершенно основательно. Причины отказа таковы, что врядъ ли относительно ихъ можетъ быть особое разногласіе среди членовъ совѣта. Если такія разногласія бывають, то это показываетъ, что или у петербургскаго совѣта за двадцать лѣтъ не составилось точныхъ взглядовъ на адвокатскую нравственность или свѣдѣнія о кандидатахъ собираются съ недостаточною полнотою.

Затѣмъ, что такое двѣ трети членовъ совѣта? Въ Петербургѣ совѣтъ состоитъ изъ 11 членовъ. Что считать двумя третями этого числа, не дѣлящагося на три—семь или восемь человѣкъ? Примѣненіе этого правила встрѣчаетъ и другія неудобства. Совѣтъ очень рѣдко собирается *in pleno*, особенно лѣтомъ и около праздниковъ, когда нѣкоторые уѣзжаютъ. Представьте себѣ положеніе кандидата, которому приходится ожидать рѣшенія своей участи два, три мѣсяца только потому, что не могутъ собрать самовольно установленныхъ двухъ третей, или потому, что изъ семи членовъ одинъ почему-то воспротивился его принятію, можетъ быть по причинамъ, ничего общаго съ мотивировкою правилъ неимѣющимъ.

Мы не споримъ, что законодательство многого не предусмотрѣло, что внутренняя жизнь сословія присяжныхъ повѣренныхъ создала и выдвинула много настоятельныхъ вопросовъ. Но мы повторяемъ, что какъ бы ни были важны послѣдніе, совѣты не вправѣ принимать на себя законодательную роль: одно дѣло—толковать неясный законъ и другое—создавать новыя правила.

Говоря объ условіяхъ принятія въ присяжные повѣренные, нельзя не отмѣтить слѣдующаго факта. По свидѣтельству г. Арсеньева ¹⁾, ни одно постановленіе петербургскаго совѣта, основанное на ст. 380, не было въ теченіи первыхъ восьми лѣтъ отмѣнено судебною палатою. Между тѣмъ въ послѣднее время случаи отмѣны стали появляться и иногда представляются крайнѣ неправильными.

---

¹⁾ *Ив. ч. II, стр. 31.*

Заканчивая обзоръ условій принятія въ присяжные повѣренныя, мы хотя и не признаемъ за совѣтомъ права самовольнаго измѣненія этихъ условій, но не можемъ не усмотрѣть того, что законъ является на практикѣ недостаточнымъ. Къ сожалѣнію законодательныя сферы далеко неотзывчивы къ интересамъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ всѣ совѣтскія ходатайства остаются безъ удовлетворенія, что задерживаетъ правильную жизнь сословія и служитъ причиною тѣхъ явленій, которыя вызываютъ въ обществѣ справедливыя нареканія на адвокатуру. Между тѣмъ общественныя учрежденія только тогда и могутъ служить своему назначенію и быть полезными государству, когда ихъ естественное развитіе ничѣмъ не стѣсняется и требованія ихъ внутренней жизни находятъ постоянное удовлетвореніе. Указанныя нами превышенія совѣтами своей компетенціи есть необходимый и логическій результатъ недостаточности законодательства.

М. Гребенниковъ.

Нѣсколько юридическихъ вопросовъ.

Въ иномъ мѣстѣ ¹⁾ я уже говорилъ, что самый лучший способъ разработки теоретическихъ юридическихъ вопросовъ—это оперировать надъ конкретными дѣлами. Конкретное дѣло часто наталкиваетъ умъ юриста на открытіе различія тамъ, гдѣ до сихъ поръ усматривали сходство, и наоборотъ. Мнѣ, какъ юристу-практику, часто встрѣчались подобные случаи, и считаю пріятнымъ долгомъ подѣлиться воззрѣніями своими съ читателемъ. Въ практикѣ послѣднихъ лѣтъ я натолкнулся на нѣсколько интересныхъ дѣлъ, возбуждавшихъ довольно серьезные юридическіе вопросы.

1. Casus.

А. выдалъ Б. довѣренность на веденіе всѣхъ его дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ, съ правомъ предъявлять иски, отвѣчать по искамъ другихъ, прекращать дѣла миромъ, соглашаться на рѣшеніе дѣлъ по 30 ст. и *избирать посредниковъ для разрѣшенія дѣлъ третейскимъ судомъ.*

---

¹⁾ См. статью мою „О законной силѣ частныхъ опредѣленій“, Журналъ гражд. и угол. права 1887 г. кн. III, стр. 74.

На основаніи этой общей довѣренности, Б. составилъ съ Г. 6 апрѣля 1881 г. третейскую запись, въ коей сказано, что А., *отрицатель Б., имѣетъ споръ и недоразумѣнія съ Г. за посессию вотчинъ, взятыхъ А. въ аренду на 6 лѣтъ, принявшимъ Г. въ товарищество, споръ по товарищеской арендѣ и разрѣшеніе этого спора предоставляютъ посреднику Н., которому стороны обязываются представить всѣ документы.* Срокъ этой записи 10 дней, засѣданія должны происходить въ домѣ Г.

Изъ постановленнаго 10 апрѣля того же 1881 года третейскимъ судьей Н. рѣшенія видно, что Г. словесно предъ этимъ судьей предъявилъ къ повѣренному А. искъ, заключающійся въ томъ, что А. принялъ Г. въ товарищество къ арендѣ на 20%, что А. въ этой арендѣ заработалъ по 15000 р. въ годъ, а за всѣ 6 лѣтъ 90,000 руб., и что онъ Г., работавшаго у него три года, удалилъ, не заплативъ ему ни одной копѣйки, въ доказательство чего ссылаясь на торговыя книги А. Повѣренный послѣдняго Б., отказываясь отъ представленія книгъ, возразилъ, что А. принялъ Г. не на 20%, а лишь на 15% и удалилъ его отъ посессіи вслѣдствіе его неблагоприятныхъ дѣйствій. Судья Н., руководствуясь тѣмъ, что повѣренный отвѣтника не отрицаетъ того, что его довѣритель А. заработалъ 90,000 р. и признаетъ, что истцу обѣщано было 15%, между тѣмъ ничѣмъ не доказавъ своего возраженія о неблагоприятности дѣйствій Г.,—присудилъ ему съ А. 15750 руб. Въ іюлѣ того же 1881 г. Г. получилъ изъ окружнаго суда исполнительный листъ и тогда же переуступилъ его на имя жены своей Т., а послѣдняя, продержавъ его у себя до 6 лѣтъ, представила его 9 іюля 1887 г. судебному приставу, обративъ взысканіе на имущество А., умершаго еще въ 1883 году. Наслѣдники А. подали въ судъ въ мѣсячный срокъ со дня полученія повѣстки жалобу, ходатайствуя объ уничтоженіи третейскаго рѣшенія на томъ основаніи, что довѣренность, по коей дѣйствовалъ повѣренный умершаго, была общая, и затѣмъ обратились ко мнѣ, прося поддержать эту жалобу на судѣ.

Не скрываю, дѣло это сначала представилось мнѣ довольно серьезнымъ. Ясно вижу, что наслѣдники эти являются жертвами крупнаго мошенничества, учиненнаго надъ ихъ отцомъ; чувство справедливости говоритъ за нихъ, но что подѣлаешь съ формальнымъ гражданскимъ правомъ, съ *jus strictum*, которое часто расходится съ *jus aequum* оме? Послѣ однако долгихъ колебаній, я

это дѣло принялъ, и слѣдующіе вопросы оно представило мнѣ для разрѣшенія:

1) Достаточно ли такого означенія въ третейской записи предмета спора, какъ въ вышеприведенной третейской записи, въ родѣ „споръ по товарищеской арендѣ“, „споръ за посессию вотчинъ“? Я пришолъ къ тому заключенію, что подобнаго рода выраженія не соотвѣтствуютъ требованію закона, выраженнаго въ 2 п. 1371 ст. уст. гражд. суд. По этой статьѣ требуется, чтобы въ записи былъ означенъ *предметъ* спора. Подъ предметомъ же спора мы разумѣемъ двоякое: 1) или то, о чемъ идетъ споръ; отыскиваемое и оспариваемое сторонами право или правоотношеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, и объектъ этого права), и 2) то, чего истецъ своимъ искомъ желаетъ достигнуть; то, что составляетъ содержаніе просительнаго пункта; то, что судъ долженъ присудить истцу, если найдетъ его требованіе правильнымъ (U n g e r, System, 2 Band. S. 365—367). Первое называется посредственнымъ предметомъ требованія, напр. искъ о правѣ собственности, искъ о недвижимомъ имѣніи, о денежной суммѣ; второе составляетъ непосредственный предметъ исковаго требованія (*Мамшиевъ* Курсъ гражд. судопр. стр. 248). Въ данномъ дѣлѣ посредственнымъ предметомъ иска Г. можно считать претендуемое имъ право на полученіе 20% изъ прибылей, полученныхъ А. изъ посессіи имѣнія, а непосредственный предметъ иска—это тѣ самые 20%, присужденія коихъ онъ домогался. Долженъ ли быть означенъ въ третейской записи непосредственный предметъ спора, или достаточно означить посредственный предметъ его,—въ нашемъ законодательствѣ точныхъ указаній мы не находимъ; по мнѣнію г. Анненкова (Опытъ т. VI стр. 255) содержаніе спора должно быть опредѣляемо приблизительно такимъ же образомъ, какъ долженъ быть излагаемъ и просительный пунктъ въ каждомъ исковомъ прошеніи. По моему мнѣнію, третейская записъ будетъ удовлетворять требованію 2 п. 1371 ст. уст. гражд. судопр. и тогда, если въ ней будетъ означенъ хоть посредственный предметъ спора, лишь бы этимъ споръ былъ объектированъ, т. е. лишь бы было видно, кто истецъ и кто отвѣтчикъ и о чемъ они спорятъ. Означеніе предмета спора въ третейской записи законъ считаетъ однимъ изъ необходимыхъ условий. Законъ, правда, не опредѣляетъ послѣдствій въ случаѣ отсутствія этого условія, но это само собою разумѣется. Коль скоро законъ призналъ означеніе предмета спора условіемъ необходимымъ, то само собою ра-

зумѣтся, что при недостаткѣ онаго записи не можетъ считаться записью: ея какъ бы нѣтъ, и рѣшеніе, постановленное на основаніи такой записи, равносильно рѣшенію, постановленному безъ всякой записи, и должны наступить тѣ послѣдствія, которыя указаны, не только въ ст. 1396, но и въ ст. 1397 п. 2, т. е. рѣшенія *ipso iure* недѣйствительно и не имѣетъ никакой силы и дѣйствія, ибо предметъ, о которомъ состоялось рѣшеніе, не былъ представленъ рѣшенію третейскаго суда на основаніи записи. Что предметъ спора долженъ быть тщательно означенъ, и самый споръ объективированъ, можно вывести еще изъ ст. 1373 и 1375 уст. гражд. судопр. По первой изъ этихъ статей до истечения сроковъ назначенныхъ въ ст. 1371 и 1372 для рѣшенія дѣла, тяжущіеся не имѣютъ права просить о производствѣ онаго въ судебныхъ установленіяхъ, а на основаніи второй изъ этихъ статей, по предъявленіи третейской записи, производство въ судебныхъ установленіяхъ дѣла, предоставляемаго по записи рѣшенію третейскаго суда, останавливается. Но все это возможно, когда предметъ спора въ записи точно означенъ, тогда видно тождество, если же онъ не означенъ, если даже не очерчены роли сторонъ, не означено, кто истецъ и кто отвѣтчикъ, то нѣтъ на лицо дѣла; суду нѣтъ возможности знать, представлено ли рѣшенію третейскаго суда то самое дѣло, которое въ немъ производится, или какое либо иное дѣло. Представимъ себѣ, напр., что въ данномъ дѣлѣ Г., по составленіи третейской записи, предъявляетъ искъ къ А. о взысканіи съ него 20% прибыли; можетъ ли А. представить въ судъ третейскую запись и просить прекратить производство? Не можетъ ли Г. утверждать, что рѣшенію третейскаго суда предоставленъ иной споръ по имѣнію, а не споръ о процентахъ? Тоже самое третейскому суду нѣтъ возможности приступить къ рѣшенію дѣла при чемъбѣ, напр., одной изъ сторонъ, когда по содержанію записи онъ не можетъ вывести ни того, кто изъ спорящихъ истецъ и кто отвѣтчикъ, и о чемъ они спорятъ; когда, такимъ образомъ, нѣтъ вовсе дѣла для разрѣшенія.

Болѣе интереснымъ представляется второй вопросъ: *обязательно ли для доверителя третейское рѣшеніе, постановленное на основаніи записи, совершонной ею довереннымъ по общей доверенности, когда роль доверителя въ рѣшонномъ дѣлѣ пассивная, т. е. роль отъѣтчика, и нѣтъ данныхъ о томъ, что ему было известно ни возникновеніе противъ него дѣла, ни производство онаго въ тре-*

тейскомъ судѣ, хотя бы въ доверенности и предоставлено повѣренному право на избраніе посредниковъ для рѣшенія дѣлъ третейскимъ судомъ? На этотъ вопросъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, дать отрицательный отвѣтъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Довѣренностью, данною вѣрителемъ повѣренному, выражается вмѣстѣ съ *полномочіемъ* и *порученіе*, вѣритель *уполномочиваетъ* повѣреннаго на совершеніе за него и вмѣсто него, извѣстнаго дѣйствія и *поручаетъ* ему совершеніе этого дѣйствія; самый этотъ актъ, легитимирующий повѣреннаго, называется въ прусскомъ законодательствѣ *vollmachtsauftrag*—названіе, заключающее въ себѣ оба эти понятія—и *полномочіе* и *порученіе*. Присматриваясь, однако, къ явленіямъ жизни, нельзя не подмѣтить одной особенности въ *общей довѣренности на веденіе судебныхъ дѣлъ*—(*allgemeine prozess-vollmacht*) особенности, кою такая довѣренность отличается какъ отъ однородныхъ съ нею общихъ довѣренностей на *управленіе имѣніемъ* или *веденіе торговыхъ дѣлъ*, такъ и отъ спеціальной довѣренности на веденіе одного дѣла. Управленіе имѣніемъ или веденіе торговли есть понятіе абстрактное, цѣльное, слагающееся изъ отдѣльныхъ дѣйствій, совокупность коихъ и составляетъ это абстрактное понятіе. Эти отдѣльныя дѣйствія могутъ быть разсматриваемы какъ части цѣлаго. Я веду мануфактурную торговлю и даю моему повѣренному общую довѣренность на совершеніе разнородныхъ дѣйствій, необходимыхъ для моей торговли: покупать, продавать, отдавать товаръ въ кредитъ, нанимать людей, совершать займы и т. д. Съ виду, это есть довѣренность общая, но въ самомъ дѣлѣ ее можно и считать довѣренностью спеціальною на веденіе торговли; то же самое и довѣренность на управленіе имѣніемъ, даже довѣренность на управленіе всѣми дѣлами довѣрителя есть скорѣе довѣренность спеціальная, чѣмъ общая; вѣдь и спеціальная довѣренность на веденіе одного дѣла уполномочиваетъ повѣреннаго на совершеніе многихъ дѣйствій, входящихъ въ сферу этого полномочія, напр. предъявить встрѣчный искъ, или отвѣчать по такому, получать копіи, предъявлять отводы и т. п. Не таковъ характеръ общей довѣренности на веденіе всѣхъ процессовъ довѣрителя. Совокупность процессовъ настоящихъ и будущихъ не составляетъ одного цѣлаго, ибо возникновеніе процессовъ есть явленіе случайное, процессы не слѣдуютъ одинъ за другимъ съ непрерывною необходимостью и, сверхъ того, безъ предварительныхъ переговоровъ повѣреннаго съ довѣрителемъ, предъ каждымъ по-

вымъ процессомъ; безъ ознакомленія перваго послѣднимъ съ тѣми правоотношеніями, которыя существуютъ между тяжущимися, и съ тѣми средствами защиты, коими довѣритель желаетъ и можетъ воспользоваться, безъ передачи имъ повѣренному необходимыхъ для того документовъ и иныхъ данныхъ и проч., повѣренный не въ состояніи вовсе дѣйствовать. Поэтому мы видимъ, что общая довѣренность выдается просто для удобства, чтобы не составлять каждый разъ, когда встрѣтится въ ней надобность, новаго акта полномочія; порученіе же веденія каждаго отдѣльнаго процесса совершается не при выдачѣ довѣренности, а особо отъ нея, по каждому отдѣльному процессу, или не задолго до его возникновенія, когда возникновеніе его представляется довѣрителю необходимымъ или вѣроятнымъ, или тотчасъ по возникновеніи его.

Отсюда я замѣчаю слѣдующую разницу между спеціальною довѣренностью, въ томъ числѣ довѣренностью на веденіе торговли или управленіе имѣніемъ, и довѣренностью общою на веденіе дѣлъ. Спеціальная довѣренность, кромѣ легитимациі, полномочія, *явно* содержитъ въ себѣ и порученіе. свидѣтельствуетъ о томъ, что между довѣрителемъ и довѣреннымъ состоялся договоръ порученія. По справедливому объясненію г. Мейера, вѣрующее письмо есть *смд-ствіе* договора порученія, есть актъ, легитимирующий повѣреннаго, свидѣтельствующій о полномочіи стороннему лицу или присутственному мѣсту (Рус. гр. право, изд. 5, стр. 564); договоръ же порученія предшествовалъ выдачѣ довѣренности. Принятіемъ довѣренности, повѣренный становится обязаннымъ вести порученное ему дѣло; однимъ этимъ принятіемъ уже устанавливаются между нимъ и довѣрителемъ договорныя отношенія мандата, и онъ отвѣтствуетъ за убытки, которые могутъ произойти по его винѣ отъ его бездѣйствія. Выдачею повѣренному спеціальной довѣренности на веденіе извѣстнаго, опредѣленнаго дѣла, вѣритель явно обнаруживаетъ свою волю, чтобы повѣренный велъ это дѣло, наличность коего ему извѣстна.

Въ довѣренности же общей заключается, какъ мы видѣли, лишь полномочіе, но не порученіе; принятіемъ общей довѣренности на веденіе дѣлъ еще не устанавливаются договорныя отношенія мандата между повѣреннымъ и вѣрителемъ. Хотя я имѣю общую довѣренность, я еще не обязанъ вступать въ дѣло, возбужденное противъ выдавшаго мнѣ такую довѣренность, если веденіе этого дѣла спеціально мнѣ не было поручено, если не состоялось между мною и

вѣрителемъ моимъ особаго о томъ условія. Я долженъ ждать порученія, и если я дѣйствую безъ такового, то не болѣе, какъ *negotiorum gestor*, по доброй моей волѣ, и я обязанъ объ этомъ извѣстить довѣрителя. Въ отношеніи третьихъ лицъ, когда повѣренный вступаетъ въ дѣйствіе по общей довѣренности, *предполагается*, что повѣренному дано порученіе, оно основано на презумпціи; для третьихъ лицъ достаточно одного полномочія. Имѣя предъ собою актъ, легитимирующий повѣреннаго на совершеніе даннаго дѣйствія, нечего третьему лицу справляться еще о томъ дано ли повѣренному порученіе вести дѣло, или не дано. Но тутъ является разниа между тѣмъ, какова роль довѣрителя: роль ли активная, роль истца, или пассивная, роль отвѣтника.

Если повѣренный по общей довѣренности предъявляетъ отъ имени своего довѣрителя искъ, то нахожденіе у него исковаго матеріала и самое активное его дѣйствіе устанавливаютъ презумпцію, что онъ дѣйствуетъ по порученію довѣрителя. Это предположеніе въ отношеніи третьихъ лицъ есть даже *praesumptio juris et de jure*. Судъ не вправе требовать отъ повѣреннаго доказательства о томъ, что веденіе этого дѣла истцомъ ему поручено, и если истецъ недоволенъ его дѣйствіями, онъ не можетъ ссылаться на то, что искъ былъ предъявленъ безъ его порученія и вѣдома, развѣ докажетъ, что повѣренный его вошелъ въ стачку съ отвѣтчикомъ.

Если же роль довѣрителя пассивная, роль отвѣтника, другое лицо предъявило къ нему исковое требованіе, то предположеніе о порученіи допускается лишь тогда, когда искъ былъ предъявленъ лично къ довѣрителю, когда послѣдній былъ извѣщенъ о томъ, что къ нему предъявленъ искъ, что противъ него имѣется дѣло. Если отвѣтникъ былъ извѣщенъ о возникшемъ противъ него дѣлѣ, и онъ бездѣйствуетъ, а вмѣсто него дѣйствуетъ его повѣренный, то все это достаточно для установленія предположенія, что повѣренный дѣйствуетъ по порученію; если отвѣтникъ не желаетъ, чтобы этотъ повѣренный дѣйствовалъ вмѣсто него въ этомъ дѣлѣ, онъ имѣетъ полную возможность предупредить его вступленіе въ дѣло—или порученіемъ оваго другому повѣренному, болѣе опытному и свѣдущему, или уничтоженіемъ довѣренности; по крайней мѣрѣ, онъ можетъ слѣдить за его дѣйствіями и своевременно ограждать свои интересы отъ его упущеній или недобросовѣстныхъ дѣйствій.

Но если о затѣянномъ противъ отвѣтника дѣлѣ онъ вовсе не былъ извѣщенъ и нѣтъ данныхъ о томъ, что онъ зналъ о воз-

никшемъ противъ него дѣлѣ, въ которое вступилъ его повѣренный по общей довѣренности, особенно когда исковое требованіе предъявлено непосредственно къ его повѣренному, то нѣтъ мѣста предположенію, что онъ хотѣлъ ему поручить веденіе этого дѣла. Безъ знанія отвѣтника ни того, что противъ него возникло дѣло, ни того, что лицо, снабженное отъ него общею довѣренностью, за него дѣйствуетъ, онъ лишенъ возможности слѣдить за его дѣйствіями и ограждать себя отъ его упущеній и недобросовѣстныхъ дѣйствій.

Это положеніе мое находитъ себѣ подтвержденіе въ положительномъ законѣ. По ст. 4 уст. гражд. суд. судъ не вправе разрѣшить дѣла безъ выслушанія объясненія противной стороны, т. е. отвѣтника, а по ст. 275 того же устава, по исковому прошенію предсѣдатель дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ отвѣтника въ судъ. Правительствующій сенатъ въ рѣш. 1875 г. № 465 дѣло Додонова и 1052—1878 г. № 159 и мн. др. объяснилъ, что вызывная повѣстка должна быть послана непремѣнно самому отвѣтчику, а отнюдь не его повѣренному; въ противномъ случаѣ рѣшеніе суда не имѣетъ силы судебного рѣшенія по нарушенію 4 и 275 ст. уст. гражд. суд., причѣмъ сенатъ, въ послѣднемъ рѣшеніи, приводитъ слѣдующія соображенія: отвѣтникъ, не зная о предъявленномъ къ нему искѣ, лишенъ возможности слѣдить за дѣйствіями своего повѣреннаго и, при упущеніяхъ со стороны послѣдняго, ограждать себя своевременно отъ могущихъ произойти для него вредныхъ отъ того послѣдствій. Драгоцѣнный мотивъ, свидѣтельствующій о томъ, что правительствующій сенатъ, при толкованіи имъ законовъ, влагаетъ въ мертвую букву духъ справедливости и житейской мудрости.

Вопросъ лишь въ томъ: можно ли это положеніе примѣнять къ дѣламъ, которыя начаты и разрѣшены судомъ третейскимъ? По моему, оно къ этимъ дѣламъ должно быть примѣнимо еще съ большимъ основаніемъ, во первыхъ, потому, что отъ злоупотребленій повѣренныхъ третейскій судъ нуждается въ большей гарантіи, чѣмъ судъ государственный. Въ судахъ государственныхъ стачка возможна лишь между сторонами, но не между сторонами и судомъ; судъ государственный разсматриваетъ дѣла публично, и до довѣрителя скорѣе можетъ дойти свѣдѣніе о томъ, что противъ него производится дѣло, чѣмъ когда дѣло предоставлено разрѣшенію третейскаго суда. Въ государственномъ судѣ повѣренные находятся

подъ контролемъ суда и не такъ легко рѣшатся на подобный поступокъ, какъ напр. въ данномъ дѣлѣ. Во вторыхъ, изъ многихъ статей закона о третейскомъ судѣ можно усмотрѣть, что соблюденіе правила, изображеннаго въ 4 п. 275 ст. уст. гражд. суд., обязательно и для суда третейскаго. Легко можно видѣть, что третейская запись имѣетъ большое сходство съ исковымъ прошеніемъ, а изъ 1379—1381 и 1383 ст. сего устава видно, что тяжущимся дается право представлять необходимые документы, свѣдѣнія и объясненія; имъ даже назначаются для этого сроки. Слѣдовательно третейскій судъ, какъ судъ государственный, не вправе разрѣшить дѣло безъ доставленія отвѣтчику возможности дать свое объясненіе противъ предъявленнаго къ нему иска, почему онъ самъ долженъ быть объ этомъ извѣщенъ.

Изъ вышеизложенныхъ соображеній я пришло къ тому окончательному выводу, что, если третейская запись совершена повѣреннымъ отвѣтчика на основаніи общей довѣренности, и довѣритель, въ качествѣ отвѣтчика, не принималъ никакого участія во всемъ производствѣ, онъ вправе оспаривать дѣйствія повѣреннаго, и рѣшеніе третейскаго суда для него необязательно, какъ для лица, въ дѣлѣ не участвовавшего. Срокъ для обжалованія долженъ для него считаться съ того же дня, когда рѣшеніе суда сдѣлалось для него извѣстнымъ.

Эти соображенія я, между прочимъ, представилъ суду, но судъ ихъ отвергъ; стороны, вслѣдъ за подачею мною жалобы, помирились, и такимъ образомъ до высшаго суда дѣло это не дошло.

2 сазис.

Залогодержатель К. принялъ во временное управленіе заложенное имѣніе, чтобы пользоваться доходами онаго вмѣсто процентовъ, на основаніи 1129 ст. уст. гражд. суд. Предъявленъ былъ имъ поссесорный искъ въ мировымъ учрежденіяхъ къ арендатору этого имѣнія Ф. объ удаленіи его, каковой искъ былъ уваженъ мировымъ судомъ, но по иску арендатора Ф. въ общихъ судебныхъ мѣстахъ арендный договоръ признанъ для временнаго владѣльца и Ф. былъ опять введенъ въ арендное владѣніе имѣніемъ. Въ арендномъ договорѣ Ф. помѣщено условіе о томъ, что въ случаѣ неуплаты арендныхъ денегъ или инаго нарушенія, хозяинъ вправе договоръ уничтожить, арендатора изъ имѣнія удалить и взыскать съ него опредѣленную въ договорѣ неустойку. Ф. нару-

шилъ договоръ невзносомъ въ срокъ арендной платы залогодержателю, а послѣдній предъявилъ къ нему искъ на основаніи 569, 570, 1536 и 1538 ст. Х т. ч. 1 о прекращеніи договора и о взысканіи неустойки.

Вотъ краткое изложеніе обстоятельствъ этого дѣла, которое выбудило слѣдующіе юридическіе вопросы: *Есть ли залогодержатель, принявшій имѣніе во временное управленіе, преемникъ привъ хозяина по отношенію къ арендатору? Кто имѣетъ право на искъ объ уничтоженіи аренднаго договора въ случаѣ нарушенія онаго со стороны арендатора въ томъ случаѣ, если въ договоръ помѣщено такое условіе: хозяинъ ли, или залогодержатель, какъ временный управитель, и имѣетъ ли онъ право на взысканія съ арендатора неустойки, или послѣдняя принадлежитъ хозяину?*

По первому вопросу мнѣніе окружнаго суда, признаваго истца преемникомъ правъ хозяина, залогодателя, по договору, я опровергалъ слѣдующими соображеніями:

Существенныя права и обязанности, вытекающія изъ договора найма, какъ извѣстно, состоятъ въ томъ, что хозяинъ обязанъ передать предметъ найма или аренды въ фактическое владѣніе и пользованіе арендатора и по передачѣ не только оставлять имѣніе во владѣніи арендатора во все опредѣленное въ договорѣ время, но и поддерживать оное во все это время въ годности къ пользованію, не только *laisser jouir*, но и *faire jouir*, какъ выражается французское законодательство, а арендаторъ обязанъ платить условенныя въ договорѣ арендныя деньги въ опредѣленные сроки. Но сверхъ этихъ существенныхъ условій, вытекающихъ изъ существа договора найма, въ этомъ договорѣ могутъ быть помѣщаемы и часто въ немъ заключаются и многія произвольныя условія объ обязанностяхъ какъ хозяина, такъ и арендатора: условіе о неустойкѣ, о правѣ на прекращеніе договора въ случаѣ нарушенія его и прочія.

При преемствѣ правъ хозяина, универсальномъ или сингулярномъ, когда имѣніе переходитъ въ собственность къ другому лицу, арендный договоръ по нашему законодательству обязателенъ для новаго владѣльца имѣнія и при переходѣ правъ и обязанностей отъ хозяина къ преемнику его, прекращаются, конечно, всѣ договорныя отношенія между нанимателемъ и первымъ хозяиномъ имѣнія и таковыя устанавливаются между нанимателемъ и новымъ хозяиномъ. Такъ ли это бываетъ при отдачи имѣнія во временное

управленіе залогодателью для пользованія доходами онаго вмѣсто процентовъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что съ передачею имѣнія во временное управленіе залогодержателю, не прекращаются договорныя отношенія хозяина съ арендаторомъ. Хозяинъ, не смотря на то, что имѣніе перешло во временное управленіе залогодержателя, не освобождается еще отъ принятыхъ имъ по договору обязанностей; онъ имѣетъ и право войти съ арендаторомъ въ соглашеніе о прекращеніи договора аренды, предоставляя залогодержателю извлекать доходъ непосредственно изъ имѣнія. Препятствовать хозяину войти въ соглашеніе съ арендаторомъ о прекращеніи договора аренды залогодержатель не можетъ. Хозяинъ не имѣетъ лишь права на освобожденіе арендатора отъ арендной платы или на уменьшеніе таковой, такъ какъ эта плата составляетъ эквивалентъ за пользованіе имѣніемъ, а это пользованіе принадлежитъ уже не ему, а залогодержателю, какъ доходъ съ имѣнія вмѣсто процентовъ. Наоборотъ, залогодержатель не вправе прекратить окончательно, по добровольному соглашенію, арендный договоръ. Это видно изъ 30 ст. т. X ч. 2 и изъ 1130 ст. уст. гражд. суд., по коимъ залогодержатель обязанъ сохранять имѣніе въ томъ же устройствѣ, въ какомъ принялъ, не повреждать никакихъ угодій и дѣйствующихъ хозяйственныхъ заведеній и сдать оное въ такомъ же устройствѣ, какъ принялъ. Конечно, на все время временнаго управленія онъ можетъ освободить арендатора отъ платы ему арендныхъ денегъ—но не больше, ни прекратить навсегда договоръ, ни освободить арендатора отъ другихъ обязанностей, напр. возводить новыя постройки, улучшить старыя, сохранять таковыя въ цѣлости, дѣлать посѣвы къ концу срока и т. п. Съ другой стороны и залогодержатель не можетъ быть признанъ обязаннымъ исполнять всѣ положительныя обязанности хозяина по арендному договору. Если напр., по арендному договору хозяинъ обязался дѣлать въ имѣніи извѣстныя сооруженія и обязался платить неустойку въ случаѣ нарушенія имъ одного изъ условій договора, то арендаторъ, конечно, не вправе требовать отъ временнаго управителя исполненія договорныхъ обязанностей, ни искать съ него неустойки, по очень простой причинѣ, что между нимъ и залогодержателемъ договорныхъ отношеній не существуетъ, что залогодержатель, до окончательнаго перехода къ нему имѣнія, не есть преемникъ правъ залогодателя, что противно понятію о преемствѣ одновременное су-

ществованіе договорныхъ отношеній между цессусомъ и седентомъ и цессусомъ и цессионаріемъ. Одно изъ двухъ, продолжаютъ существовать договорныя отношенія между цессусомъ и цедентомъ, тогда нѣтъ таковыхъ отношеній между первымъ и цессионаріемъ, установились эти отношенія между цессусомъ и цессионаріемъ; тогда они перестаютъ существовать между цессусомъ и цедентомъ, ибо *остаться и перейти*—два понятія другъ друга исключающія, а такъ какъ при передачѣ имѣнія во временное управленіе залогодержателю договорныя отношенія между хозяиномъ и арендаторомъ, какъ мы видѣли, не прекращаются, и наоборотъ, на залогодержателя обязанности хозяина не переходятъ, то не можетъ быть рѣчи о преемствѣ, и залогодержатель не вправе искать чего либо съ арендатора на основаніи 569, 570, 1536 и 1538 ст. т. е. на основаніи договора.

Въ чемъ же состоитъ сущность правоотношеній, которыя образовались между залогодержателемъ и арендаторомъ по передачѣ имѣнія во временное управленіе первому?—Въ томъ, что залогодержатель обязанъ не нарушать временнаго владѣнія арендатора по силѣ 521 ст. X т. ч. 1, потому ли, что по нашему законодательству право арендатора на временное владѣніе есть право вещное, или потому, что обязанность третьихъ лицъ не нарушать права арендатора вытекаетъ изъ положительнаго закона, *ex lege*—для настоящаго вопроса безразлично; право же залогодержателя на арендную плату и обязанность арендатора таковую производить залогодержателю основываются на томъ, что эта плата составляетъ доходъ съ имѣнія. эквивалентъ за пользованіе, а таковой доходъ принадлежитъ во все время временнаго управленія залогодержателю, а не хозяину.

Отсюда ясно, что при неуплатѣ арендаторомъ арендныхъ денегъ, залогодержатель имѣетъ лишь право искать эти деньги съ арендатора, какъ доходъ съ имѣнія, на основаніи законнаго права его на доходъ, но не вправе требовать, на основаніи аренднаго договора, прекращенія онаго.

Можетъ ли это право принадлежать хозяину?—На этотъ вопросъ можно отвѣтить различно, смотря потому, какъ производится плата по договору: за прошедшее время или впередъ за будущее время. Въ первомъ случаѣ хозяинъ права на прекращеніе договора имѣть не долженъ, потому что неуплатою арендаторомъ арендныхъ денегъ залогодержателю за прошедшее время, въ которое имѣніе

находилось въ управленіи залогодержателя, арендаторъ правъ хозяина не нарушилъ, ибо деньги эти ему не принадлежать и хозяинъ за арендатора не отвѣтствененъ. Во второмъ случаѣ хозяинъ можетъ просить о прекращеніи договора, потому что онъ имѣетъ возможность уплатить залогодержателю долгъ по закладной и освободить имѣніе отъ управленія, и тогда залогодержатель обязанъ возвратить излишніе полученныя отъ арендатора деньги; тѣмъ болѣе при неисправности арендатора, хозяинъ, въ случаѣ удовлетворенія залогодержателя, вправѣ получить арендныя деньги отъ арендатора. Впрочемъ, этотъ вопросъ имѣетъ мало отношенія къ тому вопросу, который предстоялъ для разрѣшенія по дѣлу К. и Ф.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ: имѣетъ ли залогодержатель право на неустойку? По этому вопросу можно сослаться на тѣ самыя соображенія, которыя приведены мною выше по первому вопросу. Мы доказали выше, что искъ залогодержателя къ арендатору не можетъ быть искомъ *договорнымъ*, основаннымъ на договорѣ, такъ какъ договорныя отношенія, существовавшія между арендаторомъ и хозяиномъ до передачи имѣнія во временное управленіе залогодержателю, съ этою передачею не прекращаются, и что право залогодержателя на наемную плату вытекаетъ изъ того, что ему принадлежитъ право на пользованіе имѣніемъ, и арендная плата составляетъ эквивалентъ этого пользованія; неустойка же не есть доходъ съ имѣнія, а личное обязательство, на договорѣ основанное; условіе о неустойкѣ есть условіе произвольное: оно можетъ быть и не быть въ договорѣ. Во всякомъ случаѣ неустойка не можетъ считаться доходомъ имѣнія. Это можно вывести изъ смысла 610 и 620 ст. X т. ч. 1, и 1118-1119 и 1120 ст. уст. гражд. суд. Такъ, въ ст. 610 законъ говорить, что недобросовѣстный владѣлецъ обязанъ возвратить хозяину полученныя имъ съ имущества доходы, а въ ст. 620 законъ опредѣляетъ эти доходы, между прочимъ, оброкъ, денежныя суммы, полученныя за аренду. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что недобросовѣстный владѣлецъ, если взыскивалъ съ арендаторовъ имѣнія, во время его недобросовѣстнаго владѣнія, по договорамъ, которые онъ съ ними заключалъ, неустойки, не обязанъ таковыя возвращать хозяину при возвращеніи имъ послѣднему имѣнія, вмѣстѣ съ суммами, полученными имъ за аренду. Самое вѣрное и правильное опредѣленіе понятія дохода сдѣлала казанская судебная палата въ дѣлѣ, которое приведено въ рѣш. гражд. деп. 1879 г.

№ 177. „Подъ словомъ „доходъ съ имѣнія“, говоритъ она, мы разумѣемъ такую выгоду, которая получается: а) *не случайно*, а по опредѣленному, присущему самому имуществу предназначенію къ производству извѣстнаго рода прибыли, б) *неодновременно*, а болѣе или менѣе періодически, правильно, и в) *не извне*—по отношенію къ самому имуществу, а отъ самого имущества, въ силу производительности онаго“. Эти-то доходы и принадлежать залогодержателю, какъ доходы по имуществу: денежные и хлѣбные и другіе заведенные съ онаго доходы, какъ сказано въ ст. 30 т. X ч. 2. Ему принадлежитъ пользованіе вмѣсто процентовъ *родовыми* доходами имущества, пользованіе, соединенное съ управленіемъ, и подчиненное отчетностью предъ хозяиномъ (Побѣдоносцевъ, Курсъ гражд. права т. 2 ч. 1 стр. 69). Неустойка же не есть доходъ по имѣнію; она получается случайно, одновременно и извне по отношенію къ имуществу, не въ силу производительности имѣнія, а въ силу договора, въ силу принятаго обязательства. Что неустойка не составляетъ дохода съ имущества можно еще вывести изъ слѣдующихъ соображеній. По статьямъ 1118, 1119 и 1120 уст. гражд. суд. объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имѣній, имѣніе оцѣнивается по среднему количеству чистаго дохода за 5 лѣтъ, что подтверждается, между прочимъ, и контрактами. Понятно, что при таковой оцѣнкѣ не можетъ быть принята въ расчетъ сумма неустойки, если таковая въ контрактахъ выговорена.

Всѣ эти соображенія привели меня къ тому заключенію, что залогодержатель не имѣетъ права на неустойку, Съ этими доводами моими согласилась судебная палата и, отказавъ К. въ искѣ, отмѣнила рѣшеніе окружнаго суда. Но если залогодержатель не имѣетъ права на неустойку, имѣетъ ли право требовать ее залогодатель? Я склоненъ рѣшить этотъ вопросъ утвердительно въ томъ случаѣ, если плата производится впередъ за будущее время, и отрицательно—если она производится за прошедшее время, по тѣмъ самымъ соображеніямъ, которыя приведены мною выше, такъ какъ въ первомъ случаѣ хозяинъ, залогодатель, заинтересованъ въ томъ, чтобы арендная плата была внесена исправно, а въ послѣднемъ случаѣ его интересъ не нарушенъ.

О. Иосилевичъ.

ДИСПУТЪ ГІАЦИНТОВА.

11 декабря (1888 г.) въ с.-петербургскомъ университетѣ магистрантъ Гіацинтовъ защищалъ свое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Основанія организаціи тарифнаго дѣла на желѣзныхъ дорогахъ“, представленное имъ для полученія степени магистра политической экономіи. Въ своей довольно продолжительной вступительной рѣчи г. Гіацинтовъ изложилъ главнѣйшіе результаты произведеннаго имъ изслѣдованія основаній желѣзнодорожныхъ тарифовъ, которые могутъ быть вкратцѣ выражены въ слѣдующемъ: Организація тарифнаго дѣла представляетъ собою одну изъ наиболѣе сложныхъ и въ тоже время важнѣйшихъ задачъ такой эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, чтобы они дѣйствительно оказывали обществу ту услугу, которую они призваны исполнять въ силу своихъ техническихъ совершенствъ, какъ средство перевозки пассажировъ и грузовъ. Между тѣмъ современная организація тарифнаго дѣла заключаетъ въ себѣ много существенныхъ недостатковъ, что оказываетъ часто весьма важное вліяніе на крупнѣйшіе интересы народнаго хозяйства. Тою или другой платой за провозъ товаровъ опредѣляется возможное направленіе ихъ движенія и дальность перемѣщенія. У насъ въ Россіи неудовлетворительное состояніе тарифовъ давно уже ощущается на практикѣ и было неоднократно выяснено правительственными коммисіями по желѣзнодорожнымъ вопросамъ. Однако существенныхъ перемѣнъ въ организаціи тарифнаго дѣла у насъ до сихъ поръ еще не произведено даже новѣйшимъ уставомъ 1885 г. Всѣ попытки правительственнаго регулированія тарифовъ были отклоняемы, главнымъ образомъ, по трудности разрѣшенія этой задачи. Настоящій трудъ является поэтому попыткой выясненія главныхъ основныхъ началъ правильной организаціи тарифовъ, не вдаваясь въ частности практическаго ихъ осуществленія. Единственной, наиболѣе серьезной попыткой разрѣшенія этого вопроса въ литературѣ у насъ (въ Россіи) является сочиненіе г. *Витте* (Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ. 1883 г.). Но въ этомъ сочиненіи вопросъ разсматривается съ точки зрѣнія интересовъ желѣзныхъ дорогъ, какъ коммерческихъ предпріятій. Между тѣмъ такой путь для рѣшенія даннаго вопроса долженъ быть признанъ и невѣрнымъ и опаснымъ. Вопросъ долженъ быть поставленъ на государственную и народно-хозяйственную точку зрѣнія, такъ какъ частъ

ныя желѣзнодорожныя предпріятія въ дѣлѣ установленія тарифовъ исключительно преслѣдуютъ свои коммерческія цѣли—извлеченіе возможно большаго барыша. Такое стремленіе желѣзнодорожныхъ обществъ не только не согласуется съ народно-хозяйственными интересами, но часто или даже прямо противорѣчитъ. Отдѣльныя дороги совершенно произвольно устанавливають свои тарифы, разнообразять ихъ до безконечности, дѣлая существенное различіе даже по отдѣльнымъ участкамъ одной и той же линіи, не говоря уже о требованіи различной оплаты движенія грузовъ въ ту или другую сторону. Дѣло организаціи тарифовъ, по сему, должно подлежать сознательному регулированію ихъ въ интересахъ всего общества,

Со стороны изслѣдованія этого вопроса предлагалось нѣсколько системъ или принциповъ, которые должны бы были быть положены въ основу реорганизаціи тарифовъ. Такъ, на первомъ планѣ не рѣдко выдвигался принципъ согласованія провозной платы съ стоимостью провоза или величиной издержекъ по отношенію къ каждой отдѣльной перевозкѣ. На первый взглядъ соблазнительной своей простотой и справедливостью принципъ этотъ, при ближайшемъ изслѣдованіи его, оказывается несостоятельнымъ, въ виду затруднительности его проведенія въ дѣйствующей системѣ тарифовъ, невыгодности его для общества и несоотвѣтствія съ общественнымъ значеніемъ совершаемыхъ по желѣзнымъ дорогамъ перевозокъ. Для правильного разрѣшенія тарифнаго вопроса надо установить совершенно иную точку зрѣнія, именно—не исходить изъ интересовъ самого желѣзнодорожнаго предпріятія, а изъ тѣхъ требованій, которыя къ нему могутъ быть предъявляемы въ интересахъ народнаго хозяйства. И тутъ оказывается, что положеніе желѣзныхъ дорогъ въ народномъ хозяйствѣ заставляетъ искать основнаго принципа желѣзно-дорожныхъ тарифовъ въ условіяхъ производства и сбыта товаровъ и приводитъ къ необходимости *принять за основаніе для опредѣленія провозной платы платежную способность грузовъ, выражаемую разностью цѣны въ пунктахъ вывоза и ввоза товаровъ.* Таковъ основной принципъ тарифовъ, который самъ по себѣ долженъ быть признанъ наиболѣе правильнымъ и таковъ главный выводъ общей части даннаго изслѣдованія.

Во второй, специальной части, изслѣдованы условія, при которыхъ можетъ быть достигнуто упорядоченіе самой организаціи желѣзнодорожныхъ тарифовъ. При разсмотрѣніи этихъ условій при-

ходится сталкиваться съ болѣе общими вопросами народнаго хозяйства, именно—съ вопросами о преимуществахъ свободы и государственнаго регулированія хозяйственной дѣятельности. Вопросъ этотъ прежде слишкомъ безусловно рѣшался въ пользу свободы, но теперь начинаетъ все болѣе и болѣе сознаваться необходимость сознательнаго регулированія этой стороны жизни общества путемъ государственнаго вмѣшательства. Такъ и проведеніе вышеуказаннаго основнаго принципа въ дѣйствующихъ тарифахъ и общее упорядоченіе тарифнаго дѣла не могутъ быть достигнуты при системѣ частнаго хозяйства на желѣзныхъ дорогахъ по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, въ виду монопольнаго характера желѣзныхъ дорогъ по сравненію съ другими путями сообщенія; во вторыхъ, вслѣдствіе тарифной неурядицы, вызываемой конкуренціей въ области самой желѣзнодорожной перевозки и непрочности такой конкуренции, и въ третьихъ, по отсутствію мотивовъ, способныхъ заставить частныхъ предпринимателей согласовать свой личный интересъ съ общей пользой.

Недостатки частно-хозяйственной системы тарифовъ не могутъ быть устранены посредствомъ контроля государства надъ дѣятельностью частныхъ предпринимателей, такъ какъ при этомъ контроль дѣятельность государства оставлять слишкомъ широкій просторъ распорядителямъ тарифовъ, по необходимости ограничивается формальной стороной тарифнаго дѣла и является, въ большинствѣ случаевъ, чисто отрицательной; принимаемыя же мѣропріятія носятъ характеръ случайный, исключающій возможность общаго и прочнаго упорядоченія дѣйствующихъ тарифовъ.

Отсутствіе регулятора для свободной дѣятельности предпринимателей и недостаточность государственнаго контроля приводятъ къ необходимости казеннаго завѣдыванія тарифами, обеспечивающаго правильную постановку тарифнаго дѣла, какъ въ силу тѣхъ принциповъ, которые по необходимости должно проводить государство въ качествѣ хозяина на желѣзныхъ дорогахъ, такъ и въ силу особенностей государственнаго управленія. Въ конечномъ выводѣ изъ всего этого получается признаніе необходимости государственнаго владѣнія желѣзными дорогами, потому что только при этомъ условіи осуществима правильная и согласованная съ интересами цѣлаго народнаго хозяйства организація тарифнаго дѣла.

Въ заключеніе диспутантъ добавилъ, что книга его вышла въ

свѣтъ почти два года тому назадъ; поэтому въ нѣкоторыхъ частностяхъ она нѣсколько, можетъ быть, и устарѣла, но общія основныя положенія свои авторъ считаетъ и до настоящаго времени выполненъ правильными.

Первымъ оппонентомъ былъ проф. *Вреденъ*, начавшій съ того, что рассматриваемое сочиненіе представляетъ собой именно только изслѣдованіе, но не разрѣшеніе тарифнаго вопроса. Причина этому заключается въ отсутствіи твердой научной почвы и исходнаго пункта. Этимъ же недостаткомъ грѣшатъ и всѣ почти предшествовавшія изслѣдованія этого вопроса. Ихъ писали, въ большинствѣ случаевъ, практики тарифнаго дѣла, которые путались въ бухгалтерскихъ частностяхъ и трудностяхъ, а потому и не могли придти къ такому правильному разрѣшенію вопроса, которое только и можетъ быть дано разработкой теоріи, въ смыслѣ широкаго обобщенія фактовъ. Настоящей же желѣзнодорожной бухгалтеріи даже и нѣтъ, а есть одна ложь и путаница. Точно также нѣтъ и настоящей желѣзно-дорожной статистики, а потому всѣ сочиненія по желѣзно-дорожнымъ вопросамъ, какъ труды Цѣхановецкаго, Чупрова, Добрынина, Витте и другія, страдаютъ отсутствіемъ научности и теоретической постановки вопросовъ. Наиболѣе цѣнно только сочиненіе Пихно о желѣзно-дорожныхъ тарифахъ, но и въ немъ есть большіе пробѣлы.

Общій всѣмъ этимъ трудамъ, какъ и рассматриваемому сочиненію, недостатокъ—это противоположеніе коммерческой дѣятельности и интересовъ—государственнымъ. Между тѣмъ желѣзныя дороги вовсе не суть предпріятія коммерческія только потому, что они извлекаютъ доходъ, тогда и профессорская дѣятельность тоже будетъ коммерческая. Желѣзныя дороги, по условіямъ своего возникновенія, суть особые учрежденія, такъ какъ государство даетъ и средства, и гарантію и отчуждаетъ для нихъ землю и т. п. Къ нимъ совершенно нормально предъявлять извѣстныя требованія въ интересахъ общественныхъ, но для этого нечего противопоставлять ихъ, какъ учрежденія коммерческія, государственнымъ. Въ данномъ же сочиненіи центръ тяжести рѣшенія вопроса сводится не къ тому, *какъ* вести дѣло тарифное, а *кому* его вести, и рѣшается въ пользу государства. Между тѣмъ, если правильно рѣшонъ вопросъ *какъ* гарантировать тарифы, то тогда уже безразлично—*кто* будетъ ими практически завѣдывать. Иначе будетъ простая смѣна хозяевъ, какъ это и было у насъ, сперва—казна, потомъ—частныя общества,

затѣмъ надзоръ правительственной инспекціи и, наконецъ, опять казна. Услуги желѣзныхъ дорогъ совершенно подобны услугамъ доставляемымъ почтой и телеграфомъ, а послѣдніе, составляя учрежденія государственныя, далеко не во всѣхъ частностяхъ эксплуатируются непосредственно самимъ государствомъ, что не вредить дѣлу. Тоже самое было прежде и съ желѣзными дорогами, которыя давали только рельсовый путь, а движеніе составляло дѣло особыхъ предпринимателей. Слѣдуетъ, поэтому, нападать не на принципъ частной эксплуатаціи вообще, а на реальные недостатки, какъ напримѣръ—необезпеченность срочности доставки, обезпеченіе отъ случайностей, а также и произвольность тарифныхъ ставокъ. Между тѣмъ, получая значительныя субсидіи, желѣзныя дороги, въ случаяхъ экстренной надобности, могли бы возить товары, какъ нынче хлѣбъ напримѣръ, даромъ. Расходы покрывались бы изъ общихъ податныхъ средствъ, изъ которыхъ почерпаются средства на субсидіи, гарантіи и т. п. Отъ этого выигрывали бы тѣ же плательщики налоговъ, теперь же они больше страдаютъ какъ вслѣдствіе высокихъ тарифовъ, такъ и неаккуратности доставокъ.

При установленіи тарифовъ нѣтъ надобности въ точномъ перечисленіи товаровъ, ни по стоимости ихъ самихъ, ни по стоимости перевозки, а слѣдуетъ устанавливать гораздо болѣе общіе признаки по способамъ укладки, по помѣстительности и т. п. По поводу такъ называемаго казеннаго хозяйства, проф. Вреденъ развилъ нѣкоторую особенную теорію утилизованія дорого стоящихъ народу военныхъ силъ, которыя могли бы быть употребляемы во время маневровъ и упражненій на постройку дорогъ, мостовъ, на взрываніе пороховъ въ рѣкахъ и т. п.

Оставляя значительную часть этихъ замѣчаній безъ возраженій, *Гацинговъ* указывалъ на то, что онъ именно не напиралъ на частности тарифнаго дѣла, а изслѣдовалъ общіе принципы и установилъ требованіе согласованія провозной платы съ платежной способностью товаровъ. Отождествленія же желѣзныхъ дорогъ съ почтой и телеграфомъ онъ признать не можетъ, равно какъ и вытекающихъ отсюда выводовъ. Точно также къ вопросу о тарифахъ не относится срочность доставки и прочіе вопросы эксплуатаціи дорогъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, на чемъ такъ подробно останавливался этотъ оппонентъ.

Второй оппонентъ проф. *Георіевскій* возражалъ, прежде всего,

противъ основнаго, рекомендуемаго диспутантомъ принципа согласованія провозной платы съ платежной способностью товаровъ. Такое согласованіе не было бы въ интересахъ перевозчиковъ грузовъ и нарушало бы естественное распредѣленіе продуктовъ по ближайшимъ районамъ. Если брать за провозъ разницу въ цѣнахъ изъ двухъ мѣстъ доставки, то вышло бы, что изъ отдаленнаго мѣста цѣна за провозъ не достигала бы дѣйствительной стоимости его, а изъ ближайшихъ—искусственно назначалась бы выше ея. Такое неправильное назначеніе платы является для диспутанта естественнымъ потому только, что онъ вообще отрицаетъ вліяніе стоимости перевозки товаровъ на рыночную цѣну ихъ въ данномъ мѣстѣ, что совершенно невѣрно и противорѣчитъ дѣйствительности. Устраняя же путемъ тарифовъ вліяніе разстоянія, тѣмъ самими желѣзныя дороги создавали бы искусственное покровительство разнымъ мѣстностямъ и отраслямъ промышленности. По частнымъ вопросамъ г. Георгіевскій указывалъ на нѣкоторыя непоследовательности и взаимныя противорѣчія, какъ напримѣръ—по вопросамъ о вліяніи конкуренціи съ водными путями, о средствахъ пользованія государствомъ установленіемъ тарифовъ. Въ послѣднемъ случаѣ формулировка руководящихъ принциповъ слишкомъ обща, сводясь къ требованію „устойчивости, единообразія, согласованія съ интересами всего народнаго хозяйства“ и т. п. Безусловно согласился этотъ оппонентъ только съ тѣмъ общимъ выводомъ диспутанта, что упорядоченіе тарифнаго дѣла возможно только при переходѣ дорогъ въ казенную собственность и управленіе. Кромѣ того указано было на недостатокъ подпользованія научно литературными трудами и работами правительственныхъ комиссій.

Г. Гіацинтовъ возражалъ на это, между прочимъ, что тарифы имѣютъ большею частью вліяніе только на отдѣльные случаи установленія цѣнъ товаровъ, такъ что какъ они сами по себѣ, такъ и вообще стоимость перевозки не могутъ существенно вліять на общія условія установленія цѣнъ товаровъ, такъ какъ послѣднія опредѣляются, главнымъ образомъ, соотношеніемъ спроса и предложенія. По частнымъ вопросамъ г. Гіацинтовъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки, признаваясь въ неточности и неясности редакцій нѣкоторыхъ выраженій, дающихъ поводъ къ обвиненію въ мнимомъ противорѣчіи.

Третьимъ возражалъ г. Токарскій (авторъ брошюры „Желѣзно-дорожная монополія“). Онъ еще болѣе обстоятельно доказывалъ не-

состоятельность принципа согласованія провозной платы съ разницей въ цѣнахъ товаровъ на мѣстахъ ввоза и вывоза, такъ какъ это, прежде всего, вызвало бы труднѣйшую работу по опредѣленію цѣнъ однихъ и тѣхъ же товаровъ въ разныхъ мѣстахъ, для которыхъ должны быть установлены различные тарифы. Такой принципъ тарифа вытекаетъ изъ такой же монополіи желѣзныхъ дорогъ, на которую такъ нападаетъ диспутантъ въ своихъ возраженіяхъ, на принципъ согласованія провозной платы со стоимостью перевозки. Въ этомъ диспутантъ даже незамѣтно сходится со своимъ противникомъ г. Витте, впадая въ тоже время въ противорѣчія съ внутренней идеей своего собственнаго труда, такъ какъ рекомендуемый имъ основной принципъ для организаціи тарифовъ не согласуется съ интересами всего народнаго хозяйства, а порождаетъ бы искусственное поощреніе однихъ производителей на счетъ другихъ.

Вообще доводы противъ согласованія провозной платы съ издержками провоза—несостоятельны и практика Германіи ни въ чемъ существенно не отступила отъ этого принципа въ своихъ послѣднихъ реформахъ. Вычисленіе этихъ издержекъ вовсе не такъ трудно, какъ это кажется диспутанту и, потому, не можетъ служить серьезнымъ препятствіемъ. Гораздо же несправедливѣе навертывать на дорогихъ товарахъ (напр. сахаръ) стоимость провоза другихъ болѣе дешевыхъ (напр. хлѣба).

Г. Гіацинтовъ возражалъ на это, что онъ возстаетъ противъ согласованія провозной платы съ издержками не въ виду трудности вычисленія этихъ издержекъ, а принципиально, что и разъяснено въ его трудѣ съ достаточной ясностью, гдѣ онъ говоритъ о невозможности согласовать тарифъ съ издержками и пробѣгомъ (стр. 29, 30 и др.).

Послѣднимъ возражалъ редакторъ Экономическаго Журнала *1. Субботинъ*, указывая на слабую разработку вопроса объ организаціи тарифнаго дѣла самимъ государствомъ. Тутъ слѣдовало бы поставить задачи гораздо шире, связать съ возможностью и задачами покровительства тѣмъ или другимъ промышленнымъ районамъ, съ вопросомъ о таможенныхъ пошлинахъ и обратныхъ грузахъ и т. п.

Но г. Гіацинтовъ возразилъ, что все это вывело бы его изслѣдованіе за предѣлы поставленныхъ имъ себѣ задачъ.

По заключеніи преній, диспутантъ провозглашенъ былъ за-служивающимъ ученой степени магистра политической экономіи.

У КОММИСИОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ

И. П. АНИСИМОВА

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ: только что отпечатаны и поступили
въ продажу:

СУДЕБНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1889 годъ въ шагреновомъ тиснен-
номъ переплетѣ, съ бесплатнымъ *приложеніемъ* и *картой су-*
дебныхъ округовъ Имперіи. Ц. 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

УСТАВЪ СТРОИТЕЛЬНЫЙ

(Св. зак. т. XII, ч. 1 изд. 1857 г.).

измѣненный и дополненный узаконеніями, обнародованными по
1 ноября 1888 г. съ разъясненіями правительствующаго сената и
циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ. Составленъ по пору-
ченію оберъ-прокурора уголов. кассац. д—та правительствующаго
сената А. О. Кони, старшимъ помощникомъ оберъ-секретаря того
д—та Шрамченко. С.-П.-Б. 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересыл-
кою 1 р. 80 к.

Решетиторіумъ полицейскаго права, составленный по курсу проф.
Андреевскаго. Х. 1888 г. Ц. 2 р. 25 к.

Мартенсъ Ф. Современное международное право цивилизованныхъ
народовъ, т. II. С.-П.-Б. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Камаровскій Л. О новѣйшей литературѣ морскаго и военнаго права.
М. Ц. 75 к.

Редигеръ А. Учебныя записки по военной администраціи (курсъ
младшаго класса). С.-П.-Б. Ц. 4 р.

Сазоновъ Г. Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ
государственно-экономической программой. С.-П.-Б. 1889 г.
Ц. 2 р.

ОСОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА,

которое будетъ печататься на веленовой бумагѣ и разсылаться по почтѣ безъ симанія. Кромѣ 24 книжекъ „Труда“, подписчики на роскошное изданіе „Всемирной Иллюстраціи“ получать еще особое художественное приложеніе—изящный альбомъ женскихъ головокъ въ гравюрахъ съ картинъ и рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ „Всемирной Иллюстраціи“ на 1889 годъ:

	I обыкновенное изданіе.	II роскошное изданіе.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	12 руб.	20 руб.
при подпискѣ въ главной конторѣ: Садовая № 16.		
Въ Москвѣ безъ доставки	14 руб.	22 руб.
Въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ Д. Ланга, на Кузнецкомъ мосту. 2) въ конторѣ Н. Е. Печковской, Петровскія линіи.		
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой	14 руб.	25 руб.
Въ другіе города Россійской имперіи. . .	15 руб.	25 руб.
Главная контора журнала „Всемирная Иллюстрація“ въ Спб. Садовая, № 16.		

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

НОВАЯ КНИГА

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

Н. Е. РЕННЕНКАМПА.

ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

„НОВОСТИ ДНЯ“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

1889 Г.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ СЕДЬМОЙ

1889 Г.

„Новости Дня“, какъ и въ прежніе годы, дадутъ своимъ читателямъ возможно ясное и точное представленіе обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ политической и общественной жизни. Цѣль газеты „Новости Дня“—въ общедоступной формѣ служить для читателя живымъ и яркимъ отраженіемъ интересовъ текущей дѣйствительности. „Новости Дня“ удовлетворяютъ, какъ столичныхъ читателей, быстро схватывая на лету злобу столичнаго дня, такъ и провинціальныхъ, давая въ отдѣлѣ беллетристики легкое и занимательное чтеніе въ формѣ романовъ, повѣстей, очерковъ и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ ежедневномъ фельетонѣ.

Для наступающаго 1889 года имѣются между прочимъ оригинальные романы и повѣсти:

„Безприданница“, романъ въ 2 част., и „Дама самъ - третей“, повѣсть, соч. князя *С. В. Голицына* (автора романа „Былое Времячко“). „Въ Лунную Ночь“, соч. *И. Н. Ге*. „Муви Прометея“, повѣсть изъ театральнаго быта, соч. *Н. А. Хлюпова*. „Современный Герой“, романъ, соч. *Н. Осипова*. „Двѣ Сестры“, повѣсть, сочиненіе *С. Нестерова*. „Черсть Божій“, историческая повѣсть изъ временъ „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича, соч. *Д. Дмитриева*.

Независимо отъ всего этого, въ „Новостяхъ Дня“ помѣщаются портреты лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Новымъ годовымъ подписчикамъ будетъ высланъ помѣщавшійся въ „Нов. Дня“ и отпечатанный отдѣльной книгой романъ: „Купленный мужъ“—*В. Ривилля*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ доставкою въ Москвѣ . . .	8 —	5 —	2 90	1 —
Съ пересылкой въ города . . .	9 —	5 50	3 —	1 —
Съ пересылкой за границу . . .	13 —	7 90	4 70	1 60

Адресъ: Москва, Мясницкая, д. Сытова, контора газ. „Новости Дня“.

Редакторъ-издатель *А. Липскеровъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

1889, ГОДЪ ШЕСТОЙ

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ РУССКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ И ИЗДАТЕЛЕЙ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Правительственныя распоряженія, относящіяся до спеціальности журнала (Высочайшія повелѣнія, распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ и министерства, вновь разрѣшаемыя повременныя изданія, переѣмны въ изданіяхъ существующихъ, о книгахъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній и ихъ библіотекъ и пр.); 2) Свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его правленія; 3) Книжно-торговое дѣло (сообщенія книгопродавцевъ и издателей, имѣющія общественный интересъ, сношенія ихъ какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденціи, вопросы, разныя свѣдѣнія, почтовый ящикъ и проч.); 4) Указатель новыхъ изданій (списокъ выходящихъ въ продажу книгъ); указатель помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ отзывовъ о книгахъ; четыре раза въ году рефераты и рецензіи; 5) Предложеніе и спросъ; 6) Объявленія.

Срокъ выхода одинъ разъ въ мѣсяцъ. Форматъ in 8°.

Подписная цѣна 3 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Страница in 8°	5 руб.
¹ / ₂ страницы	3 руб.
¹ / ₄ страницы	2 руб.
Строка петита въ ширину страницы	20 коп.
Строка петита въ ширину столбца	10 коп.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.

Объявленія и подписка отъ иногородныхъ и книгопродавцевъ принимаются въ Конторѣ Редакціи, при книжномъ магазинѣ Н. Д.

Тяпкина, Спб., Васильевскій Островъ, 7 линія, д. № 6.

Въ конторѣ Редакціи „К. В.“ можно получать полныя комплекты „Книжнаго Вѣстника“ за 1884, 1885, 1886 и 1887 годы. Цѣна по 3 руб. за годъ, съ доставкой и пересылкою.

ОБЪИЗДАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ въ 1889 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются. 1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта. 2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету. 3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей. 4) Обзорнія преподаванія по полугодіямъ. 5) Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся. 6) Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ. 7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, административной и хозяйственной части Университета. 8) Годичные отчеты по университету. 9) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями. 11) Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации. 12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ. 13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей. 14) Ученые труды преподавателей и учащихся. 15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1889 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп., а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій) о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ, при выпискѣ *приложеній*, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Студенты университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб. продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру университета Н. Я. Оглобину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4. и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Главный редакторъ В. ИКОННИКОВЪ.

БИБЛИОГРАФЪ

1889.

В Ъ С Т Н И К Ъ

Годъ V.

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУСТВА.

ЖУРНАЛЪ БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ, КРИТИЧЕСКІЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ.

Выходить ежемѣсячно.

Учебнымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основн. библиотекъ всѣхъ среднѣхъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.— Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для приобретенія въ фундаментальныя библиотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Учебнаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библиографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библиографическая летопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) правительственные распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. О. Анпенскій, А. И. Барбашевъ, Я. О. Березинъ-Шираевъ проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ, П. В. Владиміровъ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. О. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, проф. О. О. Миллеръ, А. Е. Молчановъ, С. О. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташницкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р.

отдѣльно номеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; $\frac{3}{4}$ стран.—6 руб. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран.—4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ стран.—2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „БИБЛИОГРАФА“ за 1885, 1886 и 1887 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1 и 2. Ц. по 60 коп. 2) Библиографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библиографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библиографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1889 г.

НА

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

который будетъ выходить въ 1889 году подъ той-же редакціей и по той-же программѣ

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки.	12	„	—	„
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи.	13	„	50	„
Съ доставкой въ Петербургъ	12	„	50	„
За границу	15	„	—	„

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—5 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля и 1-му октября по 2 рубля.

Учащимся, духовенству, сельскимъ учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкой 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ—4 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля и къ 1-му октября 2 рубля.

Цѣна 12 книгъ 1887 года.	10	р.	—	к.
„ „ „ 1886 „ . .	10	„	—	„
„ 4 „ 1885 „ . .	5	„		„

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ *Главной Конторѣ журнала, Басковъ пер., 15.*—Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час. исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

Издательница *А. В. Сабашникова.*

Редакторъ *А. М. Евреинова.*

Отъ редакціи историческаго журнала
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Живѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимость южнорусскаго историческаго изданія чувствуется въ самой редакціи. За короткое сравнительно время въ нашемъ портфелѣ собрано такое количество разнообразныхъ матеріаловъ, обнимающихъ всѣ стороны и эпохи историческаго бытія южной Руси, полные матеріалы прибываютъ въ редакцію съ такимъ постоянствомъ, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшее существованіе нашего изданія можетъ почитаться прочно и вполне обезпеченнымъ. По мѣрѣ накопленія матеріала увеличивается число сотрудниковъ нашего изданія, своимъ дѣятельнымъ участіемъ ясно свидѣтельствующихъ о томъ, какое множество вопросовъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края ждетъ подобающаго освѣщенія и разрѣшенія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ редакція отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на ея призвѣ къ участію откликаются не только мѣстныя научныя и литературныя силы; на страницахъ нашего изданія появилось уже нѣсколько работъ, принадлежащихъ перу хорошо извѣстныхъ публикѣ столичныхъ литературныхъ дѣятелей.

Въ то же время никто яснѣе самой редакціи не видитъ и не сознаетъ недостатковъ изданія, неизбежныхъ во всякомъ подобномъ начинаніи и попыткахъ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ условіями литературнаго изданія въ провинціи. Достаточно понимать эти условія, чтобы не слишкомъ строго судить насъ за наши невольныя ошибки. За то съ чистою совѣстью мы можемъ сказать, что съ нашей стороны приложено было и прилагается всяческое стараніе къ тому, чтобы улучшить изданіе, по мѣрѣ возможности надлежаще удовлетворить читателей и, внимательно прислушиваясь къ голосу серьезной критики, устранить на будущее время замѣченные недостатки. Самый объемъ и составъ выпущенныхъ уже книжекъ, смѣемъ думать, достаточно свидѣлствуютъ, что старанія наши въ этомъ направленіи были не напрасны. Такъ, вмѣсто обѣщанныхъ 10—12 листовъ редакція выпускала книжки журнала въ 16—22 листа и болѣе; въ журналѣ въ текущемъ году принимали участіе: проф. Д. И. Багалій, Н. Н. Бакай, проф. В. С. Иконниковъ, П. А. Кятицынъ, М. О. Комаровъ, А. М. Лазаревскій, проф. И. И. Малишевскій, И. И. Манжура, проф. А. И. Маркевичъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, проф. О. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскій, Ц. Г. Нейманъ, О. Д. Николайчикъ, И. П. Новицкій, А. А. Русовъ, Н. В. Стороженко, В. Н. Ястребовъ и др.

Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ 8 р. 50 к., на полгода 5 р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на годъ 10 р., полгода 6 р. За границу на годъ 13 р., полгода 7 р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну городского адреса на иногородній и обратно уплачивается 50 к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 к. При перемѣнѣ адреса на заграницный доплачивается разица подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ въ конторѣ редакціи, Театральная д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину“ за 1883—87 гг. по 8 р. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Подписка на 1888 годъ продолжается.

Редакторъ-Издатель А. С. Лашковичъ.

ГОДЪ

О В Ъ И З Д А Н І И В Ъ 1889-мъ ГОДУ

XXVI.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“.

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ. Рекомендованъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія—для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, состоящихъ при IV отд. Собств. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА канцелярій учебнымъ комитетомъ—для чтенія воспитанницамъ женск. учебн. заведеній Императрицы Маріи. Духовно-учебнымъ управленіемъ рекомендованъ начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библіотекъ, военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе „Семейныхъ Вечеровъ“ состоитъ изъ 24-хъ книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. 2) Біографіи замѣчательныхъ людей. 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданій разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныя эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распределяться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинами, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила бы вполне пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой-же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія, такъ чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочли бы съ одинаковымъ интересомъ и пользою.

Къ отдѣлу для Семейнаго чтенія будутъ разсылаемы приложенія рисунковъ новейшихъ издѣлій, а къ отдѣлу для дѣтей—рисунки техническихъ искусствъ и различныя игры и занятія, а также награды подписчикамъ, приславшимъ определенное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла „Семейныхъ Вечеровъ“ будетъ разослана премія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ:	СЪ ДОСТАВКОЙ:
Полный журналъ (24 книжки)	10 р.	11 р. — „
Отдѣлъ для дѣтей (12 книжекъ)	5 „	5 „ 50 к.
„ „ семейнаго чтенія и юности (12 книгъ).	5 „	5 „ 50 „

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 руб.

Разсрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казен. учрежденіяхъ—за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній—за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ—по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала „Семейные Вечера“—С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 75—2, кварт. № 26, и въ конторѣ редакціи: типо-литографія Э. Е. Артольда, Литейная 69.

Редакторъ-Издательница С. С. КАШПИРЕВА.

Въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, «Новаго Времени»
и друг. продаются:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

**положеній и извлеченій изъ гражданскихъ кассационныхъ
рѣшеній.**

Т. I, по гражданскому праву съ 1866 года по 1876 г. Цѣна 2 р. Т. II, по гражданскому судопроизводству съ 1866 года по 1876 г. Цѣна 2 р. Т. III, по гражданскому праву и судопроизводству съ 1876 г. по 1879 г. Цѣна 1 р. Т. IV, по гражданскому праву и судопроизводству за 1879 г. Цѣна 75 к. Т. V, по гражданскому праву и судопроизводству за 1880 г. Цѣна 75 к. Т. VI, по гражданскому праву и судопроизводству за 1881 и 1882 годы. Цѣна 1 руб. Желающіе пріобрѣсти отъ составителя полный экземпляръ систематическаго сборника платятъ за всѣ томы 3 руб. 50 коп.

Составилъ Г. Вербловскій
(Членъ Воронежскаго Окружнаго Суда).

СБОРНИКЪ ЗАКОНОВЪ СЪ РАЗЪЯСНЕНІЯМИ.

Цѣна 1 рубль.

Законы о личномъ задержаніи; объ измѣненіи постановленій объ узаконенномъ ростѣ; о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами; объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, переходящихъ по крѣпостнымъ актамъ; о порядкѣ ликвидаціи дѣлъ кредитныхъ установленій. Составилъ Г. Вербловскій.

ОБЩЕЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ АВСТРІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

перевелъ Г. Вербловскій (изданіе редакціонной комисіи по составленію гражданскаго уложенія) цѣна 2 руб. 50 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ

О СОВѢТѢ ПО ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫМЪ ДѢЛАМЪ И ОБЩІЙ УСТАВЪ РОССІЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

Цѣна 1 рубль.

Книгопродавцамъ уступка 20%.

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ. Раздѣлы II, III и IV 1884 и 1885 г. Цѣна **40** к. съ пересылкою **60** к.

2) УСТАВЪ ДУХОВНЫХЪ КОНСИСТОРІЙ, 1884 г. Цѣна **40** к.

3) УСТАВЪ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ. Цѣна **25** к.

4) ПРАВИЛА О РАЗДРОБИТЕЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ. Цѣна **25** к.

5) А. Ф. КИСТЯКОВСКІЙ И ЕГО УЧЕНЫЕ ТРУДЫ. Рѣчь В. М. Володимірова. Цѣна **25** к.

6) О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ, НАКАЗУЕМЫХЪ ТОЛЬКО ПО ЖАЛОБѢ ПОТЕРПѢВШАГО, ПО РУССКОМУ ПРАВУ. Соч. А. Фонтъ-Резона. Цѣна **1** р.

7) РУКОВОДСТВО КЪ УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ. Соч. Ю. Глазера. Переводъ А. Лихачева. Выпускъ I. Цѣна **1** р. **25** к. Выпускъ II. Цѣна **75** к. Выпускъ III. Цѣна **75** к. Цѣна за всѣ три выпуска, составляющіе большой томъ въ 41 печатный листъ **2** р. **50** к. Для гг. студентовъ, а равно и для подписчиковъ журнала Гражданскаго и Уголовнаго права **2** р.

8) РѢШЕНІЯ СЕНАТА: гражданскаго и уголовного кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія за 1887 годъ. Цѣна **4** р. **50** к.

Цѣны обозначены съ пересылкою. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 25%; при покупкѣ же на 100 руб. 40%.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться за ясность и четкость писемъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, невзятые обратно—уничтожаются.

Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются бесплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *бесплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За рассылку объявленій при журналѣ, взимается по 10 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книгъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

Примечаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, а равно, при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылается по 1 р. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса высылается 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ нею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи **никакъ не позже** полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіе листовъ кассационныхъ рѣшеній** принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

Dr. W. E. F.
5/9/05

Объ изданіи въ 1889 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р. || съ пересылкой въ другіе города 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к. || за-границей . . . . . 12 р.
отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и рассылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. Гл. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гл. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уполъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, и Чичинадзе Малая Морская, 9; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

РЕДАКТОРЪ **В. Володиміровъ.**